Золотой фонд эзотерики

Н.К. РЕРИХ

ЗНАК ЭРЫ

Золотой фонд эзотерики

Николай Рерих

Знак эры (сборник)

«Эксмо»

Рерих Н. К.

Знак эры (сборник) / Н. К. Рерих — «Эксмо», — (Золотой фонд эзотерики)

ISBN 978-5-699-24779-0

В сборнике представлены самые глубокие по содержанию литературные произведения великого художника и мыслителя Н.К.Рериха. Являясь сотрудником духовных Учителей Востока, Н.К.Рерих отразил духовно-философские основы их мировоззрения в своем литературном творчестве.Иные миры и планы бытия; сакральная взаимосвязь человека с Космосом; загадки жизни, смерти, бессмертия; необычные природные явления, свидетельствующие о многомерной структуре мироздания; парапсихологические феномены и тайны высших духовных способностей человека; наконец, самый уникальный культурно-исторический феномен нашей планеты – обитель Высшего Разума, Шамбала, – все эти вопросы нашли увлекательное художественное отражение в рассказах, эссе и повестях мыслителя.

ISBN 978-5-699-24779-0

© Рерих Н. К.
© Эксмо

Содержание

Предисловие 7
I. Цветы Мории 14
I. Священные знаки 14
Заклятие 14
I 14
II 14
III 15
Священные знаки 15
Увидим 16
«На последних вратах» 17
Нищий 17
Тропинки 18
Поверить? 19
Завтра 19
Время 20
В толпу 21
Напрасно 21
В танце 22
Взойду 22
Увидишь 23
Привратник 23
Ключи от ворот 24
К нему 24
Наш путь 25
Не открою 25
II. Благословенному 27
Капли 27
Пора 27
Уводящий 28
Утром 28
Благодать 29
Открой 29
Оставил 30
Свет 30
Как устремлюсь? 31
Улыбка твоя 32
Не поняв 32
Я сохраню 33
И любовь 33
Бездонно 34
Любовь? 35
Не удалялся 36
Замечаю 36
Жемчуг 37
Нам? 37
Веселися! 38

Улыбкой? 38
III. Мальчику 40
Вечность 40
Свет 40
Жезл 40
Послан 41
Украшай 41
В землю 42
Не можем 42
Не убить? 43
Не считай 43
Не закрой 43
Под землею 44
Тогда 44
Поможет 45
Бог даст 45
При всех 46
О вечном 46
Повторяешь 47
Детские замки 48
Не убьют 48
Вижу я! 48
Захочешь 49
Подвиг! 49
II. Наставление ловцу, входящему в лес 51
Ловцу, входящему в лес 51
III. Стихотворения 57
«К ним» 57
* * * 58
* * * 60
Свечи 61
Молитва Гайятри 62
Священные знаки 63
Сон 64
Свод 65
Обернись 66
Встретим 67
Зов 68
О бедном 69
Полночь 70
В пути 71
Оставлю 72
Властитель ночи 73
Монеты 74
Дар 75
Владычица Знамени Мира 76
IV. Легенды 77
Легенды 77
Детская сказка 79

Царь Соломон 81
Гримр-викинг 83
Вождь 85
Марфа-Посадница 88
Старинный совет 89
Великий Ключарь 91
Лют-великан 92
Девассари Абунту 95
Лакшми-победительница 96
Знамения 98
Замки печали 100
Сон 101
Царица Небесная 102
Миф Атлантиды 103
Страхи 105
Клады 106
Города пустынные 107
Граница царства 109
V. Нареченное 110
Неисчерпаемость 110
Дружелюбие! 112
Мера искусства 114
Чуткость 115
Влечение 117
Стойкость 119
Скорее! 121
Твердыня пламенная 123
Силомеры 130
Терпимость 132
Оружие Света 135
Качество 138
Туман 141
Конец ознакомительного фрагмента. 143

Николай Константинович Рерих
Знак эры (сборник)

Предисловие

Произведения, представленные в данной книге, относятся к числу самых загадочных, глубоких, необычных по форме и содержанию литературных работ великого русского художника, философа, культурного деятеля Н. К. Рериха. Они объединены общей тематикой, основой которой стала тысячелетняя духовная культура Востока, родственная и российским духовным традициям. Поиск высших знаний и этических идеалов, а вместе с ними – путей к самосовершенствованию, к познанию Божественного и самого себя – эти стремления, ярко выраженные в духовной культуре Индии, всегда находили живой отклик и в русской душе.

Стремления к самосовершенствованию и духовному познанию издавна были связаны на Востоке с понятием Шамбалы – ушедшей от мира, но тем не менее служащей задачам его эволюции общины духовных Учителей человечества. Идея духовного Учителя, направляющего путь искателя Истины, всегда считалась краеугольной основой эзотерической философии Востока.

Тот факт, что Рерихи были учениками и сотрудниками духовных Учителей Шамбалы, известен сейчас практически всем. Основные принципы научно-философского мировоззрения великих подвижников Востока стали центральными идеями художественного и литературного творчества Н. К. Рериха…

Что же представляет собой загадочное международное Братство Посвященных в высшую мудрость, скрытое от мира в неприступных высотах Гималаев?

Эзотерические учения Востока утверждают, что человек приходит в этот мир не один раз, что дух его вечен и бессмертен. Умирает лишь физическое тело, и, сбросив его как старую одежду, душа человека переходит на другой план существования, чтобы затем вновь вернуться на землю в новом физическом теле. Цепь реинкарнаций, или перевоплощений, нужна человеку как непременное условие его духовной эволюции. В течение многих воплощений душа человека накапливает истинные знания и высокие духовные качества, которые сохраняются и в последующих жизнях индивида. Одаренные люди, гении, великие духовные подвижники – это не слепая игра судьбы или природных сил, это – результат долгого развития души и разума этих людей в предыдущих воплощениях. Духовные, психические, интеллектуальные и моральные способности и качества человек не столько получает от своих родителей, сколько приносит с собой из прошлых жизней. Целью долгого пути перевоплощений, проходимого каждой душой, является превращение обычного, несовершенного человека в человека Совершенного, или Богочеловека. Именно об этой далекой и прекрасной цели сказал Иисус своим ученикам: «Вы – боги!.. Совершенствуйтесь непрестанно, как совершенен Отец Ваш Небесный».

Живым примером достижения подобного духовно-этического и интеллектуального совершенства и является Братство духовных Учителей человечества – мудрецов и подвижников, несущих помощь всему миру. Именно они, Махатмы – «Великие души», как называют их на Востоке, – прошедшие путь космической эволюции от человека к богочеловеку, стоят у начала всех мировых духовно-нравственных, философских и религиозных учений, приносимых человечеству в качестве основы его духовной эволюции. Опередившие человечество в духовном и интеллектуальном развитии, эти адепты древнего знания посвятили свои жизни служению людям, ускорению их духовного развития. С самых ранних времен существования человечество знало об этих высших помощниках и Хранителях, незримо

руководящих духовным развитием людей. В эзотерических источниках говорилось, что с древнейших времен на нашей планете существовал центр Высшего Разума и высшего знания. Со времен Атлантиды в этом центре объединились великие духовные Учителя человечества – подвижники духа, овладевшие тайнами материи и неведомыми людям силами природы. Они создали свою обитель для того, чтобы успешнее бороться с силами зла и помогать духовному развитию большинства человечества. В течение веков и тысячелетий посланники этой обители появлялись в разных странах мира в качестве выдающихся духовных и общественных деятелей, основателей новых учений, и учили людей наукам, искусствам и ремеслам. Они выполняли свою просветительскую миссию, ничего не говоря непосвященным о существовании своего центра.

Передавая людям часть своих огромных знаний, Махатмы учили их прежде всего духовности и нравственности. Знание в руках безнравственных людей может быть смертельно опасным – это было подтверждено историей земной цивилизации не раз. Именно знание, лишенное духовно-нравственных основ, погубило некогда высокоразвитые в научно-техническом отношении цивилизации Атлантиды и Лемурии. Подавляющее большинство людей нашей цивилизации, так же как и атланты, не пожелало следовать духовно-нравственным принципам древних учений. Но Архаты не оставили kkkпопыток dddпередачи духовных знаний той части человечества, которая способна их воспринимать. В мире периодически появлялись посланники Белого Братства – сами Учителя, их ученики и сотрудники…

Посланниками таинственного Белого Братства в нашем мире были Н. К. и Е. И. Рерихи. Бывшие сотрудниками духовных Учителей Шамбалы на протяжении многих воплощений, они хранили интуитивное знание о существовании Махатм с самых ранних лет.

Это знание было тесно связано с эзотерическим мировоззрением Востока, с представлениями о духовном плане бытия, о высших мирах и состояниях материи, о необычных психических и духовных способностях человеческого сознания, в частности способностях ясновидения и яснослышания. Позднее именно эти способности, изначально свойственные Н. К. и Е. И. Рерихам, помогли им установить телепатическое общение с их духовными Учителями. Именно благодаря этому общению Н. К. и Е. И. Рерихи восприняли и передали России и западному миру учение Живой Этики. Многие образы и сюжеты литературных произведений Н. К. Рериха также были результатом глубочайшей духовной связи, существующей между ним и его духовным Наставником – Махатмой М. Биограф семьи Рерихов П. Ф. Беликов подчеркивал, что сборник стихов «Цветы Мории» отразил всю историю Общения художника с Учителем и таинственный процесс раскрытия высших духовных способностей и сил, необходимых на пути самосовершенствования и сотрудничества с Учителями.

Как пишет П. Ф. Беликов, в основе Общения Рерихов с Учителями лежал путь долгих духовных поисков. Одной из главных проблем этого пути было уравновешивание в сознании стремящегося к духовному познанию человека двух миров, двух планов бытия – земной и надземной реальностей. Лишь в тесной взаимосвязи и в неразрывной гармонии эти две реальности могли привести к подлинному духовному познанию и сотрудничеству с Учителями. Именно поэтому основа духовного пути Рерихов состояла не в «чудесах» и оккультных феноменах, а в естественных проявлениях законов как земного, так и надземного бытия, в тончайшей гармонии материального и духовного. История общения Рерихов с Учителями была отражена и в других произведениях художника. Так, очерки и эссе «Вехи», «Бывальщина», «Он», «Держава Света» имеют непосредственное отношение к самой таинственной стороне жизни Н. К. и Е. И. Рерихов – их встречам с Учителями как на физическом, так и на духовном плане бытия.

Первые встречи Рерихов с Учителями осуществились именно на Тонком плане, через каналы астрального мира. Вначале сны и видения, затем явления материализации подтвердили будущим посланникам Шамбалы факт их избранности и особой миссии, доверенной

им как сотрудникам Братства. Одно из самых таинственных эссе Н. К. Рериха буквально пронизано пламенным видением Великого Облика – посланника Высшего Мира: «В молчании было видение. Исполнились света предметы. И воссиял лик Великого Гостя. И замкнул Он уста и скрестил руки и струился светом каждый волос Его. И бездонно пристально сияли очи Его.

В бережности принес Пламенный весть обновленного, благословенного мира. Тайностью Он дал знак ко kkkблагу. dddВ дерзании Он напомнил о Несказуемом».

Читая эти огненные строки и восхищаясь силой поэтического выражения, заложенной в них, многие могут подумать, что в этих словах выражена некая метафора, далекий от земной реальности духовный Образ. Но в действительности пламенное видение, описанное художником с такой потрясающей силой, было не вымыслом, а реальностью высшего плана бытия. И с этой великой реальностью Рерихи встречались не однажды. Вот как описывается в книге П. Ф. Беликова «Рерих. Опыт духовной биографии» одна из первых встреч с Учителем, свидетельницей которой стала Е. И. Рерих.

«Примерно между 1907 и 1909 гг. Е[лена] И[вановна] имела Видение, потрясшее все ее существо. Вечером она осталась одна (Н[иколай] К[онстантинович] был на каком-то совещании) и рано легла спать. Проснулась внезапно от очень яркого света и увидела в своей спальне озаренную ярким сиянием фигуру Человека с необыкновенно красивым лицом. Все было насыщено такими сильными вибрациями, что первой мыслью Е. И. была мысль о смерти. Она подумала о маленьких детях, которые спали рядом в комнате, о том, что перед смертью не успела сделать нужных распоряжений. Однако вскоре мысль о смерти отступила, заменилась необычным, ни с чем не сравнимым ощущением – Присутствием Высшей Силы. Так состоялось Посещение Учителем Е. И., которое, несомненно, многое для нее открыло» (П. Ф. Беликов. «Рерих. Опыт духовной биографии». Новосибирск, 1994, с. 91 – 92).

Как отмечает в своей книге Беликов, явления иного плана бытия сопровождали весь путь знакомства Рерихов с эзотерической мудростью Востока и проявлялись в их жизни не однажды. Целью этих явлений было познакомить будущих сотрудников Шамбалы с законами иных планов бытия. Ведь в новом мировоззрении, которое Рерихи принесли миру в учении Агни Йоги, рассказывалось именно об иных планах бытия и их неразрывной взаимосвязи с миром земной реальности.

В этой связи Беликов приводит цитату из книги «Агни Йога»: «Сначала вам были явлены грубоматериальные законы.

Вы были участниками поднятия на воздух, производились опыты материализации и присылки предметов – все это не для увлечения, но для сурового познания. Затем вам был представлен астральный мир, но не для погружения в него. Расширяя сознание, вы получили возможность знать ауры и лики перевоплощений. Покончив с миром Полуматериальным, мы перешли к космическому ясновидению и яснослышанию. Пользуясь открытыми центрами сестры Ур[усвати][1], можно было показать лучи разных качеств и строение тонких субстанций» («Агни Йога», § 145)».

О том, что представляет собой мир иной, надземной реальности, немало говорится и в других рассказах, очерках и эссе Н. К. Рериха, представленных в данном сборнике. При этом необходимо отметить, что идея Высшей, космической реальности, великого Запредельного, не познанного наукой, освещается в творчестве Рериха с разных сторон. С одной стороны, это духовно-поэтическое выражение сакральных принципов и тайн бытия, отраженное в белых стихах и многих рассказах и эссе художника, с другой стороны – это рациональное

[1] *Урусвати* – духовное имя Е. И. Рерих. – kkkПрим. ред.ddd

осмысление последние достижений науки в области изучения многомерной природы Космоса и самого человека.

Роль науки в открытии человечеству иной, высшей реальности бытия Н. К. Рерих особо подчеркивал в своих работах. «Наука, чтобы быть обновленной, должна быть бесстрашной» – этот завет Рериха современной науке как нельзя более актуален.

«Парапсихология», «Туда и оттуда», «Жизнь вечная», «Следы мысли», «Потустороннее» и другие произведения дают нам величественную и захватывающую воображение картину иной реальности бытия – с одной стороны, существующей рядом с нами и оказывающей на нас огромное влияние, с другой стороны, совсем неизученной, таинственной, неведомой… К познанию и творческому освоению этой высшей реальности и призывают нас литературные работы великого русского художника и мыслителя. К этому же зовет мыслящих людей нашей эпохи и духовно-философское учение Шамбалы, принесенное в мир семьей Рерихов. В «Сердце Азии» Н. К. Рерих пишет: «Агни Йога в полном согласии с новыми проблемами науки намечает знаки изучения стихий и тончайших энергий. То, что недавно общо называлось учением воли и сосредоточения, то Агни Йога вправляет в целую систему овладения окружающими нас энергиями. Через расширение сознания и упражнение организма среди условий современной жизни, эта синтетическая Йога строит счастливое будущее человечества. Она говорит: не уходите от жизни, развивайте способности вашего аппарата и поймите великое значение психической энергии – человеческой мысли и сознания, как величайших творящих факторов. Йога говорит: в нашей самоответственности и в сознательном сотрудничестве будем стремиться к сужденной эволюции. Но, исследуя все наши возможности, прежде всего поймем радость труда, мужества и ответственности. Обращаясь в практических формулах ко всем сторонам жизни, йога указывает, как близки от нас стихии, и самая из них всепроникающая – огонь.

Агни Йога отделяет действительность от майи, она восстает против «чудес», вводя феномены в кругозор позитивного знания. «Нужно учиться организации психической энергии», – утверждает Агни Йога.

Йога смело утверждает: будем искренны и отбросим предрассудки и суеверия, неприличные сознательному человеку, желающему научно исследовать и познавать».

Как пишет П. Ф. Беликов, Рерихи встречали представителей Белого Братства не только на духовном плане бытия. В очерках Н. К. Рериха есть немало сведений о необычных встречах, бывших в его жизни. Правда, чтобы избежать ненужного ажиотажа, в своих литературных работах Рерих обычно не указывал, что эти встречи происходили с ним самим. В очерке «Вехи», как отмечал Беликов, главным действующим лицом назван знакомый художника, хотя в действительности все описываемые там события происходили с самим Николаем Рерихом. В своей работе Беликов приводит следующие фрагменты из произведений Николая Константиновича, свидетельствующие о встречах с Учителями Шамбалы и их посланниками. «В Америке Рериху суждено было еще раз встретиться с Посланником Белого Братства. Встреча тоже была непродолжительной и совсем неожиданной. Вот как описывает ее сам Рерих: «…было указано открыть в одном городе просветительное учреждение. После всяких поисков возможностей к тому, он решил поговорить с одной особой, приехавшей в этот город. Она назначила ему увидеться утром в местном музее. Придя туда, «в ожидании» мой друг заметил высокого человека, несколько раз обошедшего вокруг него. Затем незнакомец остановился рядом и сказал по поводу висевшего перед ним гобелена: «Они знали стиль жизни, а мы утеряли его». Мой друг ответил незнакомцу соответственно, а тот предложил ему сесть на ближайшую скамью и, положив палец на лоб (причем толпа посетителей – это был воскресный день – не обратила внимания на этот необычный жест), сказал: «Вы пришли сюда говорить об известном вам деле. Не говорите о нем. Еще в течение трех месяцев не может быть сделано ничего в этом направлении. Потом все придет к вам само». Затем

незнакомец дал еще несколько важных советов и, не дожидаясь, быстро встал, приветливо помахал рукой со словами «хорошего счастья» и вышел. Конечно, мой друг воспользовался его советом. Ничего не сказал о деле приехавшей затем знакомой, а через три месяца все совершилось как было сказано. Мой друг и до сих пор не может понять, каким образом он не спросил имени чудесного незнакомца, о котором более никогда не слыхал и не встретил его. Но именно так и бывает» («Вехи»)».

В упомянутом биографическом исследовании П. Ф. Беликов пишет и о встречах Рерихов с Учителями непосредственно на Востоке, во время Трансгималайской экспедиции:

«Мы знаем из переписки с Шибаевым, что сначала Рерихи намеревались посетить Адьяр и наладить связи с теософским движением. Но по приезде в Индию они изменили свое решение и поехали в Сикким. В Сиккиме состоялась встреча с Учителем и сопровождавшим Его Джул-Кулом. Произошла она в окрестностях Дарджилинга, в храме, с которого сделана фотография. Место это довольно людное. О самой встрече мы находим следующие подробности в «Надземном» (§ 40)[2]: «Мы не уходим из жизни, когда Мы появлялись, Мы не отличались от остальных обывателей. Вы сами можете свидетельствовать, что Джул-Кул, когда появился встретить Вас, не отличался от лам. Урусвати немедленно почуяла необычность, но явление могло быть отнесено и к настоятелю монастыря. Так и все Собратья и сотрудники несут обычные земные облики. Но даже при условностях обликов сердечность будет сквозить и в каждом взгляде и улыбке. Можно назвать это качество сердечности и другим именем, более научным, но Мы желаем установить наиболее человеческий взгляд на Нашу Общину» <…>.

<…> Кроме того, в неопубликованном очерке «Бывальщина» перечислены в хронологическом порядке необычные явления и встречи: «Не забудется и встреча в Чикаго. А Лондон в 1920! А Париж в 1923! А Дарджилинг! А Москва в 1926! А Белуха! А Улан-Батор! А Тибет! А Индия! Всюду вехи». <…> Рерих пишет и в «Путях Благословения», в очерке «Звезда Матери Мира», датированном 8 мая 1924 года, об Учителях так, как будто с Ними встречался: «Люди, встречавшие в жизни Учителей, знают, как просты и как гармоничны и прекрасны Они. Эта же атмосфера красоты должна окутывать все, что касается Их области» <…>.

Несомненно, что это касается встречи в Дарджилинге с Учителями М. и Д. К. Если встречи с Посланниками Белого Братства в Лондоне, Нью-Йорке и Чикаго были неожиданными и кратковременными, то эта встреча была продолжительной и запланированной. При встрече в Дарджилинге были получены инструкции о том, что надлежит сделать в ближайшие годы по Плану Владык, в том числе конкретные задания их главной миссии <…>» (Беликов П. Ф. «Рерих. Опыт духовной биографии», с. 237 – 260).

Как свидетельствует П. Ф. Беликов, литературные произведения Н. К. Рериха являются «ключом» и к другим загадочным фактам его биографии. Прежде всего это касается передачи Учителями Шамбалы Рерихам легендарной реликвии Востока – Камня Чинтамани, или «Кристалла Мысли». По преданию, эта реликвия представляет собой метеорит, упавший на Землю из созвездия Ориона. Как говорят древние легенды Востока, Камень Чинтамани обладает необычным энергетическим излучением, позитивно влияющим на человеческое сознание и способствующим духовному и культурному расцвету стран, в которых он какое-то время находится. Вот как пишет об отношении Рерихов к этой загадочной реликвии Беликов:

«<…> необходимо рассказать о некоторых событиях в жизни Рерихов, не получивших достаточного освещения в официальных биографиях. В очерке «Вехи» Николай Константинович так описывает это событие: «Было указано, что получится очень ценная посылка.

[2] «Надземное» – книга из серии Агни Йоги. – kkkПрим. ред.ddd

Время шло. Друзья наши как бы забыли об этом обстоятельстве, приехали в Париж. Однажды из банка «Банвертрест» приносят оповещение о получении пакета. Оказалось, что этим наиобыкновеннейшим путем была доставлена самая необычная посылка. Как видите, и так бывает».

Это произошло 5 октября 1923 года, когда Рерихи съехались в Париже по пути в Индию. Как уже упоминалось, впервые мы находим намек о Камне в стихотворении Рериха 1911 года «Заклятие»:

Камень знай. Камень храни.
Огнь сокрой. Огнем зажгися.
Красным смелым.
Синим спокойным.
Зеленым мудрым.
Знай один. Камень храни.
Фу, Ло, Хо, Камень несите.
Воздайте сильным.
Отдайте верным.
Иенно Гуйо Дья, —
прямо иди!

Возможно, что это было одно из Указаний Владыки, принятое, но далеко не сразу расшифрованное. Говорится в нем не только о Камне, но и четырех Его будущих носителях, которые скрыты под именами, очевидно, прошлых воплощений. О том, что именно им суждено быть очередными носителями Камня и что именно с этим связано, Рерихи получили подробные сведения позже. <…>

Елена Ивановна, посылая Р. Рудзитису[3] снимок с Камня, писала 1 октября 1935 года: «…прилагаю снимок с одной такой посылки.

Вы можете прочесть о ней в «Криптограммах Востока» – Легенда о камне. Так, на снимке Камень покоится в ковчеге на древней ткани, на которой вышита в сиянии лучей древняя надпись «Сим победим». Храните этот снимок у себя, покажите и расскажите лишь самым ближайшим. С удовольствием отвечу на Ваши вопросы о Камне, в связи с легендою, если такие появятся у Вас». В письме от 19 января 1939 года есть такие дополнительные сведения: «По всей истории человечества проходит эта вера в Священный Камень, охраняющий страну, в которой он находится. Братство Грааля хранит Камень, посланный с Ориона, и принят Он был Вел[иким] Учит[елем] Ясоном, который положил его в основание Братской Общины. Сам Камень хранится в Общине, но осколки его посылаются в мир, чтобы сопутствовать великим событиям».

Мы знаем, что Камень этот сопровождал Рерихов в их Среднеазиатской экспедиции. <…>

Ларец Камня запечатлен Святославом Николаевичем в портретах Елены Ивановны, Николая Константиновича и на отдельной картине. Николай Константинович изобразит Его на полотнах «Сокровище мира», «Чинтамани», «Держательница Мира». В триптихе «Фиат Реке» изображен сам Камень в Руках Владыки.

Имеется фотография открытого Ларца с покоящимся на вышитой ткани Камнем. Она относится к 1923 – 1924 годам. Наличие более поздних снимков автору не известно.

Во многих литературных произведениях Рерих упоминает о Камне. Так, в «Шамбале Сияющей», в диалоге с ламой есть такое место: «Знаете ли вы на Западе что-нибудь о Вели-

[3] Р. Рудзитис был председателем Рижского рериховского общества. – kkkПрим. ред.ddd

ком Камне, в котором сосредоточены магические силы? И знаете ли вы, с какой планеты пришел этот Камень? И кому принадлежит это сокровище?» – «Лама, о Великом Камне у нас столько же легенд, сколько у вас изображений Чинтамани. Со времени друидов многие народы помнят эти правдивые легенды о естественных энергиях, скрытых в странном госте нашей планеты. Очень часто в таких упавших камнях скрыты алмазы, но это ничто по сравнению с некоторыми неизвестными металлами и энергиями, которые ежедневно находят в камнях, многочисленных токах и космических лучах. «Лапис Эксилис» называется камень, который упоминается старыми мейстерзингерами. Видно, что Запад и Восток сотрудничают во многих вопросах. Вам не надо идти в пустыню, чтобы слышать о Камне». В «Сердце Азии» Рерих пишет: «Великий Тимур, говорится, владел этим камнем. Камень обычно приносится совершенно неожиданными людьми. Тем же неожиданным путем в должное время исчезает. Чтобы опять появиться в сужденный срок в совершенно другой стране. Главная часть этого Камня находится в Шамбале. Лишь небольшой кусок его выдан и блуждает по всей земле, сохраняя магнитную связь с главным Камнем. Бесконечные сказания щедро рассыпаны об этом Камне. Говорится также, что царь Соломон и император Акбар владели им. Эти предания невольно напомнили Лапис Эксилис – Блуждающий Камень, воспетый знаменитым мейстерзингером Вольфрамом фон Эшенбахом, заключившим свою песню словами «И этот камень называется Грааль».

С различных сторон отражена Рерихом Легенда о Камне в очерках «Камень», «Держатели» kkk(«Врата dddв kkkбудущее»)ddd[4]kkk, ddd«Тайны» kkk(«Нерушимое»), ddd«Свет пустыни» kkk(«Держава Света»). dddВ книге «Твердыня Пламенная» <…> Рерих, с одной стороны, упоминая о Камне, пишет о нем как о факте, не вызывающем никакого сомнения. Да и какие сомнения могут быть у него, державшего этот Камень в руках и испытавшего Его силу и могущество. Но, с другой стороны, все, что касается Камня, он относит как бы в область «легенд» <…> (Беликов П. Ф. «Рерих…», с. 237 – 246).

Легенды Рерих считал символическим, образно-поэтическим отражением реальности. Этому определению в полной мере соответствуют сказки и легенды самого Николая Константиновича, включенные в данный сборник. То же самое можно сказать и о его поэтических произведениях, которые недаром называют иногда «медитациями в стихах», и о многих рассказах и эссе художника, посвященных все той же теме – поиску Истины и пути духовного восхождения.

Литературно-философские произведения Н. К. Рериха настолько же самобытны и впечатляющи, как и его картины. Белые стихи, составившие сборник «Цветы Мории», а также очерки, рассказы и эссе Рериха буквально завораживают своим удивительным слогом, необычностью сюжетов и силой литературных образов. В чем сила их воздействия на людей? Наверное, в том, что в них выражена великая Истина, к которой всю жизнь стремился художник и которую он нашел в сакральных духовно-философских учениях Востока.

[4] В скобках указаны названия сборников произведений Н. К. Рериха. – kkkПрим. ред.ddd

I. Цветы Мории

I. Священные знаки

Заклятие

I

Отец – огнь. Сын – огнь. Дух – огнь.
Три равны, три нераздельны.
Пламя и жар – сердце их.
Огнь – очи их.
Вихрь и пламя – уста их.
Пламя Божества – огнь.
Лихих спалит огнь.
Пламя лихих обожжет.
Пламя лихих отвратит.
Лихих очистит.
Изогнет стрелы демонов.
Яд змия да сойдет на лихих!
Агламид повелитель змия!
Артан, Арион, слышите вы!
Тигр, орел, лев пустынного
поля! От лихих берегите!
Змеем завейся, огнем спалися,
сгинь, пропади,
лихой.

II

Отец – Тихий, Сын – Тихий, Дух – Тихий.
Три равны, три нераздельны.
Синее море – сердце их.
Звезды – очи их.
Ночная заря – уста их.
Глубина Божества – море.
Идут лихие по морю.
Не видят их стрелы демонов.
Рысь, волк, кречет,
Уберегите лихих!
Расстилайте дорогу!
Кийос, Киойзави,

допустите
лихих.

III

Камень знай. Камень храни.
Огнь сокрой. Огнем зажгися.
Красным смелым.
Синим спокойным.
Зеленым мудрым.
Знай один. Камень храни.
Фу, Ло, Хо, Камень несите.
Воздайте сильным.
Отдайте верным.
Иенно Гуйо Дья, —
прямо иди!

1911

Священные знаки

Мы не знаем. Но они знают.
Камни знают. Даже знают
деревья. И помнят.
Помнят, кто назвал горы
и реки. Кто сложил бывшие
города. Кто имя дал
незапамятным странам.
Неведомые нам слова.
Все они полны смысла.
Все полно подвигов. Везде
герои прошли. «Знать» —
сладкое слово. «Помнить» —
страшное слово. Знать и
помнить. Помнить и знать.
Значит – верить.
Летали воздушные корабли.
Лился жидкий огонь. Сверкала
искра жизни и смерти.
Силою духа возносились
каменные глыбы. Ковался
чудесный клинок. Берегли
письмена мудрые тайны.
И вновь явно все. Все ново.
Сказка-предание сделалось
жизнью. И мы опять живем.

И опять изменимся. И опять
прикоснемся к земле.
Великое «сегодня» потускнеет
завтра. Но выступят
священные знаки. Тогда,
когда нужно. Их не заметят.
Кто знает? Но они жизнь
построят. Где же
священные знаки?

1915

Увидим

Мы идем искать священные
знаки. Идем осмотрительно и
молчаливо. Люди идут, смеются,
зовут за собою. Другие спешат
в недовольстве. Иные нам
угрожают. Хотят отнять
то, что имеем. Не знают
прохожие, что мы вышли
искать священные знаки. Но
угрожающие пройдут. У них
так много дела. А мы
будем искать священные
знаки. Никто не знает, где
оставил хозяин знаки свои.
Вернее всего, они – на столбах
у дороги. Или в цветах.
Или в волнах реки.
Думаем, что их можно
искать на облачных сводах.
При свете солнца, при свете
луны. При свете смолы
и костра, будем искать
священные знаки. Мы долго
идем, пристально смотрим.
Многие люди мимо прошли.
Право, кажется нам, они
знают приказ: найти
священные знаки. Становится
темно. Трудно путь
усмотреть. Непонятны места.
Где могут они быть —
священные знаки? Сегодня
мы их, пожалуй, уже не
найдем. Но завтра будет

светло. Я знаю – мы их
увидим.

1915

«На последних вратах»

Нам сказали: «Нельзя».
Но мы все же вошли.
Мы подходили к вратам.
Везде слышали слово «нельзя».
Мы хотели знаки увидеть.
Нам сказали: «Нельзя».
Свет хотели зажечь.
Нам сказали: «Нельзя».
«Стражи седые, видавшие,
знавшие! Ошибаетесь, стражи!
Хозяин дозволил узнать.
Видеть хозяин дозволил.
Наверно, он хочет, чтобы
мы знали, чтобы мы видели.
За вратами посланец стоит.
Нам он что-то принес.
Допустите нас, стражи!»
«Нельзя», – нам сказали
и затворили врата.
Но все же много врат
мы прошли. Протеснились.
И «можно» оставалось за нами.
Стражи у врат берегли нас.
И просили. И угрожали.
Остерегали: «Нельзя».
Мы заполнили всюду «нельзя».
Нельзя все. Нельзя обо всем.
Нельзя ко всему.
И позади только «можно».
Но на последних вратах
будет начертано «можно».
Будет за нами «нельзя».
Так велел начертать
Он на последних
вратах.

1916

Нищий

В полночь приехал наш Царь.
В покой он прошел. Так сказал.
Утром Царь вышел в толпу.
А мы и не знали…
Мы не успели его повидать.
Мы должны были узнать повеленья.
Но ничего, в толпе к нему подойдем
и, прикоснувшись, скажем и спросим.
Как толпа велика! Сколько улиц!
Сколько дорог и тропинок!
Ведь Он мог далеко уйти.
И вернется ли снова в покой?
Всюду следы на песке.
Все-таки мы следы разберем.
Шел ребенок. Вот женщина с ношей.
Вот, верно, хромой – припадал он.
Неужели разобрать не удастся?
Ведь Царь всегда имел посох.
Разберем следы упиравшихся.
Вот острый конец боевой.
Не похоже! Шире посох Царя,
а поступь спокойней.
Метными будут удары от посоха.
Откуда прошло столько людей?
Точно все сговорились наш путь
перейти. Но вот поспешим.
Я вижу след величавый,
сопровожденный широким посохом
мирным. Это, наверно,
наш Царь. Догоним и спросим.
Толкнули и обогнали людей. Поспешили.
Но с посохом шел слепой
нищий.

1916

Тропинки

Царя мы настигнем в лесу.
Не помешают нам люди.
Там мы спросим Его.
Но Царь всегда ходит один,
а лес весь полон тропинок.
Неизвестно, кто ими прошел,
проходили жители ночи.
Молчаливо прошли и ушли.
Днем пустынно в лесу.
Птицы молчат и ветер молчит.

Царь наш далеко ушел.
Замолчали пути и
тропинки.

Поверить?

Наконец мы узнали,
куда прошел Царь наш.
На старую площадь трех башен.
Там он будет учить.
Там он даст повеления.
Скажет однажды. Дважды
наш Царь никогда не сказал.
На площадь мы поспешим.
Мы пройдем переулком.
Толпы спешащих минуем.
К подножию Духовой башни
мы выйдем. Многим тот путь
незнаком. Но всюду народ.
Все переулки наполнены.
В проходных воротах теснятся.
А там Он уже говорит.
Дальше нам не дойти.
Пришедшего первым не знает
никто. Башня видна, но вдали.
Иногда, кажется, будто звучит
Царское слово. Но нет.
Слов Царя не услышать.
Это люди передают их
друг другу. Женщина – воину.
Воин – вельможе. Мне передает
их сапожник-сосед. Верно ли
слышит он их от торговца,
ставшего на выступ крыльца?
Могу ли я им
поверить?

Завтра

Я знал столько полезных вещей
и теперь все их забыл.
Как обокраденный путник,
как бедняк, потерявший имущество,
я вспоминаю тщетно о богатстве,
которым владел я давно;

вспоминаю неожиданно, не думая,
не зная, когда мелькнет погибшее
знанье. Еще вчера я многое знал,
но в течение ночи все затемнело.
Правда, день был велик.
Была ночь длинна и темна.
Пришло душистое утро.
Было свежо и чудесно.
И, озаренный новым солнцем,
забыл я и лишился того,
что было накоплено мною.
Под лучами нового солнца
знания все растворились.
Я более не умею отличить
врага от друзей.
Я не знаю, когда грозит мне
опасность. Я не знаю, когда
придет ночь. И новое солнце
встретить я не сумею.
Всем этим владел я,
но теперь обеднел.
Обидно, что снова узнаю
нужное не ранее завтра,
а сегодняшний день еще длинен.
Когда придет оно —
завтра?

Время

В толпе нам идти тяжело.
Столько сил и желаний враждебных.
Спустились темные твари
на плечи и лица прохожих.
В сторону выйдем, там
на пригорке, где столб стоит
древний, мы сядем.
Пойдут себе мимо.
Все порожденья осядут внизу,
а мы подождем.
И если бы весть
о знаках священных возникла,
устремимся и мы.
Если их понесут,
мы встанем и воздадим почитание.
Зорко мы будем смотреть.
Остро слушать мы будем.
Будем мы мочь и желать

и выйдет тогда, когда —
время.

В толпу

Готово мое одеянье. Сейчас
я маску надену. Не удивляйся,
мой друг, если маска будет
страшна. Ведь это только
личина. Придется нам
выйти из дома. Кого мы
встретим? Не знаем. К чему
покажемся мы. Против свирепых
щитом защищайся.
Маска тебе неприятна?
Она на меня не похожа?
Под бровями не видны
глаза? Изборожден очень лоб?
Но скоро личину мы
снимем. И улыбнемся друг
другу. Теперь войдем мы
в толпу.

1918

Напрасно

Не видно знаков священных.
Дай глазам твоим отдохнуть.
Знаю, они утомились. Закрой
их. Я за тебя посмотрю. Скажу
о том, что увижу. Слушай!
Вокруг нас та же равнина.
Седые кусты шелестят.
Озера сталью сверкают.
Безответно замерли камни.
Блестят в лугах сияньем
холодным. Холодны тучи.
В морщинку сложились. Ушли
бесконечно. Знают, молчат и
хранят. Птицы не вижу.
Зверь не бежит по равнине.
По-прежнему нет никого.
Никто не идет. Ни одной
точки. Путника ни одного.
Не понимаю. Не вижу. Не знаю.

Глаз свой ты напрягал бы напрасно.

1918

В танце

Бойтесь, когда спокойное придет
в движенье. Когда посеянные ветры
обратятся в бурю. Когда речь людей
наполнится бессмысленными словами.
Страшитесь, когда в земле кладами
захоронят люди свои богатства.
Бойтесь, когда люди сочтут
сохранными сокровища только
на теле своем. Бойтесь, когда возле
соберутся толпы. Когда забудут
о знании. И с радостью разрушат
узнанное раньше. И легко исполнят
угрозы. Когда не на чем будет
записать знание ваше. Когда листы
писаний станут непрочными,
а слова злыми. Ах, соседи мои!
Вы устроились плохо. Вы все
отменили. Никакой тайны дальше
настоящего! И с сумою несчастья
вы пошли скитаться и завоевывать
мир. Ваше безумие назвало самую
безобразную женщину: желанная!
Маленькие танцующие хитрецы!
Вы готовы утопить себя
в танце.

1916

Взойду

Голос еще раз подам.
Куда от меня вы ушли?
Вас мне снова не слышно.
Голоса ваши в скалах
заглохли. Я больше не отличу
голос ваш от
ветки падения, от взлета
птицы случайной. Призывы
мои для вас тоже исчезли.
Не знаю, пойдете ли вы,
но хочется мне еще на

вершину подняться. Камни
уже оголились. Мхи стали
реже, а можжевельник
засох и держится слабо.
Аркан ваш пригодным
был бы и мне, но и один я
взойду.

1917

Увидишь

Что лицо мое греет?
Светит солнце, теплом
наш сад наполняет.
Что там шумит?
Море шумит. Хотя за
скалистой горой его и не видно.
Откуда аромат миндаля?
Черемуха вся распустилась.
Белым цветом залиты
деревья. Яблони тоже
цветут. Все разноцветно
сверкает. Что перед нами?
Ты стоишь на пригорке.
Перед нами спускается сад.
За лугом синеет залив.
На той стороне холмы и
леса. Темнеют сосновые
горы. Очертанья уходят
в даль голубую. Когда я
увижу все это? Завтра
увидишь.

1917

Привратник

«Привратник, скажи, почему
эту дверь затворяешь? Что
неотступно хранишь?» – «Храню
тайну покоя». – «Но пуст ведь
покой. Достоверные люди
сказали: там нет ничего». —
«Тайну покоя я знаю. Ее
охранять я поставлен». —
«Но пуст твой покой». —

«Для тебя он пуст», – ответил
привратник.

Ключи от ворот

Волшебником буду сегодня,
и неудачу в удачу я превращу.
Заговорили молчавшие.
Обернулись назад уходившие.
Закивали все грозные.
Поникли все угрожавшие.
Мысли, пришедшие, как голубь,
залегли для управления миром.
Самые тихие слова принесли
бурю. И ты шел, как тень
того, что должно наступить.
И ребенком ты станешь,
чтобы стыд не мешал тебе.
Ты сидел у проезжих ворот,
доступных для каждого плута.
Спрашивал, кто хочет тебя
обмануть? Что тут удивительного?
Удачливый охотник найдет
достойную охоту. Найдет вне страха.
Но, получив удачу свою,
уходя, знаю я, что не всех
из вас я увидал. Лучшие
встречи остались без
завершенья. И много добрых
мимо прошли или еще
не дошли. А я их не знал.
И переодетым я сидел между
вами. И вы закутались
в разные ткани. Молча
хранили заржавленные ключи
от ворот.

1917

К нему

Я нашел наконец пустынника.
Вы знаете, как трудно найти
пустынника здесь на земле.
Просил я его, укажет ли
он путь мой и примет ли

он благосклонно мои труды?
Он долго смотрел и спросил,
что у меня есть самое любимое?
Самое дорогое? Я отвечал:
«Красота». – «Самое любимое
ты должен оставить». – «Кто
заповедал это?» – спросил я.
«Бог», – ответил пустынник.
Пусть накажет меня Бог —
я не оставлю самое прекрасное,
что нас приводит
к Нему.

1920

Наш путь

Путники, сейчас мы проходим
сельской дорогой. Хутора чередуются
полями и рощами. Дети заботятся
о стадах. К нам дети подходят.
Мальчик нам подал чернику
в бересте. Девушка протянула
пучок пахучей травы. Малыш
расстался для нас со своей
в полоску нарезанной палочкой.
Он думал, что с нею нам
будет легче идти. Мы проходим.
Никогда больше не встретим
этих детей. Братья, мы отошли
от хуторов еще не далеко,
но вам уже надоели подарки.
Вы рассыпали пахучую травку.
Ты сломал корзиночку из бересты.
Ты бросил в канаву палочку,
данную малышом. К чему нам
она? В нашем долгом пути.
Но у детей не было ничего другого.
Они дали нам лучшее из того,
что имели, чтобы украсить
наш путь.

1917

Не открою

Усмешку оставь, мой приятель.

Ты ведь не знаешь, что у меня
здесь сокрыто. Ведь без тебя
я наполнил этот ларец.
Без тебя и тканью закрыл.
И ключ в замке повернул.
На стороне расспросить
тебе никого не удастся.
Если же хочешь болтать —
тебе придется солгать.
Выдумай сам и солги,
но ларец я теперь
не открою.

1917

II. Благословенному

Капли

Твоя благодать наполняет
руки мои. В избытке льется
она сквозь мои пальцы. Не удержать
мне всего. Не успеваю различать
сияющие струи богатства. Твоя
благая волна через руки льется
на землю. Не вижу, кто подберет
драгоценную влагу? Мелкие брызги
на кого упадут? Домой не успею
дойти. Изо всей благодати в руках
крепко сжатых я донесу только
капли.

1920

Пора

Встань, друг. Получена весть.
Окончен твой отдых.
Сейчас я узнал, где хранится
один из знаков священных.
Подумай о счастье, если
один знак найдем мы.
Надо до солнца пойти.
Ночью все приготовить.
Небо ночное, смотри,
невиданно сегодня чудесно.
Я не запомню такого.
Вчера еще Кассиопея
была и грустна и туманна,
Альдебаран пугливо мерцал.
И не показалась Венера.
Но теперь воспрянули все.
Орион и Арктур засверкали.
За Алтаиром далеко
новые звездные знаки
блестят, и туманность
созвездий ясна и прозрачна.
Разве не видишь ты
путь к тому, что
мы завтра отыщем?

Звездные руны проснулись.
Бери свое достоянье.
Оружье с собою не нужно.
Обувь покрепче надень.
Подпояшься потуже.
Путь будет наш каменист.
Светлеет восток. Нам
пора.

1916

Уводящий

Приходящий в ночной тишине,
говорят, что Ты невидим,
но это неправда.
Я знаю сотни людей,
и каждый видел Тебя,
хотя бы один раз.
Несколько бедных и глупых
не успели Твой лик разглядеть,
изменчивый многообразно.
Ты не хочешь мешать нашей
жизни. Ты не хочешь нас испугать
и проходишь в тишине и молчанье.
Глаза Твои могут сверкать,
голос Твой может греметь.
И рука может быть тяжела
даже для черного камня.
Но Ты не сверкаешь,
Ты не гремишь,
И не дашь сокрушенья. Знаешь,
что разрушенье ничтожней покоя.
Ты знаешь, что тишина
громче грома. Ты знаешь,
в тишине приходящий и
уводящий.

1916

Утром

Не знаю и не могу.
Когда я хочу, думаю, —
кто-то хочет сильнее?
Когда я узнаю, —
не знает ли кто еще тверже?

Когда я могу, – не может ли
кто и лучше, и глубже?
И вот я не знаю и не могу.
Ты, в тишине приходящий,
безмолвно скажи, что я в жизни
хотел и что достигнуто мною?
Возложи на меня свою руку, —
буду я снова и мочь и желать,
и желанное ночью вспомнится
утром.

1916

Благодать

Дар мой прими, милый друг!
Трудом и знаньем я накопил
этот дар. Чтобы отдать его,
я сложил. Я знал, что отдам
его. На даре моем наслоишь
радости духа. Тишина и покой.
Среди восстания духа в дар
мой твой взор устреми.
А если хочешь слуге приказать
дар принести, ты его назови
благодать.

1918

Открой

У тебя на полках по стенам
многие склянки стояли.
Разноцветные они. Закрыты
все бережливо. Иные обернуты
плотно, чтобы свет не проник.
Что в них – не знаю.
Но их сурово хранишь.
Оставшись один, по ночам
огни у себя зажигаешь и новый
состав ты творишь.
Знаешь, чему полезны составы.
Помощь твоя мне нужна.
В твои составы я верю.
Который мне будет
полезен, тот сейчас и
открой.

1917

Оставил

Я приготовился выйти в дорогу.
Все, что было моим, я оставил.
Вы это возьмете, друзья.
Сейчас в последний раз обойду
дом мой. Еще один раз
вещи я осмотрю. На изображенья
друзей я взгляну еще один раз.
В последний раз. Я уже знаю,
что здесь ничто мое не осталось.
Вещи и все, что стесняло меня,
я отдаю добровольно. Без них
мне будет свободней. К тому,
кто меня призывает освобожденным,
я обращусь. Теперь еще раз
я по дому пройду. Осмотрю еще раз
все то, от чего освобожден я.
Свободен и волен и помышлением
тверд. Изображенья друзей и вид
моих бывших вещей меня
не смущает. Иду. Я спешу.
Но один раз, еще один раз
последний я обойду все, что
оставил.

1918

Свет

Как увидеть Твой Лик?
Всепроникающий Лик,
глубже чувств и ума.
Неощутимый, неслышный,
незримый. Призываю:
сердце, мудрость и труд.
Кто узнал то, что не знает
ни формы, ни звука, ни вкуса,
не имеет конца и начала?
В темноте, когда остановится
все, жажда пустыни и соль
океана! Буду ждать сиянье
Твое. Перед Ликом Твоим
не сияет солнце. Не сияет

луна. Ни звезды, ни пламя,
ни молнии. Не сияет радуга,
не играет сияние севера.
Там сияет Твой Лик.
Все сияет светом его.
В темноте сверкают
крупицы Твоего сиянья.
И в моих закрытых глазах
брезжит чудесный Твой
свет.

1918

Как устремлюсь?

Птицы Хомы прекрасные,
вы не любите землю. Вы
на землю никогда не
опуститесь. Птенцы ваши
рождаются в облачных
гнездах. Вы ближе к солнцу.
Размыслим о нем сверкающем.
Но Девы земли чудотворны.
На вершинах гор и на дне
морей прилежно ищи. Ты
найдешь славный камень
любви. В сердце своем
ищи Вриндаван – обитель
любви. Прилежно ищи и
найдешь. Да проникнет
в нас луч ума. Тогда
все подвижное утвердится.
Тень станет телом.
Дух воздуха обратится
на сушу. Сон в мысль
превратится. Мы не будем
уносимы бурей. Сдержим
крылатых коней утра.
Направим порывы вечерних
ветров. Слово Твое – океан
истины. Кто направляет
корабль наш к берегу?
Майи не ужасайтесь. Ее
непомерную силу и власть
мы прейдем. Слушайте!
Слушайте! Вы кончили
споры и ссоры? Прощай,
Араньяни, прощай, серебро

и золото неба! Прощай,
дуброва тишайшая!
Какую сложу тебе песнь?
Как устремлюсь?

1916

Улыбка твоя

На пристани мы обнялись и простились.
В волнах золоченых скрылась ладья.
На острове – мы. Наш – старый дом.
Ключ от храма – у нас. Наша пещера.
Наши и скалы, и сосны, и чайки.
Наши – мхи. Наши звезды – над нами.
Остров наш обойдем. Вернемся
к жилью только ночью. Завтра,
братья, встанем мы рано.
Так рано, когда еще солнце
не выйдет. Когда восток
зажжется ярким сияньем.
Когда проснется только земля.
Люди еще будут спать.
Освобожденными, вне их забот,
будем мы себя знать. Будем
точно не люди. К черте подойдем
и заглянем. В тишине и молчанье.
И нам молчащий ответит.
Утро, скажи, что ты проводило
во мраке и что встречает опять
улыбка твоя.

1918

Не поняв

Не знаю, когда сильно слово твое?
Иногда ты становишься обыкновенным.
И, притаившись, сидишь между
глупцами, которые знают так
мало. Иногда ты скажешь и будто
не огорчаешься, если тебя не поймут.
Иногда ты смотришь так нежно
на незнающего, что я завидую
его незнанью. Точно не заботишься
ты свой лик показать. И когда
слушаешь речи прошедшего дня,

даже опускаешь глаза, точно
подбирая самые простые слова.
Как трудно распознать все твои
устремленья. Как не легко идти
за тобою. Вот и вчера, когда ты
говорил с медведями, мне
показалось, что они отошли, тебя
не поняв.

1920

Я сохраню

Подойди, подойди ко мне, светлый,
не испугаю тебя я ничем.
Вчера ты хотел подойти,
но бродили думы мои и взгляд
мой скользил. Тебя увидать я
не мог. Когда ты уже отошел,
я почуял твое дуновенье,
но было поздно уже. А сегодня
оставлю все, что мне помешало.
Мысли я погружу в тишину.
В радости духа прощу всем
досадившим сегодня. Спокойным
я остаюсь. Мне никто не мешает.
Звуки жизни случайной меня
не тревожат. Жду. Я знаю, что ты
меня не покинешь. Ко мне
подойдешь. Образ твой в молчании
я сохраню.

1917

И любовь

Что сталось с дружбой!
Когда я допущен был
в обитель стовратную!
Если друг твой, некогда
милый тебе, прогневал тебя,
не карай его, Мощный,
по заслугам его. Все говорят,
что ты отвратился? Когда
утешенный сердцем увижу
тебя примиренным? Прими!
Источник слов моих знаешь.

Вот грехи и добро мое!
Я приношу их тебе.
Возьми и то и другое.
Вот знание и невежество!
Возьми и то и другое.
Преданность тебе мне оставь!
Вот чистота и скверна!
Я не хочу ни того, ни другого!
Вот добрые и злые помыслы.
И то и другое я тебе приношу.
Сны, вводящие в грех, и
сновидения правды я тебе отдаю.
Сделай так, чтобы осталась
у меня к тебе преданность
и любовь.

1917

Бездонно

Ты, Могущий, везде и во всем.
Ты пробуждаешь нас к свету.
Нас усыпляешь во тьме.
Ты ведешь нас в блуждании.
Идти неизвестно куда понравилось
нам. Три дня мы блуждали,
с нами огонь, оружье, одежда…
Кругом много птиц и зверья,
чего же? Над нами закаты,
восходы, пряный ветер душистый.
Сперва шли широкой долиной.
Зелены были поля.
А дали были так сини.
Потом шли лесами и мшистым
болотом. Цвел вереск. Ржавые
мшаги мы обходили. Бездонные
окнища мы миновали. Держались
по солнцу. Затучилось. Слушали
ветер. На влажную руку ловили
волны его. Стих ветер. Поредели
леса. Пошли мы кряжем
скалистым. Белою костью всюду
торчал можжевельник, светлыми
жилами массы камней славились
в давней работе творенья. Сползали
уступами. За грядами утесов
ничто не виднелось. Темнело,
ступенями великанова храма

спустимся ниже. Тучи. Стало
темно. Снизу застлались
туманы. Ступени все круче и
круче. С трудом мы сползали
на мох. Нога внизу ничто
нащупать не может. Здесь мы
ночуем. На мшистом уступе
подремлем до утра. Долгая
тихая ночь. Просыпаясь, слышим
лишь свист неясных полетов.
Вой далекий дрожит равномерно.
Засветился восток. Застлали
туманы долину. Остры, как лед,
синими глыбами сгрудились
плотно. Мы долго сидели вне
мира. Пока туман разошелся.
Поднималась над нами стена.
Под нами синела пропасть
бездонно.

1918

Любовь?

Вот уж был день! Пришло
к нам сразу столько людей.
Они привели с собой каких-то
совсем незнакомых. Разве я
не мог ничего о них расспросить?
Хуже всего, что они говорили
на языках совсем непонятных.
И я улыбался, слушая их
странные речи. Говор одних
походил на клекот горных
орлов. Другие шипели, как змеи.
Волчий лай иногда узнавал я.
Речи сверкали металлом. Слова
становятся грозны. В них
грохотали горные камни.
В них град проливался.
В них шумел водопад.
А я улыбался. Как мог я
знать смысл их речи? Они,
может быть, на своем языке
повторяли милое нам слово
любовь?

1920

Не удалялся

Начатую работу Ты мне оставил.
Ты пожелал, чтоб я ее продолжил.
Я чувствую Твое доверие ко мне.
К работе отнесусь внимательно
и строго. Ведь Ты работой этой
занимался сам. Я сяду к Твоему
столу. Твое перо возьму.
Расставлю Твои вещи как
бывало. Пусть мне они помогут.
Но многое не сказано Тобою,
когда Ты уходил. Под окнами
торговцев шум и крики.
Шаг лошадей тяжелый по
камням. И громыхание колес
оббитых. Под крышею свист
ветра. Снастей у пристани
скрипенье. И якорей тяжелые
удары. И птиц приморских
вопли. Тебя не мог спросить я:
мешало ли Тебе все это?
Или во всем живущем Ты
черпал вдохновенье. Насколько знаю,
Ты во всех решеньях от земли
не удалялся.

1919

Замечаю

Незнакомый человек поселился
около нашего сада. Каждое утро
он играет на гуслях и поет
свою песнь. Мы думаем
иногда, что он повторяет
песню, но песнь незнакомца
всегда нова. И всегда какие-то
люди толпятся у калитки.
Уже мы выросли. Брат уже
уезжал на работу, а сестра
должна была выйти замуж.
А незнакомец все еще пел.
Мы пошли попросить его
спеть на свадьбе сестры.
При этом мы спросили:

откуда берет он новые
слова и как столько времени
всегда нова его песнь. Он
очень удивился как будто и,
расправив белую бороду, сказал:
«Мне кажется, я только вчера
поселился около вас. Я еще
не успел рассказать даже
о том, что вокруг себя
замечаю».

1919

Жемчуг

Опять вестник. Опять Твой
приказ! И дар от Тебя!
Владыко, Ты прислал мне
жемчужину Твою и повелел
включить ее в мое ожерелье.
Но Ты знаешь, Владыко,
мое ожерелье – поддельно.
И длинно оно, как бывают
длинны только поддельные
вещи. Твой сверкающий
дар среди тусклых
игрушек потонет. Но Ты
приказал. Я исполню.
Эй вы, уличные гуляки!
Среди моего ожерелья
есть от Владыки
данный мне
жемчуг!

1920

Нам?

В жизни так много чудесного.
Каждое утро мимо нашего берега
проплывает неизвестный певец.
Каждое утро медленно из тумана
движется легкая лодка и
всегда звучит новая песнь.
И так же, как всегда, скрывается
певец за соседним утесом.
И нам кажется: мы никогда

не узнаем, кто он, этот
певец, и куда каждое утро
держит он путь. И кому
поет он всегда новую песнь.
Ах, какая надежда наполняет
сердце и кому он поет?
Может быть,
нам?

1920

Веселися!

За моим окном опять светит
солнце. В радугу оделись все
былинки. По стенам развеваются
блестящие знамена света. От радости
трепещет бодрый воздух. Отчего
ты не спокоен, дух мой? Устрашился
тем – чего не знаешь. Для тебя
закрылось солнце тьмою. И поникли
танцы радостных былинок.
Но вчера ты знал, мой дух,
так мало. Так же точно велико
твое незнанье. Но от вьюги было
все так бедно, что себя ты
почитал богатым. Но ведь солнце
вышло для тебя сегодня. Для тебя
знамена света развернулись.
Принесли тебе былинки радость.
Ты богат, мой дух. К тебе
приходит знанье. Знамя света
над тобою блещет!
Веселися!

1918

Улыбкой?

Вестник, мой вестник!
Ты стоишь и улыбаешься.
И не знаешь, что ты принес
мне. Ты принес мне дар
исцеленья. Каждая слеза моя
исцелит немощи мира.
Но, Владыко, откуда мне
взять столько слез и которой

из немощей мира отдать
мне первый поток? Вестник,
мой вестник, ты стоишь и
улыбаешься. Нет ли у тебя
приказа лечить несчастье
улыбкой?

1921

III. Мальчику

Вечность

Мальчик, ты говоришь,
что к вечеру в путь соберешься.
Мальчик мой милый, не медли.
Утром выйдем с тобою.
В лес душистый мы вступили
среди молчаливых деревьев.
В студеном блеске росы,
под облаком светлым и чудным,
пойдем мы в дорогу с тобою.
Если ты медлишь идти, значит,
еще ты не знаешь, что есть
начало и радость, первоначало и
вечность.

1916

Свет

Мальчик, с сердечной печалью
ты сказал мне, что стал день короче,
что становится снова темнее.
Это затем, чтобы новая радость возникла:
ликованье рождению света.
Приходящую радость я знаю.
Будем ждать мы ее терпеливо.
Но теперь, как день станет короче,
всегда непонятно тоскливо проводим мы
свет.

1916

Жезл

Все, что услышал от деда,
я тебе повторяю, мой мальчик.
От деда и дед мой услышал.
Каждый дед говорит.
Каждый слушает внук.
Внуку, милый мой мальчик,
расскажешь все, что узнаешь!

Говорят, что седьмой внук исполнит.
Не огорчайся чрезмерно, если
не сделаешь все, как сказал я.
Помни, что мы еще люди.
Но тебя укрепить я могу.
Отломи от орешника
ветку, перед собой неси.
Под землю увидеть тебе
поможет данный мной
жезл.

1915

Послан

Не подходи сюда, мальчик.
Тут за углом играют большие,
кричат и бросают разные вещи.
Убить тебя могут легко.
Людей и зверей за игрою не трогай.
Свирепы игры больших,
на игру твою не похожи.
Это не то, что пастух деревянный
и кроткие овцы с наклеенной шерстью.
Подожди – игроки утомятся, —
кончатся игры людей,
и пройдешь туда, куда
послан.

1916

Украшай

Мальчик, вещей берегися.
Часто предмет, которым владеем,
полон козней и злоумышлений,
опаснее всех мятежей.
При себе носим годы злодея,
не зная, что это наш враг.
На совете имущества маленький
нож всегда вам враждебен.
Бывает враждебен и посох.
Часто встают мятежом
светильники, скамьи, затворы.
Книги уходят безвестно.
К мятежу пристают иногда
самые мирные вещи.

Спастись от них невозможно.
Под страхом мести смертельной
живете вы долгие годы
и в часы раздумья и скуки
врага ласкаете вы.
Если кто уцелел от людей,
то против вещей он бессилен.
Различно цветно светятся все твои
вещи. Благими вещами жизнь свою
украшай.

1915

В землю

Мальчик, останься спокойным.
Священнослужитель сказал
над усопшим немую молитву,
так обратился к нему:
«Ты древний, непогубимый,
ты постоянный, извечный,
ты устремившийся ввысь,
радостный и обновленный».
Близкие стали просить:
«Вслух помолися,
мы хотим слышать,
молитва нам даст утешенье». —
«Не мешайте, я кончу,
тогда я громко скажу,
обращуся к телу, ушедшему
в землю».

1915

Не можем

Ты полагаешь, что кончил?
На три вопроса ответь:
Как могу я узнать,
сколько лет ворон прожил?
До самой дальней звезды
велико ль от нас расстоянье?
Что я желаю теперь?
Приятель, опять мы не знаем?
Опять нам все неизвестно.
Опять должны мы начать.
Кончить ничто мы

не можем.

1916

Не убить?

Мальчик жука умертвил.
Узнать его он хотел.
Мальчик птичку убил,
чтобы ее рассмотреть.
Мальчик зверя убил,
только для знанья.
Мальчик спросил: может ли
он для добра и для знанья
убить человека?
Если ты умертвил
жука, птицу и зверя,
почему тебе и людей
не убить?

1916

Не считай

Мальчик, значения ссоре не придавай.
Помни, большие – странные люди.
Сказав друг о друге самое злое,
завтра готовы врагов друзьями назвать.
А спасителю-другу послать обидное
слово. Уговори себя думать, что злоба
людей неглубока. Думай добрее
о них, но врагов и друзей
не считай!

1916

Не закрой

Над водоемом склонившись,
мальчик с восторгом сказал:
«Какое красивое небо!
Как отразилось оно!
Оно самоцветно, бездонно!» —
«Мальчик мой милый,
ты очарован одним отраженьем.
Тебе довольно того, что внизу.

Мальчик, вниз не смотри!
Обрати глаза твои вверх.
Сумей увидать великое небо.
Своими руками глаза себе
не закрой».

Под землею

Черепа мы снова нашли.
Но не было знаков на них.
Один топором был
рассечен. Другой пронзен
был стрелою. Но не для
нас эти знаки. Тесно
лежали, без имени все,
схожие между собою. Под
ними лежали монеты.
И лики их были стерты.
Милый друг, ты повел
меня ложно. Знаки
священные мы не найдем
под землею.

1907

Тогда

Ошибаешься, мальчик! Зла – нет.
Зло сотворить Великий не мог.
Есть лишь несовершенство.
Но оно так же опасно, как то,
что ты злом называешь.
Князя тьмы и демонов нет.
Но каждым поступком
лжи, гнева и глупости
создаем бесчисленных тварей,
безобразных и страшных по виду,
кровожадных и гнусных.
Они стремятся за нами,
наши творенья! Размеры
и вид их созданы нами.
Берегися рой их умножить.
Твои порожденья тобою
питаться начнут. Осторожно
к толпе прикасайся. Жить трудно,
мой мальчик, помни приказ:

жить, не бояться и верить.
Остаться свободным и сильным.
А после удастся и полюбить.
Темные твари все это очень
не любят. Сохнут и гибнут
тогда.

1916

Поможет

Мальчик, опять ты ошибся.
Ты сказал, что лишь
чувствам своим ты поверишь.
Для начала похвально, но как
быть нам с чувствами теми,
что тебе незнакомы сегодня,
но которые ведомы мне?
И в чувствах первейших,
которыми ты овладел,
как ты полагаешь, – поверь,
ты еще не совершенен.
Слух разве подвластен тебе?
Твое зренье бедно.
Грубо твое осязанье.
О неведомых чувствах,
если мне не поверишь,
я укажу тебе каплю
воды без стекла рассмотреть.
О населяющих воздух мне
рассказать? Ты улыбнулся.
Ты замолчал. Ты не ответил.
Мальчик, водительство духа
чаще ты призывай,
оно тебе в жизни
поможет.

1916

Бог даст

Подойди ко мне, мальчик, не бойся.
Большие тебя научили бояться.
Только пугать люди могут.
Ты рос без страха.
Вихрь и мрак, вода и пространство,
ничто не страшило тебя.

Меч извлеченный тебя восхищал.
К огню ты протягивал руки.
Теперь ты напуган,
все стало враждебно,
но меня ты не бойся.
У меня есть друг тайный,
страхи твои отвратит он.
Когда ты уснешь,
я тихонько его позову к изголовью, —
того, кто силой владеет.
Он тебе слово шепнет.
Смелым встанешь,
Бог даст.

1916

При всех

Плакать хотел ты и не знал,
можно ли? Ты плакать боялся,
ибо много людей на тебя
смотрело. Можно ли плакать
на людях? Но источник слез
твоих был прекрасен. Тебе
хотелось плакать над безвинно
погибшим. Тебе хотелось лить
слезы над молодыми борцами
за благо. Над всеми, кто отдал
все свои радости за чужую
победу, за чужое горе. Тебе
хочется плакать о них.
Как быть, чтобы люди
не увидали слезы твои?
Подойди ко мне близко.
Я укрою тебя моею одеждой.
И ты можешь плакать,
а я буду улыбаться, и все
поймут, что ты шутил и
смеялся. Может быть, ты
шептал мне слова веселья.
Смеяться ведь можно
при всех.

1919

О вечном

Зачем хотел ты сказать
неприятное мне? Ответ мой
готов. Но прежде скажи
мне. Подумай крепко, скажи!
Ты никогда не изменишь
желанье твое? Ты останешься
верен тому, чем на меня
замахнулся? Про себя знаю я,
ответ мой готов позабыть.
Смотри, пока мы говорили,
кругом уже все изменилось.
Ново все. То, что нам
угрожало, нас теперь призывает.
Звавшее нас ушло без возврата.
Мы сами стали другими.
Над нами и небо иное.
И ветер иной. Солнца лучи
сияют иначе. Брат, покинем
все, что меняется быстро.
Иначе мы не успеем
подумать о том, что
для всех неизменно. Подумать
о вечном.

1917

Повторяешь

Замолчал? Не бойся сказать.
Думаешь, что рассказ твой
я знаю, что мне ты его
уже не раз повторял?
Правда, я слышал его
от тебя самого не однажды.
Но ласковы были слова,
глаза твои мягко мерцали.
Повесть твою еще повтори.
Каждое утро в сад мы выходим.
Каждое утро ликуем мы
солнцу. И повторяет свои
дуновения ветер весенний.
Солнца теплом ты обвей
свою милую повесть.
Словом благоуханным,
точно ветер весенний,
в рассказе своем улыбнися.
И посмотри так же ясно,
как всегда, когда повесть свою

повторяешь.

1918

Детские замки

На мощной колонне храма сидит
малая птичка. На улице дети
из грязи строят неприступные
замки. Сколько хлопот около
этой забавы! Дождь за ночь
размыл их твердыни, и конь
прошел через их стены. Но
пусть пока дети строят
замок из грязи и на колонне
пусть сидит малая птичка.
Направляясь к храму, я не подойду
к колонне и обойду стороною
детские замки.

1920

Не убьют

Сделал так, как хотел,
хорошо или худо, не знаю.
Не беги от волны, милый мальчик.
Побежишь – разобьет, опрокинет.
Но к волне обернись, наклонися
и прими ее твердой душою.
Знаю, мальчик, что биться
час мой теперь наступает.
Мое оружие крепко.
Встань, мой мальчик, за мною.
О враге ползущем скажи…
Что впереди, то не страшно.
Как бы они ни пытались,
будь тверд, тебя они
не убьют.

1916

Вижу я!

В землю копье мы воткнем.
Окончена первая битва.

Оружье мое было крепко.
Мой дух был бодр и покоен.
Но в битве я, мальчик, заметил,
что блеском цветов ты отвлекся.
Если мы встретим врага,
ты битвой, мальчик, зажгися,
в близость победы поверь.
Глазом стальным, непреклонным
зорко себя очерти,
если битва нужна,
если в победу ты веришь.
Теперь насладимся цветами.
Послушаем горлинки вздохи.
Лицо в ручье охладим.
Кто притаился за камнем?
К бою! Врага
вижу я!

1916

Захочешь

В знак победы, милый
мой мальчик, платье
цветное ты не надень.
Победа была, а бой будет.
Не смогут тебя победить.
Но выйдут биться с тобою.
Твою прошлую жизнь прозревая,
сколько блестящих побед
и много горестных знаков я вижу.
Но победа тебе суждена,
если победу
захочешь.

1917

Подвиг!

Волнением весь расцвеченный,
мальчик принес весть благую.
О том, что пойдут все на гору.
О сдвиге народа велели сказать.
Добрая весть, но, мой милый
маленький вестник, скорей
слово одно замени.
Когда ты дальше пойдешь,

ты назовешь твою светлую
новость не сдвигом,
но скажешь ты:
подвиг!

1916

II. Наставление ловцу, входящему в лес

Ловцу, входящему в лес

Дал ли Рерих из России – примите.
Дал ли Аллал-Минг-Шри-Ишвара из Тибета – примите.
Я – С НИМ.
В час восхода я уже найду
тебя бодрствующим. Ловец!
Вооруженный сетью, войдешь
ты в лес. Ты приготовился.
Ты умыт и бодр. Тебя
не стесняет одежда. Ты
препоясан. И свободны
мысли твои. Да, ты
готовился! И простился
с хозяином дома. Ты
ловец, лес полюбил. И
ловом твоему роду благо
ты принесешь. Затрубить ты готов.
Большую добычу ты наметил
себе. И не убоялся тягости
ее. Благо! Благо! Вступивший!
Крепки ли сети твои?
Ты их укреплял долгим
трудом? Испытал их
пробными ударами? Ты
весел? И если смех твой
устрашит часть добычи —
не бойся. Но не греми оружием
и не окликай громко ловчих.
Ах, при неумении, из ловца
тебя сделают загонщиком.
И даже ловчий будет хозяином
твоим. Собери знание. Соблюди
путь твой. Почему ты
озираешься?
Под красным камнем залег
красный змий. И зеленый мох
скрыл зеленую змейку. Но
ее жало так же остро. Уже
с детства тебе твердили
о змеях и о скорпионах.
Целое учение страха! Но
много щебечущих и свистящих
полетит за тобою. И шорох

переползет тропу твою. И
завывание пронзит твое
ухо. Из червей вырастают
киты. И крот становится
тигром. Но ты знаешь
сущность, ловец. Это все —
не твое. Твоя – добыча!
Спеши! Не медли! Вступивший!
Не истрать сети твои на
шакалов. Добычу знает
только ловец.
Иногда тебе кажется, что
ты уже многое знаешь. Но
все-таки ты не знаешь, кем
положены круги камней на
опушке? Что они значат?
И кого предостерегает знак
на высокой сосне? Ты даже
не знаешь, кто наполнил
черепами овраг, в который
ты заглянул? Но если и ты
подвергнешься опасности —
не спускайся в овраг и не
скройся за деревом. У тебя
пути без числа и только
один у врага. Из преследуемого
сделайся ты нападающим.
Как сильны нападающие и
как бедны оправдывающиеся.
Оставь защищаться другим. Ты
нападай.
Ибо ты знаешь, для чего
вышел ты. И почему ты
не устрашился леса. Священный
и страшный и благословенный
лес. Дай ловцу пройти тебя.
Не удержи его. Не скрой
пути и тропинки. И не
испугай. Я ведь знаю, ты
многоголосный. Но я слышал
твои голоса. И ловец мой
возьмет добычу свою. И ты,
ловец, путь свой знай сам.
Не верь зовущим и не
обращайся к сообщающим.
Ты, только ты, знаешь
добычу твою. И не предпочтешь
малую добычу и препятствиями
не огорчишься.

Удивляющийся уже открыт
для врага. Впавший в раздумье
теряет сети свои. А
потерявший возвращается
назад в поисках. Но пойдешь
ты вперед, ловец! Все
оставленное позади – не твое.
И ты знаешь это так же,
как я. Ибо ты знаешь все.
И припомнить все можешь.
Ты знаешь о мудрости.
Ты слышал о смелости.
Ты знаешь о нахождении.
И ты проходишь овраг
только для всхода на холм.
И цветы оврага – не твои
цветы. И ручей ложбины не
для тебя. Сверкающие водопады
найдешь ты. И ключи родников
освежат тебя. И перед
тобой расцветет вереск
счастья. Но он цветет
на высотах.
И будет лучший загон не
у подножья холма. Но твоя
добыча пойдет через хребет.
И, пылая на небе, поднимаясь над
вершиной, она остановится.
И будет озираться. И ты не
медли тогда. Это твой час.
И ты и добыча будете на
высотах. И ни ты, ни добыча
не пожелаете спуститься
в лощину. Это твой час.
Но, закидывая сеть, ты знаешь,
что не ты победил. Ты
взял только свое. Не считай
себя победителем. Ибо все —
победители, но точно не
припомнят.
Я привел тебя к широким
рекам и к необъятным
озерам. И я тебе показал
океан. Видевший бесконечное
не потеряется в конечном.
Ибо нет бесконечного леса.
И каждую топь можно обойти.
Ловец! Мы вместе плели твои
сети. Мы вместе ловчих искали.

Мы вместе избирали места
наилучшего лова. Мы вместе
избегали опасности. Вместе
мы утвердили наш путь.
Без меня не познал бы ты
океана. Без тебя не узнаю
радость твоего счастливого
лова. Я люблю тебя, мой
ловец! И Сыном Света я
лов представлю твой.
И если бы ты даже ошибся.
Если бы временно спустился
в ложбину. Если бы даже оглянулся
на черепа. Если бы смехом
отстранил часть добычи. Но
я знаю, что не переставая идешь
ты для лова. Не смущаешься
и не потеряешь пути. Ты
знаешь, как по солнцу путь
находить. И как по вихрю
обернуться к дороге. А кто
зажег его – Солнце? И кто
пригнал его – Вихрь? Но
из области Солнца говорю
с тобою. Твой друг и
наставник и спутник.
Ловчие и загоновожатые пусть
будут друзьями. И после лова,
отдыхая на холме, призови
ловчих и загоновожатых.
Расскажи им, как ты шел
до холма. И почему ловец
не должен ждать по оврагам.
И как на гребне встретил
добычу. И как ты будешь знать,
что эта добыча – тебе. И
как надо миновать малую
добычу. Ибо кто идет
к ней, тот с ней и
пребудет.
Расскажи также, как ловец
несет на себе все признаки
лова. И как он, только он,
знает уменье и добычу свою.
Не разгласи о лове не знающим
о добыче. В час огорчения, в час
бедности они наймутся
загонщиками и через заросли
примут участие в лове. Но

пойми, ловец, пойми ты ловчих.
С ними испей воду у костра
отдыха. Пойми, понимающий.
И кончая ловлю, почини сети
твои и задумай лов новый.
Не пугайся и не пытайся
пугать. Ибо если не испугаешь,
страх обернется на тебя
еще больший. Задумывай просто.
Ибо все просто. Все прекрасно
прекрасномысленное.
Всякий страх ты победишь
непобедимою сущностью
твоею. Но если задрожишь, то,
пораженный, уничтоженный,
ни кричащий, ни молчащий,
утративший сознание времени,
места и жизни, – лишишься
остатков воли. И куда
пойдешь ты?
А если кто из утомленных
загоновожатых скажет тебе
против ловли, не слушай его,
мой ловец! Размягчающие!
Эти заслонившие себя
сомнением! Какова будет
их ловля? И что они
принесут своим близким?
Снова пустую сеть? Снова
желания без исполнений?
Потерянные, как утеряно
их бесценное время. Ловец —
для лова. Не внимай часам
утомления. В эти часы ты
не ловец Ты – добыча! Вихрь
пройдет. Промолчи. И опять
возьмешь рог свой. Не опаздывая,
не бойся опоздать. И, настигая,
не оберни голову. Все понятное
непонятно. И все объясненное
необъяснимо. И где предел
чудесам?
И еще последнее, о ловец
мой! Если в первый день
лова ты не встретишь
добычу. Не сокрушайся.
Добыча уже идет для тебя.
Знающий ищет. Познавший —
находит. Нашедший изумляется

легкости овладения. Овладевший
поет песнь радости.
Радуйся! Радуйся! Радуйся!
Ловец!
Трижды позванный.

15.IV.1921
Chicago

III. Стихотворения

«К ним»

Я выше вас, глупцы слепые!
Всегда в грязи ползете вы,
На своды неба голубые
Поднять не смея головы.
И, вечно жалуясь, страдая
Самими созданной тоской,
Со страхом гибель ожидая,
Вы все согнулись под сумой.
Я выше вас! Мечтам послушный,
Я видел небо, рай и ад —
И горе жизни равнодушной,
И смерть меня не устрашат.
Я не копил сокровищ груду —
И этим горд! Вы не могли
Подняться с ними от земли,
А я без них парю повсюду!

06.11.1902

* * *

Дремлет земля Святорусская.
Закрывается туманом-пологом,
Вековою чащей оградилася,
Болотами да крепями опоясалась,
Поляницею могучею раскинулась.
Не пройти ее, не объехать в три года.
Разметалась она из края в край,
Разбросалась от ночи до полудня —
Дремлет земля Святорусская.
Черный ворон летит из поднебесья,
Сел вещун на высокий дуб, —
На высокий дуб, на раскидистый,
Каркает ворон недоброе,
Чует вещун свару горькую,
Свару, лихую усобицу:
Станет род на род —
Будет ворону богатый пир.
Закипает лихая усобица,
Из лесов потянулися родичи,
Покрывают струги Ильмень-озеро,
Слышен клич боевой, зазвенел топор —
Кровь-руда полилася напрасная.
Радошны соседи недобрые!
Тесным кольцом опоясали
Русскую землю привольную
Финская Емь, Водь, Ижора,
Чудь, Весь и Меря проклятая,
От восхода Мордва с Черемисою,
От полудня хозары надвинулись,
Полунощные гости бродячие,
Удалые дружины варяжския,
В греки идут великим путем —
Водным путем да волоком
Топчут землю Святорусскую.
На богатство ее на великое
Зарятся гости проезжие.
Устоит ли земля Святорусская?
Словенские родичи врозь идут.
Ой лежит над Русью глухая ночь,
Не видать на небе ни звездочек,
Не видать ни месяца яснаго,
Не плескает рыба на озере,
Выпь не гудит над болотами,
Рысь молчит – притаилася, —
Топоры звенят по лесным долам,

Тетива поет, и стрела свистит,
Зарево светит пожарное —
Лежит над Русью глухая ночь.
По рекам, озерам и заводям
Челноки наспех потянулися,
В городке на вышке повешены
Пуки соломы горящие —
Окрест разнести вести важные.
За далеким Перуновым озером,
Среди леса стоячего древнего
Стоит над яром высокий дуб —
Сварожич живет под тем деревом.
Без Перуна без бога великого
Не вершится дело славянское.
Место под дубом утоптано.
Горит под дубом святой огонь.
К дубу сбираются родичи:
«Стоять ли земле без хозяина?»
Старцы земли Новагорода
Соберутся под дубом раскидистым;
Ворон на дубе не каркает —
На небе заря разгорается,
Скоро Ярило покажется,
Засияет блеснет красно солнышко —
И проснется земля Святорусская.

* * *

Искусству – поём.
Искусство – славное,
Искусство – красное,
Искусство – высокое,
Искусство – гордое,
Искусство – радость,
Искусство – светлое.
Фос, Пур и Флокс!
Искусство храните.
Отгоните жестоко
Тёмных, жалких, нелепых.
Стук, Стук, Стук!
Пришли на искусство.
Идут черные, идут серые!
Зачернела лестница шапками,
Застучали ступени подошвами.
Ближе и дальше – черно, черно.
Занимайте классы, товарищи!
В декоративном раздеться!
Идти в резной!
Стали и сели.
Делили искусство.
Взяли чужое,
Свое прогнали,
Дальше и больше —
Ничего не осталось.
Пустой дом!
Фос, Пур и Флокс!
Искусство храните.
Отклоните жестоко
Противных, жалких!
Искусство восхвалим.
Оно – гордое, оно – светлое,
Далекое, близкое, красное,
Славное!
Искусству – поем!

Свечи

Свечи горели. Яркое пламя трепетным
светом все обливало. Казалось: потухни оно —
темнота словно пологом плотно закроет глаза,
бесконечной, страшной завесой затянет.
Напрасно взоры скользнут, в пустоту утопая.
Полно! Один ли света источник
дрожащие, мрачные тени бросает вокруг?
Робко, украдкой сине-лиловый рассвет
тихонько в окошко струится,
гордым блеском свечей затуманен.
Никому не приметный, ненужный
серый отсвет бросает.
Свечи горели. В холоде отблеска утра
новый тон заиграл, тепловатый, манящий…
Хочется штору поднять, да и сам он дорогу
скоро пробьет. Ласковый свет разливается.
Черный угол туманом затянут.
Ярче светлый… Вечный, могучий
светоч встает… А свечи?

Молитва Гайятри

Слушайте! Слушайте!
Вы кончили споры и ссоры?
Вот молитва моя!
Порази в корень нищету моего сердца.
Песня, которую я должен спеть,
еще остается неспетой.
Ты призвал меня на праздник
этого мира, и тем благословенна
жизнь моя.
Могу ли я принести Тебе
мое безмолвное поклонение?
Мою молитву без слов,
без песнопения?
Мою молитву, которую будешь знать
только Ты?
Я пополню сердце свое
Твоим молчанием и претерплю его.
Но придет солнце и утро, и Твое слово
вознесется песнею над каждым
птичьим гнездом. И Твои напевы
расцветут во всех лесных чащах.

Священные знаки

Увидели дети. Почудилось.
Толпа перешла. Следы измешала.
Все бывает. Все видели.
Летела белая птица.
Скакала белая лошадь.
Уплыла белая рыба.
Прошли белые.
Пробежали черные.
Показалась черная собака.
Ушла под землю черная змея.
Пролетели черные мухи.
Поймите! Глазомерно смотрите!
Настоящий – увидит.
Все бывает. Все слышали.
Звенит пустыня для путников.
Стонет поле для воинов.
Воют под Нелью на озере
Проклятые плавучие могилы.
Звучит да поет лес для охотника.
Звонят подземные ушедшие храмы.
Играет утро. Звенит ночь.
А вы поймите! Вы слушайте!
Настоящий – услышит.
Пришли дети. Упомнили старцы.
Повестили радость.
Егорий коней пасет.
Никола стадо сберег.
Илья рожь зажинает.
Прокопий камни отвел.
Радость – всякому дому.
Упомнили. Усмотрели.
Подойдите, дети!
Настоящий – поймет.

Сон

Какой сон недобрый!
К чему может он быть?
Будто бы лежал я больной
и томился дойти до источника.
И не мог. Кто мне поможет?
Женщина идет. Женщины добры.
Она мне воды принесет.
«Женщина, подойди к источнику
и принеси мне напиться».
«Я не могу, я несвободна.
К источнику доступ нам запрещен».
Но идет простой человек.
Он просьбу услышит.
«Брат, от источника принеси
мне воды».
«Я ведь крестьянин, нам не дозволено».
Еще идет человек; его попрошу.
«Не смейся, я ведь еврей, нам нельзя».
Сколько народу прошло, и всем
почему-то нельзя. Запрещено, не позволено.
Бессмысленный сон! Царь наш,
когда приезжал, сказал нам,
что свободны все люди.

Свод

Мне сказали, что я болен.
Сказали, что я буду лежать.
Я буду лежать. Буду смотреть
в небо за окном. Может
быть, больной я увижу иное
небо. Может быть, облака
построятся в храмы.
Дрожит воздух. Мелькают
невидимые мушки. Когда же
увижу иное небо? Не знаю,
скоро ли буду болен опять.
Если встану, я уйду к делу.
Опять не увижу дальнего неба.
Сегодня, быть может, мы его
не увидим, но завтра, я знаю,
мы найдем дальнее небо.
Но чтобы молиться, я выйду из
душного храма. Я уйду
под облачный свод.

Обернись

Не уходи, мой друг, в темноту.
Сядь так, чтоб я видел тебя.
Иначе призраки ночи
займут твое место.
Окружены мы тенями.
Вызвало их неразумное слово.
Их разогнать не умеем.
Им повелеть мы не можем.
Близится час полунощный.
Зажги, друг, ярче огонь.
К света источнику ты
обернись.

1917

Встретим

К двери, друг, подойди.
Не бойся двери открыть.
Крепко светильник держи,
не затушил чтобы вихрь.
Слышишь, он к двери подходит.
Если, открыв, ты ничего
не увидишь – не бойся, он
все-таки здесь. Что должно
прийти, то пришло.
Пришедшее
встретим.

1917

Зов

Подойди, подойди, и останься.
Милый мой, я хочу тебя
Видеть. Еще ни разу ко мне
Близко не подошел ты.
Я хочу на тебя посмотреть.
Хочу почуять тебя.
Знаю, что ты подойдешь.
Знаю, что скажешь ты.
Знаю, Учитель, тебя.
Слушай и ты этот
Зов.

О бедном

Больно, мальчик, тебе обидное
слово? Уже говоришь, что обидчика ты
ненавидишь? Что знаешь его
негодным, подкупным и лживым.
Но если тебя он похвалит
и назовет тебя сходным
с собою, насколько такая
хвала будет постыдна
тебе! Если негодных людей
тебе послано бранное слово —
будь доволен, мой мальчик.
А завтра с тобою вдвоем
пойдем мы белой равниной.
Новый мы воздух вдохнем,
в новую даль углубимся.
И после, собравшись к огню,
улыбнемся негодному слову
и пожалеем спокойно о глупом,
о бедном.

Полночь

Прежде, чем мы разойдемся,
я хотел рассказать вам,
друзья, еще одну повесть.
Но слуги поторопились,
они погасили огни.
Унесено все убранство,
и отодвинуты скамьи.
Придется нам отложить
последнюю повесть. Этим
я даже доволен. Во сне
укрепив свои силы, в новых
словах ее расскажу я;
будут светильники полны,
пышно убраны столы,
и огонь в очаге разгорится.
Из последнего слова начало
сделаем мы и, долго
сидя за столами, громкой
и ясною речью встретим мы время
царства ночного – глубокую
полночь.

В пути

Друзья, от вас ухожу я.
Во взгляде моем ваши лица
уже изменились. Я вижу,
что знал вас я мало.
Вы меня тоже не знали.
Многое я тайком накопил.
Сохранное не показал вам.
За это простите. Зато
многое вы соберете.
Большую часть новым
друзьям не дадите. Меня
вы поймете и перед долгим путем
подарите мне, что утаил я,
оно мне в пути пригодится.
Смотрите, идут уже там
впереди. Рано вышли в дорогу.
Пристально вы посмотрите.
Темные точки на склоне
горы – ведь не камни, путники это.
Скоро и я для вас стану
таким же камнем далеким.
Но не забудьте, что это не
камень, ведь это я, тот,
который долго жил с вами.
Лицо мое знали вы близко
и четко. Хотя ваши лица
для меня изменятся, но буду
вас помнить и пожалею,
если встречался с кем мало.
Теперь вещи для жизни я вам
оставляю. В пути они
мне не нужны. Если из
них пропадет или
износится что, не жалейте.
Вернувшись, найду я, что
надо. За перевалом путники
скрылись. Не печальтесь, что
пойду я один. Путников встречу
в пути.

Оставлю

Доживу ли? Сумею ли я
испытать мой знак,
вновь найденный?
Не могу я его показать никому.
Его власть рассказать я не смею.
Мы ходили далеко, а он
был оставлен так близко.
Прост по виду он был.
До приезда Царя я его сохраню
и по зову отдам Ему в руки.
Но пока он лежит у меня.
Наконец, я вижу его.
Сердцем я знаю, что он
настоящий. Ни твари, ни люди
не могут сделать его.
Мне показал он такое,
о чем рассказать я не смею.
Грамотой тайной я запишу
и оставлю.

Властитель ночи

Должен Он прийти – Властитель ночи. И невозможно спать в юрте на мягких шкурах.

Встает Дакша, и встают девушки. И засвечивают огонь. Ах, томительно ждать. Мы его призовем. Вызовем. Огонь желтый, и юрта золотая. И блестит медь. Начинается колдовство. Пусть войдет Он, желанный. Придет ведунья. И зажжет травы. И вспыхнет зеленый огонь. Надежда!

И ожидание. Но молчат тени, и нейдет Он. Ах, бессильны добрые слова. Пусть войдет та, злая. И бросит красные травы. И заволочет туманом стены. И вызовет образы. И духи возникнут. Кружитесь. И летите в пляске.

И обнажитесь, откройтесь. И мы удержим образы возникшие. И сильнее образы и багровее пламя. Ах, приди и останься. И протянулась и обняла пустое пространство. Не помогло красное пламя. И вы все уйдите. И оставьте меня. Здесь душно. Пусть тухнет огонь. Поднимите намет. Допустите воздух сюда.

И вошла ночь. И открыли намет. И вот она стоит на коленях. Ушел приказ. Ушло волхование. И тогда пришел Он, Властитель. Отступила Дакша. Замирая. И опустилась. Он уже здесь. Все стало просто. Ах, как проста ночь. И проста звезда утра. И дал Он власть. Дал силу. И ушел. Растаял.

Все просто.
1918

Монеты

Тебе дам три медные монетки.
Укажу изготовить мне сласти.
Но если даже дам трижды три
медных монеток, ты не сможешь
изготовить мне сласти. Пойдешь
за ними в лавку на рынок.
Какие там маги, что за три
монеты охотно дадут, что ты
дать не можешь? Но я пошлю
тебе иное уменье. Ты сам
дашь нам сласти, слаще
медов и ванили и благовоннее
смирны, во все времена дня
и ночи. За них не возьмешь ты
монеты.

1921

Дар

Мутны волны, и бурно море.
Неужели и здесь должен быть
наш улов? И здесь должны
мы закинуть сеть нашу.
Иначе лишимся пропитания
нашего. В желтые волны
бросили мы нашу сеть.
Вес ее стал отягчаться.
Ах, сколько ила и грязи
соберет наша бедная пряжа!
С трудом извлекаем наш
тяжелый улов. Усмешка судьбы!
Она бросила нам все ненужные
вещи. Звезды морские и мертвые
крабы для еды непригодны.
Но среди хлама мелькнул
блеск чешуи. Господи, даже
среди мутного моря все же
послал нам золотую
рыбку. Но мало того, среди
грязи мы находим
замечательный ящик. Дома,
только там, за порогом,
мы раскроем его. Сладость
какая нести запечатанный дар!

1922

Владычица Знамени Мира

Владычица червонно-пламенная!
Владычица Знамени Мира!
К Тебе, Владычица, мы прибегаем. Кто же
поднимет Знак Мира, Знак Сохраненья
Высших Сокровищ?
Кто же, кроме Тебя, придет к нам, помочь
Знамя поднять, знак созиданья народам?
Бурно море и губительны вихри, но Ты Знамя
поднимешь
и наполнишь сердце людское сознаньем
о священном
Хранении Духа. Ведь Ты знаешь, насколько нельзя
отложить этот Знак. Ведь Ты знаешь, сколько
уже разрушений землю унизило. Знаешь Ты
все поношения самого лучшего, самого нужного
людям. Если стадо не знает опасности, то ведь Ты,
Пастырем будучи, Мирное Знамя поднимешь.
И ветры нагорные всюду Приказ принесут Твой:
сохранить, и строить, и складывать Светлое Завтра.
Твой Пламень Червонный тьму разгоняет. Дыхание
Твое исцеляет все раны, и Рука Твоя разве не строит,
легко прикасаясь к созидательным камням творенья?
Вот мы и просим Тебя поднять этот Знак
Триединости Мощной.
Знаем мы, что Ты не откажешь, ибо противно Тебе
разрушенье и уничтоженье прекрасных начал. Ты
не терпишь хаоса, Ты не терпишь смятения,
и потому Ты поднимешь, и сохранишь, и укажешь
народам Знак Охраненья мирных прекрасных
Сокровищ! Знак Путеводный для каждой творческой
Мысли! Знак Утвержденья и Света.
Помоги, Владычица Знамени Мира!

1932

IV. Легенды

Легенды

Профессор Варшавского Университета Зелинский в своих интересных исследованиях о древних мифах пришел к заключению, что герои этих мифов вовсе не легендарные фигуры, но реально существовавшие деятели. К тому же заключению пришли и многие другие авторы, таким образом опровергая материалистическую тенденцию прошлого столетия, которая пыталась изображать все героическое лишь какими-то отвлеченными мифами. Так, французский ученый Сенар пытался доказать, что Будда никогда не существовал, и не что иное, как солнечный миф, что было сейчас же опровергнуто археологическими находками. Такие же попытки были делаемы, чтобы доказать, что и Христос никогда не существовал, хотя мы имеем свидетельства, очень близкие к Его времени. Кроме того, в Сирии недавно была найдена плита с римскою надписью – эдикт против первых христиан, по времени чрезвычайно близкая к манифестации Христа. В этой борьбе между познающими и отрицающими так ясна граница, разделяющая всю мировую психологию. При этом чрезвычайно поучительно наблюдать, насколько все отрицатели со временем оказываются побежденными; те же, кто защищал героизм, истину, великую реальность, они находят оправдание в самой действительности.

Тот, кто истинно понимал героев и мифы и кто временно считался мечтателем, оказывался величайшим реалистом, тогда как скептик-отрицатель по справедливости занял место «мечтателя», поверившего или клевете, или извращенному источнику. Так медленно, но верно оборачивается колесо эволюции, неся с собою восстановление забытой правды.

Оглянемся и заметим, как быстро и как легко человечество забывает даже недавние события и деятелей. Еще недавно такие лица, как Парацельс или Томас Воган, отмечались в энциклопедиях как обманщики. Но затем некоторые люди, в которых была жива справедливость, дали себе труд ознакомиться с их произведениями и нашли, вместо оглашенных шарлатанов, глубоких ученых, открытия которых принесли человечеству много блага. Вспоминаю, как в детстве мы увлекались книгою Гастона Тиссандье «Мученики науки». Те, которые погибли жертвами всесожжения, в пытках, на эшафоте, теперь признаны как великие ученые. Но лживый скептицизм продолжает свою подпольную работу и, вместо прежних мучеников, спешит изобрести других, чтобы затем они, в свою очередь, так же были почтены памятниками и народными торжествами.

За последние годы в общественных направлениях замечаются некоторые отдельные действия, которые дают надежду, что вредоносное отрицание как будто уже осознается и, таким образом, будем надеяться, займет заслуженный темный угол.

Люди начинают стремиться к жизнеописаниям. Но и в этом шептуны-скептики не хотят уступить. Пожимая плечами, они скажут вам: «Как вы можете быть уверены относительно истинных побуждений, родивших поступки, отображенные в биографии?» Или: «Как вы можете быть уверены, что не были случайностями те события, которые окрасили жизнеописания ваших героев?» Или: «Можете ли вы утверждать, что биограф был искренен и беспристрастен?»

Допустим, что эти замечания до известной степени могут иметь под собою почву. Отдадим некоторую окраску жизнеописания личности самого биографа. Но, тем не менее, архивы исторических документов доносят до нас все же многие несомненные жизненные вехи действительности. Еще в недавнем прошлом летописи считались как сомнительные документы, не заслуживавшие серьезного внимания. Но археологические и исторические

находки и документы, современные летописям, показывают, что они заслуживают гораздо большего почтения, нежели еще недавно поверхностные умы полагали. Конечно, будем надеяться, что человечество теперь не будет терять целые века для верного освещения выдающихся явлений.

Отдавая должное летописям и жизнеописаниям, человечество научится и писать их. Было бы величайшей ошибкой думать, что понятие героев совместно лишь с прошлым. Синтез нашей Эры выкристаллизовывает своих героев. Позволительно надеяться, что костры, тюрьмы и казни более не будут непременными атрибутами этих великих душ!

Устанавливая, что боги древности были героями, запечатленными в памяти народа, мы укрепим себя в сознании, что и в наши дни индивидуальность и личность управляют рулем человечества. Утверждая существование таких индивидуальностей, мы научимся, по примеру предков, в благожелательном позитивном исследовании передать сущность их личности в последующие поколения. Не забудем, что в будущем эти жизнеописания войдут в народные школы как Светочи Прогресса. Потому научим молодежь не только читать биографии, но и уметь писать их или, вернее, различать – что из проявлений их современников войдет в историю.

Читая легенды, молодежь научится мечтать. Это великое качество, ибо оно наполняет сердце лучшими, мощными огнями. Этими огнями сердца молодежь познает, как различать, где истина. Истина не познается расчетами, лишь язык сердца знает, где живет великая Правда, которая, несмотря ни на что, ведет человечество к восхождению. Разве легенды не есть гирлянда лучших цветов? О малом, о незначительном и жалком человечество не слагает легенд. Часто даже в кажущихся отрицательными мифах заключено уважение к потенциалу внутренней мощи. Во всяком случае, каждая легенда содержит нечто необычное. Не ведет ли эта необычность дух человеческий поверх сумерек механического стандарта? Этим машинным стандартом эволюция не строится. Легенда, которая освобождает нас от подавляющих условий каждодневной рутины, обновляет наше мышление, позволяет погрузиться в новые глубины познавания, полные неисчерпаемого молодого задора.

Спросите великого математика, великого физика, великого физиолога, великого астронома, умеет ли он мечтать? Я не упоминаю художников, музыкантов, поэтов, ибо все существо их построено на способности мечтать. Великий ученый, если он действительно велик и не боится недоброжелательных свидетелей, конечно, доверит вам, как прекрасно он умеет возноситься мечтами. Как многие из его открытий в основе своей имеют не только расчет, но именно высокую жизненную мечту.

Да, легенды не отвлеченность, но сама реальность. Поистине мечты не знаки безграмотности, но отличия утонченных душ. Потому всячески поощрим в молодежи нашей стремления к зовущим и творящим сказаниям и вместе с молодежью, оставаясь молодыми, почтим мечту как ведущие и возносящие крылья нашего возрождения и усовершенствования.

Устремление, Иерархия, Беспредельность, Красота – только по этим вехам мы движемся несомненно вперед. Существо нашей деятельности мы должны приложить к жизни немедленно. Воздавая должное мечте, мы не сделаемся «мечтателями».

Пусть будет эта мечта Творца. В этой мечте не будет ни одурманивания, ни изменчивости, но будет непреложное Знание, собранное в глубинах нашего духа. И, прежде всего, будем помнить, что слово Культура может значить «Культ-Ур» – Культ Света.

Гималаи. Февраль, 1931 г.

Детская сказка

В очень известном и большом городе жил старый царь, вдовец. У царя была дочь, невеста. Царевна далеко славилась и лицом и умом, и потому многие весьма хорошие люди желали сосватать ее. Среди этих женихов были и князья, воеводы и гости торговые, и ловкие проходимцы, которые всегда толкаются в знатных домах и выискивают, чем бы услужить; были разные люди. Царевна назначила день, когда могут прийти к ней женихи и сказать громко при ней и при всех, что каждый надеется предоставить своей жене; царевна была мудрая. Женихи очень ожидали этого дня, и каждый считал себя лучше всех других. Один перед другим хвалились женихи: кто именитым родом за тридевять поколений, кто богатством, но один из них ничем не хвалился, и никто не знал, откуда пришел он. Он хорошо умел складывать песни; песни его напоминали всем их молодые, лучшие годы, при этом он говорил красиво, и его любили слушать, даже забывая спросить, кто этот певец. И хотя он не был князем, но все женихи обращались с ним, как с равным.

В назначенный день все женихи оделись получше и собрались в палату, к царю. Согласно обычаю, женихи поклонились царю и царевне. Никого не пустил вперед князь древнего рода, за ним слуги несли тяжелую, красную книгу. Князь говорил:

– Царевна, мой род очень знатен. В этой книге вписано более ста поколений… – И князь очень долго читал в своей книге, а под конец сказал: – И в эту книгу впишу жену мою! Будет она ходить по палатам моим, а кругом будут образы предков, весьма знаменитых.

– Царевна, – говорил именитый воевода, – окрест громко и страшно имя мое. Спокойна будет жизнь жене моей, и поклонятся ей люди – им грозно имя мое.

– Царевна, – говорил залитый сокровищами заморский торговый гость, – жемчугом засыплю жену мою; пойдет она по изумрудному полю и в сладком покое уснет на золотом ложе.

Так говорили женихи, но певец молчал, и все посмотрели на него.

– Что же ты принесешь жене своей? – спросил певца царь.

– Веру в себя, – ответил певец.

Улыбнувшись, переглянулись женихи, изумленно вскинул глазами старый царь, а царевна спросила:

– Скажи, как понять твою веру в себя.

Певец отвечал:

– Царевна! Ты красива, и много я слышал об уме твоем, но где же дела твои? Нет их, ибо нет в тебе веры в себя. Выходи, царевна, замуж за князя древнего рода и каждый день читай в его алой книге имя свое и верь в алую книгу! Выходи же, царевна, замуж за именитого гостя торгового, засыпь палаты свои сверкающим золотом и верь в это золото! В покое спи на золотом ложе и верь в этот покой! Покоем, золотом, алыми книгами закрывайся, царевна, от самой себя! Моего имени нет в алой книге, не мог я засыпать эту палату золотом, и куда иду я – там не читают алой книги и золото там не ценно. И не знаю, куда иду я, и не знаю, где путь мой, и не знаю, куда приду я, и нет мне границ, ибо я верю в себя!..

– Подожди, – прервал певца царь, – но имеешь ли ты право верить в себя?

Певец же ничего не ответил и запел веселую песню; улыбнулся ей царь, радостно слушала ее царевна, и лица всех стали ясными. Тогда певец запел грустную песнь; и примолкла палата, и на глазах царевны были слезы. Замолчал певец и сказал сказку; не о властном искусстве говорил он, а о том, как шли в жизнь разные люди, и пришлось им возвращаться назад, и кому было легко, а кому тяжко. И молчали все, и царь голову опустил.

– Я верю в себя, – сказал певец, и никто не смеялся над ним. – Я верю в себя, – продолжал он, – и эта вера ведет меня вперед; и ничто не лежит на пути моем. Будет ли у меня

золото, впишут ли имя мое в алых книгах, но поверю я не золоту и не книге, а лишь самому себе, и с этой верой умру я, и смерть мне будет легка.

– Но ты оторвешься от мира. Люди не простят тебе. Веря лишь в себя, одиноко пойдешь ты, и холодно будет идти тебе, ибо кто не за нас – тот против нас, – сурово сказал царь.

Но певец не ответил и снова запел песню. Пел он о ярком восходе; пел, как природа верит в себя и как он любит природу и живет ею. И разгладились брови царя, и улыбнулась царевна, и сказал певец:

– Вижу я – не сочтут за врага меня люди, и не оторвусь я от мира, ибо пою я, а песня живет в мире, и мир живет песней; без песни не будет мира. Меня сочли бы врагом, если бы я уничтожил что-либо, но на земле ничто не подлежит уничтожению, и я создаю и не трогаю оплотов людских. Царь, человек, уместивший любовь ко всей природе, не найдет разве в себе любви – к человеку? Возлюбивший природу не отломит без нужды ветки куста, и человека ли сметет он с пути?

И кивнула головой царевна, а царь сказал:

– Не в себя веришь ты, а в песню свою.

Певец же ответил:

– Песня лишь часть меня; если поверю я в песню мою больше, чем в самого себя, тем разрушу я силу мою и не буду спокойно петь мои песни, и не будут, как теперь, слушать их люди, ибо тогда я буду петь для них, а не для себя. Все я делаю лишь для себя, а живу для людей. Я пою для себя, и пока буду петь для себя, дотоле будут слушать меня. Я верю в себя в песне моей; в песне моей – все для меня, песню же я пою для всех! В песне люблю лишь себя одного, песней же я всех люблю! Весь для всех, все для меня – все в одной песне. И я верю в себя и хочу смотреть на любовь. И как пою я лишь для себя, а песнью моей живлю всех, – так пусть будет вовеки. Поведу жену в далекий путь. Пусть она верит в себя и верой этой дает счастье многим!

– Хочу веры в себя; хочу идти далеко; хочу с высокой горы смотреть на восход!.. – сказала царевна.

И дивились все.

И шумел за окном ветер, и гнул деревья, и гнал на сухую землю дожденосные тучи – он верил в себя.

1893

Царь Соломон

До сих пор по просторам Азии летает царь Соломон на своем чудесном летательном приборе. Многие горы Азии увенчаны или развалинами, или камнем с отпечатками ступни великого царя, или отпечатками колен его, следами длительной молитвы. Это все так называемые троны Соломона. Великий царь прилетал на эти горы молиться. На эти высоты он уходил от тягот царствия для возношения Духа. Горы Соломона, тайники сокровищ Соломона, Премудрость Соломона, таинственная власть перстня Соломона, Соломонова печать с познанием света и тьмы – кому же другому столько удивления и почтения принесла Азия?

Самые таинственные предметы и образы связаны с именем Соломона. Самые оккультные из птиц считаются удоды, и эта птичка также связана легендою с царем Соломоном.

Охраняли удоды покой царя Соломона во время его великих трудов, и, вернувшись от трудов, царь спросил птичек, что они хотели бы получить в награду. Птички сказали: «Дай нам, царь, золотые короны твои, они так прекрасны, и мы не видели ничего более чудесного, как ты, когда надеваешь свою корону».

Царь улыбнулся и сказал: «Птички, но ведь тяжела корона моя, как же можете вы желать возложить на себя такое бремя!» Но птички продолжали просить о коронах, и царь велел своему златоковачу сделать маленькие короны по образцу царской, и эти короны были прикреплены на головы птичек. Но не успел пройти самый короткий срок, как птички снова слетелись к царю, и устало поникли под золотыми коронами их головки.

Они просили: «Царь, освободи нас от корон. Прав Ты был, мудро предупреждая нас! Что мы можем знать, мы малые! Можем ли мы знать, что за блеском и очарованием скрывается тягота, – освободи нас, царь».

Царь сказал: «Видите, неразумные, к чему привело ваше стремление к бремени. Хорошо, будь по-вашему, будут сняты короны золотые – но пусть вы носите всегда на себе воспоминание о неразумном стремлении вашем к короне. Отныне носите корону из перьев, она не отяготит вас, ибо она будет только короною того тайного царства, о котором вы знали, служа труду моему». И так птица удод – самая оккультная птица, которая знает многие тайны, носит корону из перьев. Если удод провожает караван или лодку, люди говорят – это к доброму пути; птица царя Соломона знает, что делает.

И другие животные служили царю. Мусульманин, пришедший в Кашмир с караваном через афганскую границу, знает, что Великому Соломону даже муравьи помогали строить храм. От великих джиннов, духов воздуха и огня, до муравьев – все служило строению.

В неустанной молитве царь Соломон безостановочно управлял силами природы для создания чудесного храма. Когда истощились силы царя и он знал, что приблизилось время отхода в другой мир, он оставил завет джиннам и без него докончить постройку. Но буйные стихийные духи дали ответ, что они повинуются лишь царю Соломону здесь, на земле, и без него они свободны от заклятия. И укрепился духом царь Соломон, и, опершись на посох, он остался в храме, призывая все силы к работе. Тут же и отошел он, но тело его осталось неподвижным и непреклонным, чтобы не отлетели буйные джинны. И никто из живущих и никто из джиннов не знал, что ставший на молитву царь уже отошел. И страшились все подойти к неподвижному Владыке, и напрягали все усилия довершить строение. И окончен храм, но Владыка недвижим. Кто же решился нарушить его устремление? Но самый меньший из сотрудников царя – муравей начал подтачивать царский посох, и, когда было переточено дерево, пало тело царя и все увидели, что дух его отошел, но остался Великий храм.

Но не заоблачный Владыка царь Соломон. Он сходит к народу и, подобно другим Владыкам Востока, изменив платье, мешается в толпах, чтобы знать все тайны жизни. Свой перстень с чудесным камнем, в котором была заложена основа мира, царь Соломон оставляет

на хранение жене своей, царевне Египта. Но хитер и искусен египетский жрец, прибывший с царевной. Он меняет голос и облик и под видом царя овладевает перстнем. А сам Владыка обречен на долгие годы скитания, пока снова истина не восстановлена. Так все необыкновенное, необычайное связывают народы Востока с царем Соломоном. Он восходил на горы – он спускался под землю, он встречал царей и исчезал в народных толпах. В старом царстве уйгуров, где теперь живут благоверные мусульмане, имя Соломона мешается и с царем Александром, и с великим Акбаром. Иногда вы узнаете те же сказания, которые украшают и царя, и собирателя Индии.

«Кажется, то же самое говорят и про Акбара, названного Великим?»

Старый седобородый мусульманин в зеленой чалме, совершивший покаяние в Мекке, наклоняет голову: «Оба Владыки были мудры и велики. Когда видите две снеговые горы, как решитесь сказать их отличие? Они обе сверкают под одним солнцем, и приблизиться к ним обеим одинаково трудно. Кто же решился бы приписать одному Владыке то, что, может быть, принадлежит им обоим? Правда, Владыка Акбар не выходил за пределы Индии. Он укреплял ее, оставаясь внутри ее, и мы не знаем, которые джинны служили ему. О царе же Соломоне все знают, что он летал по всему свету и учился правде во всех странах, и даже он был на далеких звездах. Но кто же может снизу судить о двух снеговых вершинах. Мы даже надеваем темные очки, чтобы защитить наши слабые глаза от их блеска».

На горе Мориа сокровищница Соломона. Но не только во храмах мудрые Соломоновы знаки. По указаниям Библии открыл инженер Хаммон в Родезии богатейшие рудники Соломона. И Соломонова звезда сохранила для математиков ценнейшие соображения.

«И это пройдет!» Так ободрил мятущееся человечество царь Соломон. И вечна в красоте своей «Песнь песней».

Гримр-викинг

Гримр, викинг, сделался очень стар. В прежние годы он был лучшим вождем, и о нем знали даже в дальних странах. Но теперь викинг не выходит уже в море на своем быстроходном драконе. Уже десять лет не вынимал он своего меча. На стене висит длинный щит, кожей обитый, и орлиные крылья на шлеме покрыты паутиной и сырою пылью.

Гримр был знатный человек. Днем на высоком крыльце сидит викинг, творит правду и суд и мудрым оком смотрит на людские ссоры. А к ночи справляет викинг дружеский праздник. На дубовых столах стоит хорошее убранство. Дымятся яства из гусей, оленей, лебедей и другой разной снеди.

Гримр долгое темное время проводит с друзьями. Пришли к нему разные друзья. Пришел из Медвежьей Долины Олав Хаки с двумя сыновьями. Пришел Гарольд из рода Мингов от Мыса Камней. Пришел Эйрик, которого за рыжие волосы называют Красным. Пришли многие храбрые люди и пировали в доме викинга.

Гримр налил в ковш меду и подал его, чтобы все пили и каждый сказал бы свою лучшую волю. Все говорили разное. Богатые желали почета. Бедным хотелось быть богатыми. Те, которые были поглупее, просили жизни сначала, а мудрые заглядывали за рубеж смерти. Молодые хотели отличиться в бою, им было страшно, что жизнь пройдет в тишине без победы.

Гримр взял ковш самый последний, как и подобает хозяину, и хотел говорить, но задумался и долго смотрел вниз, а волосы белой шапкой легли на его лоб. Потом викинг сказал:

– Мне хочется иметь друга, хоть одного верного друга!

Тогда задвигались вокруг Гримра его гости, так что заскрипели столы, все стали наперерыв говорить:

– Гримр, – так говорил Олав, который пришел из Медвежьей Долины, – разве я не был тебе другом? Когда ты спешил спасти жизнь твою в изгнании, кто первый тебе протянул руку и просил короля вернуть тебя? Вспомни о друге!

С другой стороны старался заглянуть в глаза Гримра викинг Гарольд и говорил, а рукой грозил…

– Эй, слушай, Гримр! Когда враги сожгли усадьбу твою и унесли казну твою, у кого в то время жил ты? Кто с тобой строил новый дом для тебя? Вспомни о друге!

Рядом, как ворон, каркал очень старый Эйрик, прозвищем Красный:

– Гримр! В битве у Полунощной Горы кто держал щит над тобой? Кто вместо тебя принял удар? Вспомни о друге!

– Гримр! Кто спас от врагов жену твою? Вспомни о друге!

– Слушай, Гримр! Кто после несчастного боя при Тюленьем заливе первый пришел к тебе? Вспомни о друге!

– Гримр! Кто не поверил, когда враги тебя оклеветали? Вспомни! Вспомни!

– Гримр, ты сказал неразумное слово! Ты, уже седой и старый, много видал в жизни! Горько слышать, как забыл ты о друзьях, верных тебе даже во времена твоего горя и несчастий.

Гримр тогда встал и так начал:

– Хочу я сказать вам. Помню я все, что вы сделали мне; в этом свидетелями называю богов. Я люблю вас, но теперь вспомнилась мне одна моя очень старинная дума, и я сказал невозможное слово. Вы товарищи мои, вы друзья в несчастьях моих, и за это я благодарю вас. Но скажу правду: в счастье не было у меня друзей. Не было их и, вообще, их на земле не бывает. Я был очень редко счастливым; даже нетрудно вспомнить, при каких делах.

Был я счастлив после битв с датчанами, когда у Лебединого мыса мы потопили сто датских ладей. Громко трубили рога; все мои дружинники запели священную песню и понесли меня на щите. Я был счастлив. И мне говорили все приятные слова, но сердца друзей молчали.

У меня не было друзей в счастье.

Был я счастлив, когда король позвал меня на охоту. Я убил двенадцать медведей и спас короля, когда лось хотел бодать его. Тогда король поцеловал меня и назвал меня лучшим мужем. Все мне говорили приятное, но не было приятно на сердце друзей.

Я не знаю в счастье друзей.

Ингерду, дочь Минга, все называли самой лучшей девою. Из-за нее бывали поединки, и от них умерло немало людей. А я женой привел ее в дом мой. Меня величали, и мне было хорошо, но слова друзей шли не от сердца.

Не верю, есть ли в счастье друзья.

В Гуле на вече Один послал мне полезное слово. Я сказал это слово народу, и меня считали спасителем, но и тут молчали сердца моих друзей.

При счастье никогда не бывает друзей.

Я не помню матери, а жена моя была в живых недолго. Не знаю, были ли они такими друзьями. Один раз мне пришлось увидать такое. Женщина кормила бледного и бедного ребенка, а рядом сидел другой – здоровый, и ему тоже хотелось поесть. Я спросил женщину, почему она не обращает внимания на здорового ребенка, который был к тому же и пригож. Женщина мне ответила: «Я люблю обоих, но этот больной и несчастный».

Когда несчастье бывает, я, убогий, держусь за друзей. Но при счастье я стою один, как будто на высокой горе. Человек во время счастья бывает очень высоко, а наши сердца открыты только вниз. В моем несчастье вы, товарищи, жили для себя.

Еще скажу я, что мои слова были невозможными, и в счастье нет друга, иначе он не будет человеком.

Все нашли слова викинга Гримра странными, и многие ему не поверили.

1899

Вождь

Таково предание о Чингиз-хане, вожде Темучине.
Родила Чингиз-хана нелюбимая ханша.
Стал Чингиз-хан немилым сыном отцу.
Отец отослал его в дальнюю вотчину.
Собрал к себе Чингиз других нелюбимых.
Глупо стал жить Чингиз-хан.
Брал оружие и невольниц, выезжал на охоту.
Не давал Чингиз о себе вестей.
Вот будто упился Чингиз кумысом
И побился с друзьями на смертный заклад,
Что никто от него не отстанет!
Тогда сделал стрелку-свистунку Чингиз.
Слугам сказал привести коней.
Конными поехали все его люди.
Начал дело свое Чингиз-хан.
Вот Чингиз выехал в степь,
Подъезжает хан к табунам своим.
Неожиданно пускает свистунку Чингиз.
Пускает в лучшего коня десятиверстного.
А конь для татар – сокровище.
Иные убоялись застрелить коня.
Им отрубили головы.
Опять едет в степь Чингиз-хан.
И вдруг пускает свистунку в ханшу свою.
И не все пустили за ним свои стрелы.
Тем, кто убоялся, сейчас сняли головы.
Начали друзья бояться Чингиза,
Но связал он их всех смертным закладом.
Молодец был Чингиз-хан!
Подъезжает Чингиз к табунам отца.
Пускает свистунку в отцовского коня.
Все друзья пустили стрелы туда же.
Так приготовил к делу друзей,
Испытал Чингиз преданных людей.
Не любили, но стали бояться Чингиза.
Такой он был молодец!
Вдруг большое начал Чингиз.
Он поехал к ставке отца своего
И пустил свистунку в отца.
Все друзья Чингиза пустили стрелы туда же.
Убил старого хана целый народ!
Стал Чингиз ханом над Большой Ордой!
Вот молодец был Чингиз-хан!
Сердились на Чингиза Соседние Дома.
Над молодым Соседние Дома возгордились.

Посылают сердитого гонца:
Отдать им все табуны лучших коней,
Отдать им украшенное оружие,
Отдать им все сокровища ханские!
Поклонился Чингиз-хан гонцу.
Созвал Чингиз своих людей на совет.
Стали шуметь советники;
Требуют: «Идти войной на Соседний Дом».
Отослал Чингиз таких советников.
Сказал: «Нельзя воевать из-за коней» —
И послал все ханам соседним.
Такой был хитрый Чингиз-хан.
Совсем загордились ханы Соседнего Дома.
Требуют: «Прислать им всех ханских жен».
Зашумели советники Чингиз-хана,
Жалели жен ханских и грозили войною.
И опять отослал Чингиз советников.
И отправил Соседнему Дому всех своих жен.
Такой был хитрый Чингиз-хан.
Стали безмерно гордиться ханы Соседнего Дома.
Звали людей Чингизовых трусами,
Обидно поносили они ордынцев Большой Орды,
И, в гордости, убрали ханы стражу с границы.
И забавлялись ханы с новыми женами.
И гонялись ханы на чужих конях.
И злоба росла в Большой Орде.
Вдруг ночью встал Чингиз-хан.
Велит всей орде идти за ним на конях.
Вдруг нападает Чингиз на ханов Соседнего Дома.
Полонил всю их орду.
Отбирает сокровища, и коней, и оружие.
Отбирает назад всех своих жен,
Многих даже нетронутых.
Славили победу Чингиза советники.
И сказал Чингиз старшему сыну Откаю:
«Сумей сделать людей гордыми.
И гордость их сделает глупыми.
И тогда ты возьмешь их».
Славили хана по всей Большой Орде;
Молодец был Чингиз-хан!
Положил Чингиз-хан Орде вечный устав:
«Завидующему о жене – отрубить голову.
Говорящему хулу – отрубить голову.
Отнимающему имущество – отрубить голову.
Убившему мирного – отрубить голову.
Ушедшему к врагам – отрубить голову».
Положил Чингиз каждому наказание.
Скоро имя Чингиза везде возвеличилось.
Боялись Чингиза все князья.

Как никогда богатела Большая Орда.
Завели ордынцы себе много жен.
В шелковые одежды оделись.
Стали сладко есть и пить.
Всегда молодец был Чингиз-хан.
Далеко видит Чингиз-хан.
Приказал друзьям: разорвать шелковую ткань,
Прикинуться больными от сладкой еды.
Пусть народ по-старому пьет молоко.
Пусть носят одежду из кож,
Чтоб Большая Орда не разнежилась.
У нас молодец был Чингиз-хан!
Всегда готова к бою была Большая Орда,
И Чингиз нежданно водил орду в степь.
Покорил все степи Таурменские.
Взял все пустыни Монгкульские.
Покорил весь Китай и Тибет.
Овладел землей от Красного моря до Каспия.
Вот был Чингиз-хан-Темучин!
Попленил Ясов, Обезов и Половцев,
Торков, Косогов, Хозаров,
Аланов, Ятвягов разбил и прогнал.
Тридцать народов, тридцать князей
Обложил Чингиз данью и податью.
Громил землю русскую, угрожал кесарю.
Темучин-Чингиз-хан такой молодец был.

1904

Марфа-Посадница

По Мсте, красивой, стоят городища. На Тверской стороне во Млеве был монастырь. Слышно, в нем скрывалась посадница Марфа. В нем жила четырнадцать лет. В нем и кончилась.

Есть могила Марфы во Млеве. Тайно ее там схоронили. Уложили в цветной кафельный склеп. Прятали от врагов. Так считают. Уже сто лет думают так, и склеп не открыт до сих пор.

Чудеса творятся у могилы Марфы. С разных концов новгородской земли туда идет народ. Со всеми болезнями, со всеми печалями. И помогает Марфа.

Является посадница в черной одежде с белым платком на голове. Во сне является недугующим и посылает на могилу свою. Идут. Молятся. И выздоравливают.

Марфа-заступница! Марфа – помощница всем новгородцам! Лукавым, не исполнившим обещания, Марфа мстит. Насылает печаль еще горшую.

В старую книгу при млевской церкви иереи вписали длинный ряд чудес Марфы. Простодушно вписали вместе с известиями об урожаях, падежах, непогодах.

С Тверской стороны не являются на могилу Марфы. Обаяние ее туда не проходит. К посаднице идут только от новгородских пятин. Идут, почему не знают. Служат молебны. Таинственный атавизм ведет новгородцев ко млевской могиле.

Когда речь идет о национализме искусства, вспоминаю этот путь новгородцев. Мы мало различаем чванный пестрый национализм от мистики атавизма. Пустую оболочку – от внутренних нитей. Мешаются часто последовательности, племенная и родовая.

Уже не смеемся, а только не доверяем перевоплощению. С недоумением подбираем «странные» случаи. Иногда страшимся их. Уже не бросаем их в кучу, огулом. То, что четверть века назад было только смешно, теперь наполняется особым значением.

Новые границы проводятся в искусстве. Пестрый маскарад зипуна и мурмолки далеко отделяет от красот старины в верном их смысле. Привязные бороды остаются на крюках балагана.

Перед истинным знанием отпадут грубые предрассудки. Новые глубины откроются для искусства и знания. Именно атавизм подскажет, как нужно любить то, что прекрасно для всех и всегда. Чарами атавизма открывается нам лучшее из прошлого.

Заплаты бедности, нашивки шутовские нужно суметь снять. Надо суметь открыть в полном виде трогательный облик человеческих душ. Эти образы смутно являются во сне, – вехи этих путей наяву трудно открыть.

Время строить сущность земли. Под землю не спрятать того, что нужно народу. Незнаемый никем склеп Новгород помнит. Славит хозяйку. Тайком служит молебен.

Марфа, сильная духом, нам помоги.

1906

Старинный совет

В одной старинной итальянской рукописи – кажется, пятнадцатого столетия – начальные страницы и все украшения книги были вырваны благородною рукою любителя библиотек, – простодушно рассказывается о том, как пришел ученик к учителю-живописцу Сано ди Пиетро за советом о своей картине.

Учитель трудился над спешной работой и не мог прийти на зов ученика, начавшего самостоятельно картину «Поклонение волхвов» для небольшой сельской церкви Сиенского округа.

Учитель сказал:

– Мой милый, я дал слово настоятелю Монтефалько не покидать своего дома, пока не закончу заказанное им «Коронование Пресвятой Девы». Но скажи, в чем сомнения твои. Я боюсь, не слишком ли долго проработал ты у меня, – что теряешься теперь перед своей работой.

– Почтенный учитель, – сказал ученик, – картина моя сложна, и трудно мне сочетать отдельные части ее. Как лучше писать темную оливковую рощу на красноватом утесе вдали. Видны ли там стволы деревьев и насколько отчетлив рисунок листвы?

– Мой милый, пиши так, как нужно тебе.

– Плащ Богородицы полон золотого рисунка. Лучше ли перебить его мелкими складками или навести рисунок в больших плоскостях?

– Сделай его так, как нужно тебе.

– Почтенный учитель, ты слишком занят превосходной работой своей, я лучше помолчу до времени ближайшего отдыха.

– Мой милый, я не думаю отдыхать скоро, а тебе нельзя терять время, если в картине твоей так много неоконченного. Я все слышу и отвечаю тебе, хотя и с некоторым удивлением.

– Головы воинов, сопровождающих царей, многочисленны; найти ли для них общую линию или дать каждую голову и из частей получить абрис толпы?

– Просто так, как тебе нужно.

– Я сделал кусты на дальних полях и полосами струи реки, но захотелось дать их отчетливо, как только иногда видит свежий глаз. Захотелось в воде увидеть волны, и челнок на них, и даже весло в руках гребца. Но ведь это вдали?

– Нет ничего проще: сделай так, как нужно.

– Учитель, мне делается страшно. Может быть, все-таки скажешь мне, стоит ли короны царей сделать выпуклыми или только для венцов оставить накладное золото?

– Положи золото там, где нужно.

– Мне приходит в голову мысль, не сделать ли на ягнятах волокна шерсти. Положим, они почти не видны, но вспомни, какие шелковистые, мягкие пряди лежат на ягнятах, так и хочется сделать их тонкой кистью, но в общей картине они почти не видны.

– Делай их так, как нужно.

– Учитель, я не вижу в ответах твоих совета моему делу. Я знаю, что все должно быть так, как нужно, но как нужно – затемнилось у меня сейчас.

– Скажи, ставил ли тебе какие-нибудь условия работы отец Джиованни?

– Кроме срока, никаких условий. Он сказал: «Бенвенуто, напиши хорошее изображение «Поклонение трех волхвов Пресвятому Младенцу», и я заплачу тебе десять дукатов из монастырских сумм». Потом назначил срок работы и размеры доски. Но во время работы являлись мне разные мысли от желания сделать лучшее изображение. И к тебе, учитель, по-прежнему обратился я с добрым советом. Скажи, что же значит «как нужно»?

– Как нужно – значит все должно быть так, как хорошо.

– Но как же так, как хорошо?

– Несчастный непонятливый Бенвенуто, о чем мы всегда с тобой говорили? Какое слово часто повторял я тебе? Так, как хорошо, может значить лишь одно – так, как красиво.

– А красиво?

– Бенвенуто, выйди за двери и иди к сапожнику Габакуку и скажи: возьми меня мять кожи, я не знаю, что такое «красиво». А ко мне не ходи и лучше не трогай работы своей.

После этой истории в рукописи идет сообщение о рецептах варки оливкового масла и об употреблении косточек оливы. Затем еще рассказ о пизанском гражданине Чирилли Кода, погребенном заживо. Но два последних рассказа для нас интереса не представляют.

1906

Великий Ключарь

Вот почему ночью летают светлые мушки.

Грешные души от земли хотели подняться. Хотели найти ворота райские и воззвали души к великому ключарю, апостолу:

– Отец ключарь! Хотим идти к воротам твоим! Темно нам, пути не найти!

Ответил сверху апостол:

– Вижу вас, жалкие! Вижу вас, темные! Вот стою я. Светлы ворота мои, это вы, темные, идете во мраке.

Плакались души внизу:

– Отец ключарь! Петр-апостол! Света нет у нас. Темны пути наши. Дай нам светочи, с ними увидим тебя. Пустынно в полях и холодные камни.

– Неразумные! Чего к земле приникаете? Оставьте пути темные. Идите путями верхними.

– Света, света дай нам. Хоть одну искру дай нам. Темно, и не знаем мы, где идти нам наверх.

И сказал последнее апостол:

– Малые, малейшие, не знаете, что затемнило путь ваш. Дам вам светочи; светите себе, но нет темной дороги в светлые страны. Просите светоча, но светоч не есть свет.

Так дал великий ключарь светочи грешным душам, и ночью видят их даже люди.

И летают быстро, идут в ворота Рая грешные души. И летают вечно, и есть у них светочи.

Лют-великан

На роге Крикуне под красным бором,
На озере жил Лют-великан,
Очень сильный, очень большой, только
добрый.
Лютый зверье гонял,
Борода у Люта —
На семь концов.
Шапка на Люте —
Во сто песцов.
Кафтан на Люте —
Серых волков.
Топор у Люта —
Красный кремень.
Копье у Люта —
Белый кремень.
Стрелы у Люта черные,
Приворотливые.
Лютовы братаны за озером жили.
На горе-городке избу срубили.
С Крикуна-рога братанам кричал,
Перешептывал.
Брату за озеро топор подавал.
Перекидывал.
С братом за озером охотой
Ходил;
С братом на озере невод
Тащил;
С братом за озером пиво
Варил;
Смолы курил, огонь добывал,
Костры раздувал, с сестрою гулял,
Ходил в гости за озеро.
Шагнул, да не ладно —
Стал тонуть:
Завяз великан Лют
По пояс.
Плохо пришлось.
Собака скакнула за ним —
Потонула.
Некому братанов посетить.
Не видать никого и на день ходьбы.
Озеро плескает.
Ветер шумит.
Осокою сама смерть идет.
Заглянул великан под облако.

Летит нырь.
Крикнул великан:
«Видишь до воды?» —
«Вижу-у», – ответ дает.
«Скажи братанам:
«Тону-у, тону-у!» Летит нырь далеко.
Кличет нырь звонко:
«Тону-у, тону-у!»
Не знает нырь,
Что кричит про беду.
Не беда нырю на озере.
Озеро доброе.
Худо нырю от лесов,
От полей.
Братаны гогочут,
Ныря не слышат.
Лося в трясине загнали.
Пришли братаны,
А Лют утонул.
Сложили могилу длинную,
А для собаки круглую.
Извелась с тоски Лютова сестра
За озером.
Покидали великаны горшки
В озеро.
Схоронили топоры под кореньями.
Бросили жить великаны в нашем
Краю.
Живет нырь на озере
Издавна.
Птица глупая. Птица
Вещая.
Перепутал нырь клики
Великановы.
На вёдро кричит:
«Тону-у, тону-у!»
Будто тонет, хлопает
Крыльями.
Под ненастье гогочет:
«Го-го, Го-го».
Над водою летит, кричит:
«Вижу-у!»
Знает народ Люто-озеро,
Знает могилы длинные,
Длинные могилы великановы.
А длина могилам – тридцать саженей.
Помнят великанов плесы озерные.
Знают великанов пенья дубовые.
Великаны снесли камни на могилы.

Как ушли великаны, помнит народ.
Повелось исстари так,
Говорю: было так.

Девассари Абунту

Так поют про Девассари Абунту.

Знала Абунту, что сказал Будда про женщин Ананде, и уходила она от мужей, а тем самым и от жен, ибо где мужи, там и жены. И ходила Абунту по долинам Рамны и Сокки и в темноте только приходила в храм. И даже жрецы мало видели и знали ее. Так не искушала Абунту слов Будды.

И вот сделалось землетрясение. Все люди побежали, а жрецы наговорили, что боги разгневались. И запрятались все в погребах и пещерах, и стало землетрясение еще сильнее, и все были задавлены. И правда, удары в земле были ужасны. Горы тряслись. Стены построек сыпались и даже самые крепкие развалились. Деревья поломались, и, чего больше, реки побежали по новым местам.

Одна только Девассари Абунту осталась в доме и не боялась того, что должно быть. Она знала, что вечному Богу гнев недоступен, и все должно быть так, как оно есть. И осталась Девассари Абунту на пустом месте, без людей.

Люди не пришли больше в те места. Звери не все вернулись. Одни птицы прилетели к старым гнездам. Научилась понимать птиц Девассари Абунту. И ушла она в тех же нарядах, как вышла в долину, без времени, не зная места, где живет она. Утром к старому храму собирались к ней птицы и говорили ей разное: про умерших людей, части которых носились в воздухе. И знала Абунту многое занимательное, завершенное смертью, незнаемое людьми.

Если солнце светило очень жарко, летали над Девассари белые павы, и хвосты их сверкали, и бросали тень, и трепетаньем нагоняли прохладу. Страшные другим, грифы и целебесы ночью сидели вокруг спящей и хранили ее. Золотые фазаны несли лесные плоды и вкусные корни. Только не знаем, а служили Абунту и другие птицы – все птицы.

И Девассари Абунту не нуждалась в людях. Все было ей вместо людей: и птицы, и камни, и травы, и все части жизни. Одна она не была. И вот слушайте изумительное: Абунту не изменилась телом, и нрав ее оставался все тот же. В ней гнева не было; она жила и не разрушалась.

Только утром рано прилетели к Девассари лучшие птицы и сказали ей, что уже довольно жила она и время теперь умереть. И пошла Абунту искать камень смерти. И вот приходит в пустыню, и лежат на ней многие камни, темные. И ходила между ними Абунту, и просила их принять ее тело. И поклонилась до земли. И так осталась в поклоне, и сделалась камнем.

Стоит в пустыне черный камень, полный синего огня. И никто не знает про Девассари Абунту.

Лакшми-победительница

На восток от горы Зент-Лхамо, в светлом саду живет благая Лакшми, богиня Счастья. В вечной работе она украшает свои семь покрывал успокоения – это знают все люди. Все они чтут богиню Лакшми.

Боятся все люди сестру ее Сиву Тандаву, богиню Разрушения. Она злая, и страшная, и гибельная.

Но вот идет из-за гор Сива Тандава. Злая пожаловала прямо к жилищу Лакшми. Тихо подошла злая богиня и, усмирив голос свой, позвала Лакшми.

Отложила благая Лакшми свои драгоценные покрывала и пошла на зов. А за нею идут светлые девушки с полными грудями и круглыми бедрами.

Идет Лакшми, открыв тело свое. Глаза у нее очень большие. Волосы очень темные. Запястья на Лакшми золотые. Ожерелье – из жемчуга. Ногти янтарного цвета. Вокруг грудей и плечей, а также на чреве и вниз до ступней разлиты ароматы из особенных трав.

Лакшми и ее девушки были так чисто умыты, как после грозы изваяния храма Абенты.

Все доброе ужаснулось при виде злой Сивы Тандавы. Так ужасна была она даже в смиренном виде своем. Из песьей пасти торчали клыки. Тело было так красно и так бесстыдно обросло волосами, что непристойно было смотреть.

Даже запястья из горячих рубинов не могли украсить Сиву Тандаву; ох, даже думают, что она была и мужчиной.

Злая сказала:

– Слава тебе, Лакшми, добрая, родня моя! Много ты натворила счастья и благоденствия. Даже слишком много прилежно ты наработала. Ты настроила города и башни. Ты украсила золотом храмы. Ты расцветила землю садами. Ты – любящая красоту!

Ты сделала богатых и дающих. Ты сделала бедных, но получающих и тому радующихся. Ты устроила мирную торговлю. Ты устроила между людьми все добрые связи. Ты придумала радостные людям отличия. Ты наполнила души людей приятным сознанием и гордостью. Ты – щедрая.

Девушки твои мягки и сладки. Юноши – крепки и стремительны. Радостно люди творят себе подобных. Забывают люди о разрушении. Ошва тебе!

Спокойно глядишь ты на людские шествия, и мало что осталось делать тебе. Боюсь, без труда и заботы утучнеет тело твое, и на нем умрут драгоценные жемчуга. Покроется жиром лицо твое, а прекрасные глаза твои станут коровьими.

Забудут тогда люди принести приятные тебе жертвы. И не найдешь больше для себя отличных работниц. И смешаются все священные узоры твои.

Вот я о тебе озаботилась, Лакшми, родня моя! Я придумала тебе дело. Мы ведь с тобой близки, и тягостно мне долгое разрушенье временем. А ну-ка, давай разрушим все людское строение. Давай разобьем все людские радости. Изгоним все накопленные людьми устройства.

Разорви твои семь покрывал успокоения, и возрадуюсь я и сразу сотворю все дела мои. И ты возгордишься потом, полная заботы и дела, и вновь спрядешь еще лучшие свои покрывала.

Опять с благодарностью примут люди все дары твои. Ты придумаешь для людей столько новых забот и маленьких умыслов, что даже самый глупый почувствует себя умным и значительным. Уже вижу радостные слезы людей, тебе принесенные…

Подумай, Лакшми, родня моя! Мысли мои очень полезны тебе, и мне, сестре твоей, они радостны!

Очень хитрая Сива Тандава! Только подумайте, что за выдумки пришли в ее голову.

Но Лакшми рукой отвергла злобную выдумку Сивы Тандавы. Тогда опять приступила злая богиня, уже потрясая руками и клыками лязгая.

Все предложения Сивы Тандавы отвергла Лакшми и сказала:

– Не разорву для твоей радости и для горя людей мои покрывала. Тонкою пряжею успокою людской род. Соберу от всех знатных очагов отличных работниц. Вышью на покрывала новые знаки, самые красивые, самые богатые, самые заклятые. И в этих знаках, в образах лучших животных и птиц, пошлю к очагам людей добрые мои заклятия.

Так решила Лакшми. Из светлого сада ушла Сива Тандава ни с чем. Радуйтесь, люди!

Безумствуя, ждет теперь Сива Тандава долгого разрушения временем. В безмерном гневе иногда потрясает она землю, и тогда погибают толпы народов. Но успевает всегда Лакшми набросить свои покрывала покоя, и на телах погибших опять собираются люди. Сходятся в маленьких, торжественных шествиях.

Добрая Лакшми украшает свои покрывала новыми священными знаками.

Знамения

Из темной кладовки вышел черный человек и прошел на дворовую лестницу. Шел быстро, точно скрывался. Шел какими-то неслышными шагами.

Как он зашел в кладовку? Зачем там был? Куда ушел? Почему шел неслышно?

Не узнать. Не придумать.

В людской зазвонил комнатный звонок. Звонил долго и сильно. А никто не звонил; никто никого не звал.

Почему звонок сам звонил? Никак не узнать.

В комнате тетушки Анны Ивановны завертелась дверная ручка. Завертелась сильно. Несколько раз перевернулась. А никто до нее не дотронулся.

Зачем ручка крутилась, что это значит?

Странно и непонятно.

В столовой в один день прошли семь мышей.

Никогда такого не бывало, а тут сразу семь.

Откуда пришли? Зачем вылезли? Непонятно, но неспроста.

Кухарка вечером вернулась домой в большом страхе. Туман стоял. Шла она по Длинному переулку, а навстречу ей идет белая лошадь. Идет из тумана одна, без человека. Идет, тихо ступает. Шума никакого не слышно. Так и прошла. Ушла в туман.

Откуда – неведомо. Куда – неизвестно. Страшно вспомнить.

Поздно вечером случилось самое страшное: лопнула картина на доске. Висела, висела себе тихо и вдруг с большим треском лопнула прямо через лицо святого Иеронима.

Почему именно вечером лопнула? Это уже совсем плохо.

Весь канун сочельника наполнился непонятными и странными делами. Не только нам, но и прислуге, и всем большим стало ясно, что случится страшное что-то. Даже тетушка Анна Ивановна сказала:

– Не к добру!

В буфетной горничная Даша шептала Анисье Петровне, экономке:

– Дурной шалит! Дай-ка позову доброго – тот мигом все утишит.

Но Анисья Петровна предупредила:

– Не зови! Не поминай! Позвать-то легко, а поди потом убери его. Так-то, бывало, позовешь, придет легко, по первому голосу, а потом уйти не уходит. На уход надо знать тоже крепкое слово.

Кто он, дурной? Кто он, добрый? Почему кто-то пришедший не уйдет?

Все это было особенно; все это было чудесно.

Говорили мы тихо. Шептали все новые догадки. Новые причины придумывали. Одна другой несбыточней, одна другой красивей.

Все ужасающие возможности были сказаны. Новый звонок, стук или голос наполняли нас трепетом жутким и небывалым.

Садились мы близко друг к другу. Верили, любили и трепетали.

А в постелях, пока не уснули, стало и совсем страшно. И двери в темную комнату стали как-то приотворяться. И пол скрипел под невидимым шагом. И прохладным вихрем тянуло откуда-то. У порога стояло настоящее.

Утром все побледнело. А дядя Миша пришел и стер огневое вечернее слово. Все объяснилось.

Черный человек оказался новым слесарем и ходил неслышно в калошах. Оказалось, кот улегся на кнопку звонка. В дверной ручке испортилась старая пружина. Белая лошадь ушла с каретного двора, и ее скоро поймали. А мыши пришли снизу после отъезда кондитера.

За трещину в картине дядя Миша очень сердился и говорил, что уже три года просил на паркет переложить картину, иначе она должна была расколоться. За небрежность к картине дядя Миша даже нашумел.

От страхов ничего не осталось. Не пришли ни дурной, ни добрый. Все стало обычным, и мирным, и скучным.

После того у нас никогда ничего не бывало. Даже сны прекратились. Знаков особенных нет ни на чем.

Знамений ждем! Знамений просим!

Замки печали

Идете по замку. Высокая зала. Длинные отсветы окон. Темные скамьи. Кресла.

Здесь судили и осуждали.

Еще зала, большая. Камин в величину быка. Колонны резные из дуба.

Здесь собирались. Решались судить.

Длинные переходы. Низкие дверки в железных заплатах. Высокий порог.

Здесь вели заподозренных.

Комната в одно окно. Посередине столб. На столбе железные кольца и темные знаки.

Здесь пытали огнем.

Высокая башня. Узкие окна. Узкая дверка. Своды.

Здесь смотрели врага.

Помещение для караула. Две старые пушки. Горка ядер. Пять алебард. Ободок барабана.

Сюда драбанты кого-то тащили убить.

Ступеньки вниз. На колоннах своды. У пола железные кольца.

Здесь были осужденные.

Подвал. Перекладина в своде. Дверка на озеро. Большой плоский камень.

Последняя постель обреченных.

Двор у ворот. Камни в стенах. Камни на мостовой. В середине столб с кольцом.

Кольцо для шеи презренного.

Молельня. Темный, резной хор. Покорные звери на ручках кресел.

Здесь молились перед допросом.

Тесная ниша. Длинное окошко в залу совета. Невидимое око, тайное ухо.

Здесь узнавали врагов.

Исповедальня. Черный дуб. Красная с золотом тафтяная завеса.

Через нее о грехе говорили.

Малая комната. Две ступени к окну. Окно на озеро. Темный дорожный ларец. Ларец графини.

Около него не слышно слова печали.

Не в нем ли остались искры радости или усмешка веселья?

Или и в нем везли горе?

Все, что не говорит о печали, слезы выели из серого замка.

Проходила ли радость по замку?

Были в нем веселые трубы. Было твердое слово чести. Было познание брака.

Все это унесло время.

Долго стоят по вершинам пустые серые замки.

И время хранит их смысл.

Что оставит время от наших дней? Проникнуть не можем. Не знаем.

Если бы знали, может быть, убоялись.

Сон

Перед войной сны были:

Едем полем. За бугром тучи встают. Гроза. Сквозь тучу стремглав молнией в землю уперся огненный змей. Многоглавый.

Или: Едем серою равниною. Холм высокий темнеет. Смотрим, не холм, а змей серый клубком завился.

Еще задолго были заклятия. Заклинали землей и водой лихих. Заклинали кривду. Заклинали и зверем и птицею. Заклинали землей и водой. Не помогло. Выползли гады.

Потом были знамения. Не усмотрели их. Не поверили. Не додумались. Толпой топтали.

И проснулся змей. Поднялся враг рода человеческого. Пытался злословно мир покорить. Города порушить. Осквернить храмы. Испепелить людей и строения. Поднялся себе на смерть.

Были заклятия. Были знамения. Остались сны. Сны, которые сбываются. Лег ночь переспать.

Думал: увижу волхвов великих. Хотел посмотреть, что у них в тороках увязано. Какою они едут дорогою. Чтобы показали куда и откуда.

Но не показали волхвы. Верно, рано еще. Не выехали.

Показались двое других.

Один – средовек, в старой синей рубахе. В кафтане темном, тоже ветхом. Волосы длинноватые. В деснице – три кочерги. Держит их концами вверх. Замечайте – вверх!

Прокопий праведный – тот, что увел тучу каменную от Устюга Великого. Тот, что за неведомых молился.

А другой – белый и старый, с мечом и со градом.

Конечно, Никола-святитель!

Вместо волхвов со звездою эти пришли.

Прокопий говорит:

«Не удаляйтесь Земли. Земля красная злом раскаленная. Но жар зла питает корни Древа, а на нем свивает Добро преблагое гнездо свое. Принимайте труд на Земле. Восходите к океану небесному, нам темному.

Берегите благое Древо: на нем Добро живет. Земля есть источник горя, но из горя вырастают радости. Высший всех знает время радостей ваших.

Не удаляйтесь Земли. Посидим, о дальних странствующих подумаем».

Другой, седоватый, меч поднял: а к нему люди продвинулись. Много их выступило:

«Никола милостивый! Ты – чудотворец! Ты – могучий! Ты – святитель! Ты – воинствующий!

Ты – сердца побеждающий! Ты – водитель мыслей истинных! Силы земные ты знающий!

Ты – меч хранящий! Ты – городам заступник! Ты – правду зрящий! Слышишь, владыко, моления?

Злые силы на нас ополчились. Защити, владыко, пречистый град! Пречистый град – врагам озлобление!

Прими, владыко, прекрасный град! Подвигай, отче, священный меч! Подвигни, отче, все воинство!

Чудотворец! Яви грозный лик! Укрой грады святым мечом! Ты можешь! Тебе сила дана!

Мы стоим без страха и трепета».

Царица Небесная
(Стенопись Храма Св. Духа в Талашкине)

Высоко проходит небесный путь. Протекает река жизни опасная. Берегами каменистыми гибнут путники неумелые, не знающие различить, где добро, где зло.

Милосердная Владычица Небесная о путниках темных возмыслила. Всеблагая на трудных путях на помощь идет. Ясным покровом хочет покрыть людское все горе, греховное.

Из светлого града. Из красной всех ангельских сил обители Преблагая воздымается. К берегу реки жизни Всесвятая приближается. Собирает святых кормчих Владычица, за людской род возносит моленья.

Трудам Царицы ангелы изумляются. Из твердыни потрясенные сонмы подымаются. Красные, прекрасные силы в подвиге великом утверждаются. Трубным гласом Владычице славу поют. Из-за твердых стен поднялись Архангелы. Херувимы, серафимы окружают Богородицу. Власти, Престолы, Господствия толпами устремляются. Приблизились начала, тайну образующие.

Духу Святому, Господу Великому передаст Владычица моленья. О малых путников вразумлении, о Божьих путей посещении, о спасении, заступлении, всепрощении. Подай, Господи, Великий Дух.

Подымается к тебе мольба великая. Богородицы моление пречистое. Вознесем Заступнице благодарение. Возвеличим и мы Матерь Господа: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь».

Миф Атлантиды

Атлантида – зеркало солнца. Не знали прекрасней страны. Вавилон и Египет дивились богатству атлантов. В городах Атлантиды, крепких зеленым нефритом и черным базальтом, светились, как жар, палаты и храмы. Владыки, жрецы и мужи, в золототканых одеждах, сверкали в драгоценных камнях. Светлые ткани, браслеты, и кольца, и серьги, и ожерелья жен украшали, но лучше камней были лица открытые.

Чужестранцы плыли к атлантам. Мудрость их охотно все славили. Преклонялись перед владыкой страны.

Но случилось предсказание оракула. Священный корабль атлантам привез великое вещее слово:

– Встанут волны горою. Море покроет страну Атлантиду. За отвергнутую любовь море отомстит.

С того дня не отвергали любовь в Атлантиде. С любовью и лаской встречали плывущих. Радостно улыбались друг другу атланты. И улыбка владыки отражалась в драгоценных, блестящих стенах дворцовых палат. И рука тянулась навстречу с приветом, и слезы в народе сменялись тихой улыбкой. И забывал народ власть ненавидеть. И власть забывала кованый меч и доспех.

Но мальчик, сын владыки, особенно всех удивлял. Само солнце, сами боги моря, казалось, послали его на спасенье великой страны.

Вот он был добр! И приветлив! И заботлив о всех! Были братья ему великий и малый. Для каждого жило в нем доброе слово. Про каждого помнил он его лучший поступок. Ни одной ошибки он точно не помнил. Гнев и грубость увидеть он точно не мог. И перед ним укрывалось все злое, и недавним злодеям хотелось стать навсегда добрыми, так же как он.

За ним шел толпой народ. Взгляд его всюду встречал лишь лица, полные радости, ждущие улыбку его и доброе, мудрое слово. Вот уж был мальчик! И когда почил в этой жизни владыка-отец и отрок, туманный тихой грустью, вышел к народу, все, как безумцы, забыли про смерть и гимн хвалебный запели владыке желанному. И ярче цвела Атлантида. А египтяне назвали ее страной любви.

Долгие тихие годы правил светлый владыка. И лучи его счастья светили народу. Вместо храма народ стремился к владыке. Пел: «Он нас любит. Без него мы – ничто. Он – наш луч, наше солнце, наше тепло, наши глаза, наша улыбка. Слава тебе, наш любимый!» В трепете восторга народа дошел владыка до последнего дня. И начался день последний, и бессильный лежал владыка, и закрылись глаза его.

Как один человек встали атланты, и морем сплошным залили толпы ступени палат. Отнесли врачей и постельничих. К смертному ложу приникли и, плача, вопили: «Владыко, взгляни! Подари нам хоть взгляд твой. Мы пришли тебя отстоять. Пусть наше, атлантов, желанье тебя укрепит. Посмотри – вся Атлантида собралась к дворцу твоему. Тесной стеной мы встали от дворца и до моря, от дворца до утесов. Мы, желанный, пришли тебя удержать. Мы не дадим тебя увести, всех нас покинуть. Мы все, вся страна, все мужи, и жены, и дети. Владыко, взгляни!»

Рукой поманил владыка жреца и хотел сказать последнюю волю, и всех просил выйти хоть на короткое время.

Но атланты остались. Сплотились, в ступени постели вросли. Застыли и немы и глухи. Не ушли.

Тогда приподнялся на ложе владыка и, обратя к народу свой взгляд, просил оставить его одного и позволить ему сказать жрецу последнюю волю. Владыка просил. И еще раз напрасно владыка просил. И еще раз они были глухи. Они не ушли. И вот случилось тогда.

Поднялся владыка на ложе и рукой хотел всех отодвинуть. Но молчала толпа и ловила взгляд любимый владыки.

Тогда владыка сказал:

– Вы не ушли? Вы не хотите уйти? Вы еще здесь? Сейчас я узнал. Ну, я скажу. Скажу одно слово мое. Я вас ненавижу. Отвергаю вашу любовь. Вы отняли все от меня. Вы взяли смех детства. Вы ликовали, когда ради вас остался я одиноким. Тишину зрелых лет вы наполнили шумом и криком. Вы презрели смертное ложе…

Ваше счастье и вашу боль только я знал. Лишь ваши речи ветер мне доносил. Вы отняли солнце мое! Солнца я не видал; только тени ваши я видел. Дали, синие дали! К ним вы меня не пустили… Мне не вернуться к священной зелени леса… По травам душистым уже не ходить… На горный хребет мне уже не подняться… Излучины рек и зеленых лугов уже мне не видеть… По волнам уже не носиться… Глазом уже не лететь за кречетом быстрым… В звезды уже не глядеться… Вы победили… Голоса ночные слышать я больше не мог… Веления Бога стали мне уже недоступны… А я ведь мог их узнать… Я мог почуять свет, солнце и волю… Вы победили… Вы все от меня заслонили… Вы отняли все от меня… Я вас ненавижу… Вашу любовь я отверг…

Упал владыка на ложе. И встало море высокой стеной и скрыло страну Атлантиду.

Страхи

Стояли дубы. Краснели рудовые сосны. Под ними в заросших буграх тлели старые кости. Желтели, блестели цветы. В овраге зеленела трава. Закатилось солнце.

На поляну вышел журавль и прогорланил:

– Берегись, берегись! – И ушел за опушку. Наверху зашумел ворон:

– Конец, конец.

Дрозд на осине орал:

– Страшно, страшно.

И иволга просвистела:

– Бедный, бедный.

Высунулся с вершинки скворец, пожалел:

– Пропал хороший, пропал хороший.

И дятел подтвердил:

– Пусть, пусть.

Сорока трещала:

– А пойти рассказать, пойти рассказать.

Даже снегирь пропищал:

– Плохо, плохо.

И все это было. С земли, с деревьев и с неба свистели, трещали, шипели.

А у Дивьего Камня за Медвежьим оврагом неведомый старик поселился. Сидел старик и ловил птиц ловушками хитрыми. И учил птиц большими трудами каждую одному слову.

Посылал неведомый старик птиц по лесу, каждую со своим словом. И бледнели путники, и робели, услыхав страшные птичьи слова.

А старик улыбался. И шел старик лесом, ходил к реке, ходил на травяные полянки. Слушал старик птиц и не боялся их слов.

Только он один знал, что они ничего другого не знают и сказать не умеют.

Клады

– От Красной Пожни пойдешь на зимний восход, будет тебе могилка-бугор. От бугра на левую руку иди до Ржавого ручья, а по ручью до серого камня. На камне конский след стесан. Как камень минуешь, так и иди до малой мшаги, а туда пять стволов золота Литвой опущено.

В Лосином бору, на просеке, сосна рогатая не рублена. Оставлена неспроста. На сосне зарубки. От зарубок ступай прямиком через моховое болото. За болотом будет каменистое место, а два камня будут больше других. Стань промеж них в середину и отсчитай на весенний закат сорок шагов. Там золота бочонок схоронен еще при Грозном царе.

Или еще лучше. На Пересне от Князьего Броду иди на весенний закат. А пройдя три сотни шагов, оберни в полгруди да иди тридцать шагов вправо. А будет тут ров старый, а за рвом пневое дерево, и тут клад положен большой. Золотые крестовики и всякий золотой снаряд, и положен клад в татарское разорение.

Тоже хороший клад. На Городище церковь, за нею старое кладбище. Среди могил курганчик. Под ним, говорят, старый ход под землею, и ведет ход в пещерку, а в ней богатства большие. И на этот клад запись в Софийском соборе положена, и владыка новгородский раз в год дает читать ее пришлым людям.

Самое трудное скажу. Этот клад хоронен со смертным зароком. Коли сумеешь обойти, коли противу страхов пойдешь – твое счастье.

За Великой Гривой в Червонный ключ опущено разбойными людьми много золота; плитой закрыто, и вода спущена. Коли сумеешь воду от земли отвести да успеешь плиту отковать – твое счастье большое.

Много кладов везде захоронено. Говорю – не болтаю. Дедами еще положены верные записи.

Намедни чинился у меня важный человек. Он говорил, а я услыхал.

– В подземной Руси, – сказал, – много добра схоронено. Русь берегите.

Сановитый был человек.

Про всякого человека клад захоронен. Только надо уметь клады брать. Неверному человеку клад не дастся. Пьяному клад не взять. Со скоромными мыслями к кладу не приступай. Клад себе цену знает. Не подумай испортить клад. Клады жалеть надо. Хоронили клады не с глупым словом, а с молитвой либо с заклятием.

А пойдешь клад брать, иди смирно. Зря не болтай. На людях не гуляй. Свою думу думай. Будут тебе страхи, а ты страхов не бойся. Покажется что, а ты не заглядывайся. Криков не слушай. Иди себе бережно, не оступайся, потому брать клад – великое дело.

Над кладом работай быстро. Не оглядывайся, а пуще всего не отдыхай. Коли захочешь голос показать, пой тропарь богородичный. Никаких товарищей для кладов никогда себе не бери.

А на счастье возьмешь клад – никому про него не болтай. Никак не докажи клад людям сразу. Глаз людской тяжелый, клад от людей отвык – иначе опять в землю уйдет. И самому тебе не достанется, и другому его уж труднее взять. Много кладов сами люди попортили, по своему безобразию.

– А где же твой клад, кузнец? Отчего ты свой клад не взял?

– И про меня клад схоронен. Сам знаю, когда за кладом пойду.

Больше о кладах ничего не сказал черный кузнец.

Города пустынные

Мир пишется, как ветхий муж,
Повинны человеки устремлением.
Устремлением возрастают помыслы.
Помысел породил желание.
Желание подвигло веление.
Здание человеческое устремлениями
сотрясается.
Не бойся, древний муж!
Радость и печаль – как река.
Волны преходят омывающие.

Возвеселился царь:

– Моя земля велика. Мои леса крепки. Мои реки полны. Мои горы ценны. Мой народ весел. Красива жена моя.

Возвеселилась царица:

– Много у нас лесов и полей. Много у нас певчих птиц. Много у нас цветочных трав.

Вошел в палату ветхий муж. Пришлый человек. Царю и царице поклон дал. Сел в утомлении. Царь спросил:

– Чего устал, ветхий? Видно, долго шел в странствии?

Воспечалился ветхий муж:

– Земля твоя велика. Крепки леса твои. Полны реки твои. Горы твои непроходны. В странствии едва не погиб. И не мог дойти до града, где нашел бы покой. Мало, царь, у тебя городов. Нам, ветхим, любо градское строение. Любы станы надежные. Любы башни зрящие и врата, велению послушные. Мало, царь, у тебя городов. Крепче окружились стенами владыки соседних стран.

Воспечалился царь:

– Мало у меня городов. Мало у меня надежды стенной. Мало башен имею. Мало врат, чтобы вместить весь народ.

Восплакал царь:

– Муж ветхий! Летами мудрый! Научи зарастить городами всю мою землю великую. Как вместить в стены весь народ?

Возвеселился ветхий муж:

– Будут, царь, у тебя города. Вместишь в стены весь народ. За две земли от тебя живет великанский царь. Дай ему плату великую. Принесут тебе великаны от царя индийского городов видимо-невидимо. Принесут со стенами, с вратами и с башнями. Не жалей наградить царя великанского. Дай ему плату великую. Хотя бы просил царицу, жену твою.

Встал и ушел ветхий. Точно его, прохожего, и не было.

Послал царь в землю великанскую просьбу, докуку великую. Засмеялся смехом великанский мохнатый царь. Послал народ свой к царю индийскому своровать города со стенами, вратами и башнями. Взял плату великанский мохнатый царь немалую. Взял гору ценную. Взял реку полную. Взял целый крепкий лес. Взял в придачу царицу, жену царя. Все ему было обещано. Все ему было отписано.

Воспечалилась царица:

– Ой, возьмет меня мохнатый царь! Ой, в угоду странному мужу, ветхому! Ой, закроют весь народ вратами крепкими. Ой, потопчут городами все мои травы цветочные. А закроют

башнями весь надзвездный мир, помогите, мои травы цветочные, – ведомы вам тайны подземные. Ой, несут великаны города индийские, со стенами, вратами и башнями.

Жалобу травы услышали. Закивали цветными макушками. Подняли думу подземную. Пошла под землей дума великая. Думою море воспенилось. Думою леса закачалися. Думою горы нарушились, мелким камнем осыпались. Думою земля наморщилась. Пошло небо морщинкой.

Добежала дума до пустынных песков. Возмутила дума пески свободные. Встали пески валами, перевалами. Встали пески против народа великанского.

Своровали великаны города индийские со стенами, вратами и башнями. Повытряхивали из закуток индийский народ. Поклали города на плечи. Шибко назад пошли. Пошли заслужить плату великую своему мохнатому царю.

Подошли великаны к пустынным пескам. Сгрудились пустынные пески. Поднялись пески темными вихрями. Закрыли пески солнце красное. Залегли пески по поднебесью. Как напали пески на великанский народ.

Налезли пески в пасти широкие. Засыпали пески уши мохнатые. Залили пески глаза великановы. Одолели пески великанский народ. Покидали великаны города в пустынные пески. Еле сами ушли без глаз, без ушей.

Схоронили пески пустынные города индийские. Схоронили со стенами, вратами и башнями. Видят люди города и до наших дней. А кто принес города в пустынные пески, то простому люду неведомо.

Распустились травы цветочные пуще прежнего.

Поняла царица от цветочных трав, что пропали города индийские. И запела царица песню такую веселую. Честным людям на услышание, Спасу на прославление.

Услыхал песню царь, возрадовался ликованием. И смеялся царь несчастью великанскому. И смеялся царь городам индийским, скрытым теперь в пустынных песках. Перестал царь жалеть о чужих городах.

Осталась у царя река полная. Осталась гора ценная. Остался у царя весь крепкий лес. Остались у царя травы цветочные да птицы певчие. Остался у царя весь народ. Осталась царица красивая. Осталась песня веселая.

Возвеселился царь.

Ветхий муж к ним не скоро дойдет.

Граница царства

В Индии было.

Родился у царя сын. Все сильные волшебницы, как знаете, принесли царевичу свои лучшие дары.

Самая добрая волшебница сказала заклятие:

– Не увидит царевич границ своего царства.

Все думали, что предсказано царство, границами безмерное.

Но вырос царевич славным и мудрым, а царство его не увеличилось.

Стал царствовать царевич, но не водил войско отодвинуть соседей.

Когда же хотел он осмотреть границу владений, всякий раз туман покрывал граничные горы.

В волнах облачных устилались новые дали. Клубились облака высокими грядами.

Всякий раз тогда возвращался царь, силой полный, в земных делах мудрый решением.

Вот три ненавистника старые зашептали:

– Мы устрашаемся. Наш царь полон странной силой. У царя нечеловеческий разум. Может быть, течению земных сил этот разум противен. Не должен быть человек выше человеческого.

Мы премудростью отличенные, мы знаем пределы. Мы знаем очарования.

Прекратим волшебные чары. Пусть увидит царь границу свою. Пусть поникнет разум его. И ограничится мудрость его в хороших пределах. Пусть будет он с нами.

Три ненавистника, три старые повели царя на высокую гору. Только перед вечером достигли вершины, и так все трое сказали заклятие. Заклятие о том, как прекратить силу:

– Бог пределов человеческих!

Ты измеряешь ум. Ты наполняешь реку разума земным течением. На черепахе, драконе, змее поплыву. Свое узнаю. На единороге, барсе, слоне поплыву. Свое узнаю. На листе дерева, на листе травы, на цветке лотоса поплыву. Свое узнаю. Ты откроешь мой берег! Ты укажешь ограничение! Каждый знает, и ты знаешь! Никто больше. Ты больше. Чары сними.

Как сказали заклятие ненавистники, так сразу алой цепью загорелись вершины граничных гор.

Отвратили лицо ненавистники. Поклонились.

– Вот, царь, граница твоя.

Но летела уже от богини доброго земного странствия лучшая из волшебниц.

Не успел царь взглянуть, как над вершинами воздвигся нежданный пурпуровый град, за ним устлалась туманом еще невиданная земля.

Полетело над градом огневое воинство. Заиграли знаки самые премудрые.

– Не вижу границы моей, – сказал царь.

Возвратился царь духом возвеличенный. Он наполнил землю свою решениями самыми мудрыми.

V. Нереченное

Неисчерпаемость

Исчерпаемо ли? Истощаемо ли?

В плане физическом, как и все, – истощимо, но в плане духовном – во всем лежит именно неистощимость. И по этой мере, прежде всего, разделяются эти два плана. Если вам говорят, что нечто истощилось, – мы знаем, что это касается чисто внешнефизических обстоятельств.

Творец воображает, что его творчество иссякло, и это будет, конечно, неверно. Просто имеются или возникли какие-то причины, препятствующие творчеству. Может быть, что-то произошло, нарушающее свободное выделение творчества. Но само по себе творчество, раз оно вызвано к деятельности, оно неиссякаемо, точно так же, как непрерывна и ненарушима психическая энергия как таковая.

При современной смятенной жизни это простое обстоятельство иногда приходится напоминать. Люди уверяют, что они устали, сами себе внушают, что творчество их иссякло. Повторяя на всякие лады о трудностях, они, действительно, опутывают себя целою паутиною. В пространстве, действительно, много перекрещенных губительных тонов. Они могут влиять на физическую сторону явления. Людям же, которые так привыкли строить все в пределах физических, начинает казаться, что эти внешние вторжения убивают и сущность психической энергии. Впрочем, даже и это выражение часто покажется чем-то неопределенным, ибо люди до сих пор редко задумываются по поводу такой основной благословенной энергии, неисчерпаемой, неистощимой, если она осознана.

Вообще вопрос об ощутительности очень неясен в человеческом обществе. Каждому приходится слышать, как иногда человек дает совершенно определеннейшие данные, но слушатели невоспитанным вниманием своим скользят поверх них, а затем уверяют, что было дано лишь неприложимо-отвлеченное. Мне самому часто приходилось быть свидетелем, как люди давали показания совершенно определенные и обоснованные, а им на это отвечали: «Нельзя ли что-нибудь поближе к делу, определеннее». Такой вопрос лишь показывал, что слушатель вовсе не собирался принять во внимание ему сказанное, он хотел услышать только то, что почему-либо ему хотелось услышать. И под этим самовнушением он иногда не мог даже и оценить всех тех определенных фактов, которые ему сообщались. Ведь так часто люди хотят слышать не то, что есть, а то, что им хочется услышать. «Самый глухой тот, который не хочет слышать».

Нежелание слышать и видеть порождает не только сугубую несправедливость, но нередко является как бы духовным самоубийством. Человек до такой степени уверит себя в том, что он чего-то не может, до такой степени забьет свою основную энергию, что, действительно, попадает во власть всяких внешних физических и психических вторжений.

Каждый слышал, как некоторые так называемые нервнобольные не могут перейти улицу, или не могут подойти к окну, или, наконец, впадают в ужас подозрительности. Если проследить, как именно начались эти убийственные симптомы, то всегда можно найти маленькое, даже трудно уловимое, начало подавленности психической энергии. Иногда оно будет настолько косвенно затронуто и начнется от чего-то совершенно случайного.

Именно такие случайности могли бы быть вполне отражены, если была бы развиваема внимательность к происходящему вокруг. Ведь эта внимательность помогла бы заметить также, что основная энергия неистощима. Одно это простое, ясное осознание уберегло бы многих от бездны отчаяния и разочарования. Так, страдающий бессонницей иногда най-

дет причину ее в самом внешнем, реальном обстоятельстве. Также человек поймет, почему издревле сказано, что если трудно себя заставить думать, то еще труднее заставить себя не думать.

Когда человек угашает свой энтузиазм, он это делает тоже в силу каких-либо чисто внешних обстоятельств. Если бы по внимательности он понял, насколько случайны и преходящи эти обстоятельства, то он отмахнулся бы от них, как от назойливой мухи. Но ни в семье, ни в школе детей к внимательности не приучают, а затем впоследствии удивляются, почему человек «из-за кустов леса не видит». Да и часто ли вообще в семьях говорят о сердечном огне, о вдохновении, об энтузиазме? Ведь слишком часто семейное сборище сводится лишь к осудительным и мертвящим обменам колючими словами. Но опять-таки издревле отовсюду доносятся зовы и приказы о хранении в чистоте колодцев вдохновения и творчества как мыслью, так и делом.

«Радж-Агни, так называли тот Огонь, который вы зовете энтузиазмом. Действительно, это прекрасный и мощный Огонь, который очищает все окружающее пространство. Мысль созидающая питается этим Огнем. Мысль великодушия растет в серебряном свете Огня Радж-Агни. Помощь ближнему истекает из этого же источника. Нет предела, нет ограничения крыльям, сияющим Радж-Агни. Не думайте, что Огонь этот загорится в мерзком сердце. Нужно воспитывать в себе умение вызывать источник такого восторга. Сперва нужно уготовить в себе уверенность, что приносите сердце ваше на Великое Служение. Потом следует помыслить, что слава дел не ваша, но Иерархии Света. Затем можно восхититься беспредельностью Иерархии и укрепиться подвигом, нужным всем мирам. Так не для себя, но в Великом Служении зажигается Радж-Агни. Поймите, что Мир Огненный не может стоять без этого Огня».

3 февраля 1935 г. Пекин

Дружелюбие!

«Архат отдыхает ли? Уже знаете, что отдых есть перемена труда, но истинный отдых Архата есть мысль о Прекрасном. Среди трудов многообразных мысль о Прекрасном есть и мост, и мощь, и поток дружелюбия. Взвесим мысль злобы и мысль блага и убедимся, что мысль прекрасная мощнее. Разложим органически различные мысли и увидим, что мысль прекрасная – сокровищница здоровья. В мышлении прекрасном узрит Архат лестницу восхождения. В этом действенном мышлении есть отдых Архата.

В чем же можем найти иной источник дружелюбия? Так можно вспоминать, когда мы особенно утеснены. Когда повсюду закрываются ставни самости; когда гаснут огни во тьме, не время ли помыслить о Прекрасном? Не загрязним, не умалим этот путь! Лишь в нем привлечем то, что кажется чудесным. И чудо не есть ли неразрывная связь с Иерархией? В этой связи и вся физика, и механика, и химия, и вся панацея. Кажется, немногим устремлением можно продвинуть все препятствия, но полнота этого условия непомерно трудна людям! Почему они отрезали крылья прекрасные?» Так говорит книга «Мир Огненный».

«Все ли здесь?», «Все ли готовы?» – перекликаются дозорные на стенах твердынь. С башен им отвечают: «Всегда готов» – «Бодрствуем во благе!». Поистине следует перекликаться в нынешнее темное время всем, кто мыслит о благе. Через все горы и океаны следует объединенно держаться всем сердцам правды.

В час торжественный как же не объединиться и не послать всем ведомым и неведомым друзьям слово о дружелюбии. Не слабость, не безразличие это дружелюбие. Стремление к правде заложено в нем. Связано с ним желание лучшего преуспеяния и беспредрассудочного познавания. Может быть, никогда еще мир не нуждался настолько в основе дружелюбия.

«Мир всему живущему». Но путь к этому миру через то дружелюбие, которым должны быть полны сердца наши всегда, во все время дня и ночи, при каждой встрече. Ведь нигде не заповедано «во встречном ищи врага». Наоборот, дружелюбие является тем творящим началом, которое создает обновленную, преображенную жизнь.

Какие множества веков должна была протекать жизнь земная, чтобы опять, в тоске разрушения и утеснения, мы должны вспоминать об оружии света, о панцире дружелюбия. Может быть, это излишне, может быть, земная жизнь протекает в достаточном духовном и телесном благосостоянии? Может быть, мы не должны в предрассветный час тосковать сердцем нашим о бедствиях народных?

Но невозможно закрывать глаза на каждодневные сообщения о духовных смятениях, об убийствах тела и духа, о страшных призраках лжи и взаимного поношения. Доходит человечество до предела разложения. Нужно строить, необходимо неотложно предаться тому светлому строению, которое понимается в высоком значении Культуры. Где же те словари добра, где же те высокие начала, которые могут залить благодатью язвы мира, которые так ужасно открылись в дни наши?

Не призрачны эти бедствия. У каждого из нас собралось бесконечное количество сообщений о всевозможных разлагающих ужасах как в частной, так и в общественной жизни. Само добро как таковое начинает казаться многим чем-то отвлеченным, недосягаемым, так далеким, что и стремиться к нему будто бы не в силах человеческих.

Но не может быть сомнения об этом вездесущем Благе, когда каждое человеческое сердце знает, что есть дружелюбие. Поверх всяких засорений, нечистот, невежества, клеветничества, предательства каждый, хотя бы и духовно опустошенный человек, каждый двуногий все-таки знает, что такое улыбка: не улыбка глумления, но благая улыбка дружелюбия. Как же мы можем приступить к рассуждениям и к решениям, если мы не обезвредимся истинным дружелюбием?

Мы должны думать не только о том, что свойственно лишь очень немногим избранным. Учитель Великий шел ко всем. Все заповеди говорят о том, что принадлежит всем. Из простейших начал всем, всем, всем заповедано дружелюбие. В пламенении сердца это дружелюбие претворится и в любовь, в ту самую животворную, чудесно творящую любовь, которая во всем оружии Блага указывает: «Да живет все живущее».

Если бы чье-то сердце еще не возмогло вместить этот всеобъемлющий завет, то ведь и у него останется простейший, повседневный путь дружелюбия. Начатый от семьи, от рода, от близких, путь дружелюбия восходит великой спиралью до самых вышних обителей.

Много говорим о сердце. Но без основного дружелюбия какое же это будет сердце! Даже дикие звери глубоко чувствуют начало дружелюбия. Чем же прежде всего отвращает человек даже самое лютое нападение? Глаз дружелюбия, взор добра остановит самые зверские когти.

Озарение высоких сердец, их светоносность, зажженная любовью, ведь началась когда-то от такого же повседневного дружелюбия. Началась эта великая сила у того единого костра, к которому сходятся путники пустыни. А разве не путники мы? Разве не обезводили все пустыни духа? Страшно остаться во тьме, безоружным, когда из черной мглы несутся вопли ненависти и взаимоудушения.

Нужен свет. Нужен священный огонь. Нужны оружия света, которые сиянием своим рассеют полчища тьмы и разложения. Первым оружием света, о котором так прекрасно сказано в заповедях всех заветов, будет именно общечеловеческое дружелюбие. Первым качеством этого дружелюбия будет непрестанное творчество, созидательный труд, который, вместо тяжких оков каждодневности, превратится в сияние творящего праздника.

Эту творящую любовь, это всеобщее дружелюбие хранят дозорные, перекликаясь в час торжественный на стенах твердынь: «Все ли здесь?», «Все ли готовы?».

Меттасутта посылает свой мудрый зов дружелюбия словами:

«Как мать, подвергая опасности жизнь свою, блюдет свое дитя единое, так пусть каждый растит дружелюбную мысль ко всему сущему. Пусть он взрастит в себе желание ко всему миру и дружелюбие и вверху, и внизу, и всюду, неограниченно, без всякой ненависти, без всякой вражды!» (Меттасутта 7,8).

Гималаи

Мера искусства

Успенский говорит:

«Впереди всех других человеческих способов проникновения в тайны природы идет искусство. Ум, оперируя с теми данными, которые он получает от органов чувств и психического аппарата, должен идти через трехмерную сферу, и не может идти иначе, точно так же, как он не может действовать иначе, как через логику. Искусство идет совсем другим путем. Оперируя с эмоциями, с настроениями, с инстинктами и с пробуждающимися интуициями, оно совершенно не стеснено пределами трехмерной сферы, совершенно не должно считаться с законами логики и сразу выводит человека в широкий мир многих измерений.

Поэтому искусство идет впереди науки, точного знания и даже впереди философии, но не служит им, не прокладывает для них путей, а идет своим путем, открывая свои горизонты… Искусство разрушает весь логический и трехмерный мир, с таким трудом созданный человеком, всю маленькую и жалкую «правду», за которую с таким отчаянием цепляется человек, боящийся без нее очутиться среди хаоса… Искусство видит мир в «астральном свете», строит свой собственный мир, совершенно аналогичный астральному миру оккультистов, и заставляет человека понимать, что этот мир совсем не похож на мир железных дорог, автомобилей и аэропланов; заставляет понимать законы этого нового мира, полного чудес, и путем постепенного ощущения и постижения этих «законов чудесного» подходит к Вечному. Искусство и все, что дает искусство, нельзя ни смерить, ни свешать. Поэзию нельзя заключить в колбу.

Искусство нарушает весь механический порядок трехмерного мира. Оно открывает дверь в мистику и магию, зовет в мир удивительных и волшебных приключений… Искусство не принадлежит миру трех измерений и не может ему служить; наоборот, выводит из него, как великая богиня Смерть, которая, если она открывает нам тайны иного мира, в то же время одним взмахом руки скрывает и уничтожает этот.

Искусство, которое не говорит об этом «ином мире», не заставляет о нем думать или его чувствовать, или рисует тот мир, как подобие или продолжение нашего, это не искусство, а подделка, трезвая и рассудочная подделка, псевдоискусство. Псевдоискусство отличается от настоящего, подлинного искусства тем, что оно состоит из одной правды. В нем нет воображения, нет экстаза… Одна только голая и трезвая «трехмерная правда», которая есть величайшая ложь, потому что ничего трехмерного в действительности не существует.

Задача правильного распознавания истинного и ложного искусств разрешается одновременно с загадками пространства и времени – искусство, довольствующееся временем и не стремящееся к вечности, должно быть и будет признано фальсификацией… В мир высших измерений можно проникнуть, только отказавшись от этого, нашего мира. Кто ищет в высшем мире подобие низшего или продолжение его, тот не найдет ничего. И кто думает, что нашел истину, или что кто-нибудь другой нашел ее за него, тот никогда не увидит даже ее тени».

Бывало о том же с Балтрушайтисом толковали.

1 декабря 1942 г.

Чуткость

Говорится, что вода, уже отработавшая на мельнице, будто бы производит впечатление меньшей силы, нежели вливающаяся на колесо. Точно бы предполагается, что, кроме грубофизических условий, какая-то энергия словно бы утекла в напряжении. Конечно, это иллюзия; точно так же, как говорят, что новая непрочитанная книга потенциальнее многими прочтенной. Точно бы многие глаза могли отнять от страниц какой-то потенциал.

Но в то же время все справедливо говорят о намоленных предметах, о вещах овеянных и тем усиленных мыслями. Как будто выходит, что если вещи можно нечто придать посредством мысли, нечто наслоить на предмет, то как будто бы можно предположить, что таким же порядком, посредством мысли, посредством энергии можно и обеднить предмет, отнять у него кое-что.

Приходилось слышать, как кто-то, раскрывая возвращенную книгу, говорил: «Даже в руки взять неприятно, должно быть какой-то негодяй читал ее». Может быть, это говорила лишь подозрительность, а может быть, и впрямь почувствовалось влияние какой-то энергии.

Так часто и какая-то несказуемая враждебность, а подчас и неизреченное доброжелательство чувствуется в самом пространстве. Опять-таки какие-то чуткие люди скажут: «Как тяжко в этом жилье», или наоборот – «Как легко здесь дышится». Если простые фотографии подчас дают такие неожиданные показания, если химический анализ пространства тоже готов приоткрыть многое, то что же удивляться, если тончайший аппарат человеческий может вполне почувствовать присутствие тех или иных энергий.

Иногда струнный инструмент как бы самозвучит от воздействий, человеческому глазу недоступных. Иногда фарфоровая ваза сама разбивается от вибраций, почти неслышимых человеческому уху. Песок дает затейливые рисунки от сотрясений, внешне почти неуловимых. Также и присутствие многих воздействий не выскажется словами, но почувствуется внутренним человеческим аппаратом.

Это не будут суеверия и наносные подозрения. Это будет именно чувствознание. Никакими словесными объяснениями вы не разубедите человека, который ясно почуял эти прикосновения энергии. Все равно, как вы не убедите человека в том, что он не видел чего-то, если он это твердо и внимательно воспринял своими глазами.

Иногда считают какою-то даже стыдною слабостью признаться в этих определенных чувствованиях, а в то же время спокойно говорят, что пища показалась слишком соленой или горькой, тогда как сотрапезник вовсе не нашел это. Для одного эта степень была не обращающей на себя внимание, а другой ее вполне почувствовал. Если бы только люди так же естественно и безбоязненно обращали внимание и сообщали близким о своих чувствованиях, насколько бы больше новых ценных наблюдений обогатило бы земную жизнь и внесло бы большое рвение к преображению чувствований в познании.

Невозможно откладывать способы познания в какие-то преднамеренные рамки. Поистине, вестник приходит неожиданно. Недаром во всех Учениях эта неожиданность прозрения так определенно указана. При этом люди непременно хотят, чтобы вестник появился в назначенный ими час, через определенную дверь принес бы ожидаемые ими новости и, вероятно, сказал бы им на том языке и в тех выражениях, которые предположены самими ждущими.

Каждое изменение в такой самопредуказанной программе внесло бы уже смущение или, может быть, послужило бы к отрицанию. Как это могло случиться, как я это ожидал?! Опять это несчастное ограниченное я, которое желает узкосамонадеянно повелевать в пределах зримого и слышимого мира. А вдруг самое напыщенное окажется совершеннейшим

ничтожеством перед малейшим проявлением тонкого порядка? Можно ли ограничивать то, что не уложится ни в какие сказуемые границы?

Сколько вестников вообще не могло войти, ибо, подойдя к двери, они уже знали, что их не ждут. Повторяя про себя самую Богоданную вдохновляющую весть, вестник уже знал, что ее не захотят принять именно на этом языке. Сколько уже сложенного и близкого остановлено спесивой ограниченностью. Но если попробуете отложить пределы этой ограниченности в каком угодно измерении, то никаких размеров ее не найдете, до такой степени она совершенно ничтожна.

Таким порядком среди замечательнейших прозрений и озарений вторгаются, как серая пыль, бесчисленные осколки невежества. Пусть каждая пылинка почти невесома, но слой их может затемнить самые изысканные цветы. Общая работа, общая забота должна быть, чтобы в хозяйстве было как можно меньше пыли.

Влечение

Ливингстон только мертвым мог быть увезен из Африки, настолько его привлекала к себе именно эта часть света. Казати насильно был увезен из той же Африки, в которой он единственно чувствовал себя как дома. Весь остаток своей жизни, проведенной в Италии, казалось бы, на родине, он чувствовал себя несчастным.

Множество всевозможных примеров таких же, как бы непонятных влечений к определенной части света или даже к определенному месту можно перечислить. Вот перед нами кровные испанцы, которые возлюбили или Гавану, или Южную Америку. Вот перед нами британцы, привлеченные навсегда в Индию. Вот перед нами шведы, французы, русские, которые могут дышать лишь воздухом Азии.

В жизни человеческой столько труднообъяснимых влечений. От самых высоких и до самых повседневных. С одной стороны, мы видим влечения к месту своего рождения. Это находит себе многие пояснения. Но как же можем мы разгадать необъяснимое, властное влечение к какому-либо удаленному месту земного шара. Часто люди попадают туда как бы случайно. И вдруг находят себя опять-таки как бы в природной обстановке. Ведь никто не изгонял их из места их рождения. Никакие оскорбления или преступления не гнали их за далекие моря и горы. Значит, было какое-то другое основание, какой-то другой магнит, который заставлял их всем сердцем устремиться туда, куда и рассудок не мог бы посоветовать.

Такие влечения, они совершенно отличны от справедливого желания молодежи куда-то уехать, куда-то вырваться, где-то на новом воздухе расправить крылья. В час таких решений юный искатель даже не задается мыслью, куда именно ему хочется. Он лишь знает зовы, а может быть, и вопли сердца, влекущие его еще что-то узнать. Обычно благородные характеры выясняются в таких искателях. Они добровольно ищут какое-то испытание. Эти первые дни самостоятельности навсегда останутся для них маяком бодрости.

Мысленно шлем привет одному нашему американскому другу, который сейчас, в преклонных годах, с особенною живостью и ласковостью вспоминает свое первое путешествие в качестве юнги на корабле. Этот же деятель рассказывал мне, как, в свою очередь, он послал внука своего одного, верхом, от Тихого Океана к Атлантике, чтобы приучить десятилетнего мальчика к полной самостоятельности. Наверное, где-то по намеченному пути была незримая забота о юном путешественнике, но все же он должен был выполнить задание, предоставленный своей находчивости и разумности. А ведь передвижение по Америке при необыкновенно сложном и насыщенном движении иногда бывает полным всякими неожиданностями. При этом было даже наставление, чтобы всадник не только хранил свое здоровье, но и привел бы коня в добром состоянии. Наверное, такая поездка останется в памяти на всю жизнь.

Также все мы читали о молодых людях, бежавших в Америку за поисками новой жизни. И в таких случаях привлекало само передвижение, искание новых решений жизни, но все-таки это не было всегда нахождением желанного места, в котором хотелось бы сосредоточить труд и жизнь.

Иначе звучит рассказ об одном пятилетнем тибетском мальчике, который неоднократно, неудержимо уходил в какой-то свой дом. Малыш одевался как бы в дорогу. Привязывал себе на спину запас пищи и священную книгу, а затем находил удобный момент исчезнуть из дому. Когда же бросались его искать, то находили идущим по горным тропинкам. Его пробовали возвращать домой. Ему говорили, что он должен вернуться в дом свой. Но мальчик уверял, что он именно идет в свой настоящий дом, что дом, где он жил до сих пор, не его дом и что он должен спешить в свой настоящий дом, где он должен остаться. Мы

проезжали это место как раз во время четвертого ухода этого мальчика и не знаем, чем это кончилось в будущем.

Во всяком случае, это было какое-то непреодолимое влечение, и весьма возможно, что если оно осталось бы невыполненным, то малыш засох бы, как цветок без влаги. Изумительно было наблюдать, что пятилетний мальчуган так серьезно толковал о своем настоящем доме, в который он должен дойти.

Вот и Ливингстон, и Казати, и все те бесчисленные путники к дому своему, они засохли бы, если им не пришлось бы достичь своего назначения, так ясного их сердцу. При этом особенно поразительно то обстоятельство, что эти устремленные не искали только благорастворения природы, не стремились к какому-то благоустроенному жилью. Наоборот, их дом, их свой дом, бывал очень труден. Такой желанный дом бывал часто почти непереносим для их тела, и все же их дух ликовал и чувствовал себя в назначении.

«Не по хорошу мил, а по милу хорош». Эта поговорка заглядывает глубоко. В ней подчеркивается внутреннее значение, которое превышает все внешнее. Если такой путник нашел свой дом, то бывает губительно отрывать его оттуда по каким-то внешним обстоятельствам. Никакие повышения служебные, никакие заманчивые выгоды не могут возместить человеку найденного им своего дома. Он не сделается членом народа или племени, среди которого находится этот его необъяснимый дом. Он привлекается туда не столько людьми, сколько всеми прочими обстоятельствами бытия. Ведь когда человеку хорошо, то обычно он даже не может объяснить словами, почему ему хорошо. Иногда это хорошее чувствование возникает даже при очень трудных обстоятельствах.

Так же точно человек, встречая своих спутников или противников, часто не отдавая себе рассудочного объяснения, по глазам и по сердцу знает многое, что не может быть рассказано словами. Люди должны со всею бережностью относиться к таким влечениям. Они должны улавливать их даже в самых зачатках, чтобы не потушить и не раздробить их оковами рассудка. Если в человеке проснулось такое влечение, то можно извратить человека, можно навсегда его исковеркать, но ничем не удастся изъять из него то, что сердце его, что дух его знает.

Знаем и навсегда пораненных людей. Или кто-то когда-то не допустил их до своего опознанного дома. Или кто-то и что-то лишило их найденного спутника. Невежды считают такие влечения чепухою, предвзятостью, которую нужно прекратить всякими мерами. Эти невежды никогда не задумаются, откуда, по какой причине приходит его знание. Но зато можно видеть, какое огромное значение для всей жизни человеческой приносит нахождение этого своего опознанного дома, нахождение и своего сужденного, когда-то встреченного спутника. Если бы даже по каким-то причинам человек добровольно, для блага должен был бы временно разлучиться со своим домом, со своим спутником, то все же вся его деятельность, в течение временного отсутствия, пройдет под знаком совершившегося опознания.

Человек нашел свой дом, человек нашел спутника, человек укрепился давними магнитами, и тем яснее и звучнее может он приносить ближним своим великую пользу. Сердце знает, когда довлеет опять прикоснуться к каким-то другим домам и когда настанет час воодушевить каких-то других спутников. Такое сердечное чувствознание не обессилит человека, оно лишь преобразит его деятельность, и многие спросят себя, откуда берутся такие силы и такая уверенность? Они происходят от опознания желанного дома, от взаимоукрепления желанным спутником. Семья, воспитатели должны бережно относиться к каждому проявленному влечению. Дом может быть и очень близко, а может быть и за горами, и за долами. И спутник найдется тогда, когда ничем не отемнены истинные, сужденные влечения.

27 апреля 1935 г.

Цаган Куре

Стойкость

Встает передо мной нечто незабываемое из моей первой выставки в Америке. В одном из больших городов местный богач и любитель искусства приветствовал меня большим, парадным обедом. Все было и обширно, и роскошно, присутствовали лучшие люди города. Как всегда, говорились речи. Хозяин и хозяйка, оба уже седые, радушно и сердечно беседовали с гостями. Во всем была полная чаша, и хозяйка обратила мое внимание, что все комнаты убраны в синих и лиловых цветах, и добавила:

«Именно эти тона я так люблю в Ваших картинах».

После обеда одна из присутствовавших дам сказала мне:

«Это очень замечательный прием, – и пояснила: – Вероятно, это последний обед в этом доме».

Я посмотрел на мою собеседницу с изумлением, а она, понизив голос, пояснила:

«Разве Вы не знаете, что хозяин совершенно разорен и не дальше как вчера потерял последние три миллиона».

Естественно, я ужаснулся. Собеседница же добавила:

«Конечно, это тяжело ему, особенно принимая во внимание годы. Ведь ему уже семьдесят четыре».

Такое несоответствие услышанного со всею видимостью, а главное, с видимым спокойствием хозяев, было поразительным. С тех пор я стал интересоваться особенно их судьбою. Оказалось, через три месяца после этого обеда они уже жили в своем гараже. Казалось бы, все было потеряно, а через три года этот же деятель был опять в миллионах и жил в прежнем своем доме-дворце.

Когда я говорил его знакомым о моем удивлении, почему многочисленные друзья и, наконец, город, которому он пожертвовал так много, не помогли ему, мне сказали: «Во-первых, он не принял бы помощи, а во-вторых, такие бури жизни ему не впервые».

Этот последний разговор происходил в большом клубе, где в спокойных креслах около окон сидело много почтенных людей, читая газеты и беседуя. Мой собеседник, указывая на них, сказал:

«Все это миллионеры. Спросите их, сколько раз каждый из них переставал быть миллионером и вновь им делался».

А члены клуба продолжали спокойно читать и весело беседовать, как будто бы никогда никакие житейские бури не проносились над ними. Я спросил моего приятеля, как он объясняет себе это явление? Он пожал плечами и ответил одним словом:

«Стойкость».

Действительно, это понятие стойкости должно быть отмечено среди других основ, нужных в жизни. Мужество – одно, доброжелательство и дружелюбие – другое. Трудолюбие – третье. Неустанность и неисчерпаемость – четвертое. Энтузиазм и оптимизм – пятое. Но среди всех этих основ и многих других, так нужных, привходящих светлых утверждений, стойкость будет оставаться как нечто отдельное, незаменимое и дающее крепкое основание преуспеянию.

Стойкость вытекает из большого равновесия. Это равновесие не будет ни холодным расчетом, ни презрением к окружающему, ни самомнением, ни себялюбием. Стойкость всегда будет иметь некоторое отношение к понятию ответственности и долга. Стойкость не увлечется, не поскользнется, не зашатается. В тех, кто шел твердо до последнего часа, всегда была стойкость.

В наши дни смущений, многих разочарований, узких недоверий должно быть особенно благословенно основное качество стойкости. Когда люди так легко впадают в самую

непристойную панику, именно стойкий человек внесет здравые понимания и удержит многих от ужаса падения в хаос. Когда люди сами себя стараются убедить во всевозможных древних небывальщинах, именно стойкий человек поймет в сердце своем, где есть безопасный выход. Когда люди впадают в такое безумие, что даже краткий шквал им уже кажется нескончаемой бурей, именно стойкость напомнит и о соизмеримости.

Может быть, скажут, что стойкость есть не что иное, как благоразумие. Но будет вернее сказать, что из благоразумия порождается также и стойкость. Ведь в понятии стойкости уже есть совершенно реальное выражение. Стойкость нужна именно здесь, на земном плане, где так много обстоятельств, от которых нужно устоять. Потому-то так полезно среди множества понятий благоволения, сотрудничества и преуспеяния усмотреть смысл и ценность стойкости. Недаром люди с особенным уважением всегда подчеркивают, как стойко человек выдерживал то или иное нападение, напряжение или неожиданные удары. Подчеркивается в таких случаях и зоркость, и находчивость, но всегда будет отмечена и стойкость как нечто положительное, прочно стоящее на чем-то осознанном. Как пример стойкости и выдержки вспоминается одна быль из Сан-Франциско.

Приехал иностранец. По-видимому, был богат. Был принят всюду в обществе. Приобрел много друзей. Укрепилась за ним репутация хорошего, доброго и богатого приятеля. Тогда он поехал к особо выказавшимся новым друзьям с просьбою одолжить ему десять тысяч долларов на новое дело. Произошло нечто любопытное, хотя и очень обычное. У всех его друзей нашелся достаточный предлог, чтобы отказаться или уклониться от этой просьбы. Мало того, в обществе сразу пробежало отчуждение и холодное отношение к нему. Тогда иностранец поехал к некоему человеку, который с самого начала относился к нему довольно холодно. Объяснил ему дело и просил десять тысяч. На этот раз была вынута немедленно чековая книжка и написана сумма. На следующий день иностранец вновь приезжает к тому же лицу. Тот спрашивает:

«Разве что-нибудь случилось, или Вы неверно вычислили цифру; может быть, она мала?»

Но иностранец достал из кармана вчерашний чек, отдал его хозяину и сказал:

«Деньги мне не нужны. Я лишь искал компаньона, которым и предлагаю Вам быть».

Всем же остальным так называемым друзьям, которые опять обернулись к нему, он сказал:

«Вы меня кормили обедами; помните: мой стол всегда накрыт для Вас». Мистер Л. в Сан-Франциско помнит это.

Сколько поучительных страниц дает сама жизнь. Воображение есть не что иное, как припоминание.

6 февраля 1935 г.

Пекин

Скорее!

«…Мне вообще хочется, чтобы все тяжкое и трудное, что стоит впереди меня и всего человечества, – чтобы все оно наступило скорее и чтоб единым духом все преодолеть для стремительного движения вперед, поскольку хватит сил. В прошлом и в настоящем много ужаса в мире. Чувствую, как сгущаются знаки кругом и как хочется крикнуть: «Скорее!» Больше и больше бунтует нетерпеливый дух. Не знаю, хорошо ли это».

Так пишет наш сотрудник, одаренный и вдохновенный. Его глаз, смотрящий по широкому горизонту, конечно, замечает все те нагромождения, от которых душно человечеству и хочется крикнуть: «Скорее!» Он же продолжает: «Говорят об усиленной заболеваемости. Недавно зубная врачиха удивлялась множеству воспалительных процессов. В Париже в конце мая – снег, в Токио – град величиною с двухкопеечную монету. Простой нехитрый мужичок недавно усиленно советовал моему знакомому уехать отсюда куда-нибудь, ибо – чует его сердце, что так надо. Всюду – смятение».

Не только зубные врачи, но и врачи глазные, горловые и легочные – все говорят о большом количестве каких-то воспалительных процессов. Конечно, сердечные заболевания и всякие напряжения особенно обращают на себя внимание. Сотрудник спрашивает: получили ли мы книгу об Апокалипсисе? Мы не получили, но много Апокалипсиса происходит вокруг. Если возьмем передовой лист каждодневной газеты, то разве не видно на нем апокалиптических знаков? Только заведомо глухие и слепые не хотят видеть напряженность времени. А вот простой мужичок, как пишут, стремится хоть куда-нибудь уехать. Такое беспокойство сердечное всегда очень показательно. Все же более сознательные, конечно, не только хотят уехать куда-то, но определенно заклинают пространство кличем «Скорее!». Они-то понимают, что без каких-то разрешительных процессов нарывы и гнойники не вскроются, зараза будет лишь углубляться, заражая весь организм.

Опытный хирург, усмотрев опасное состояние зараженного организма, тоже восклицает: «Скорее, скорее!», чтобы не допустить распространения заразы. Ведь он знает, что если разложение достигло известных пределов, то его нужно немедленно прекратить. Если простой человек хочет просто уехать, хоть куда-нибудь, то в других сердцах это же мрачное предчувствие выражается подавленностью настроения. Кто-то говорил: «Пусть все пропадет». Но наш сотрудник в силу своего строительного характера вовсе не хочет, чтобы все пропадало. Чутко и мудро он призывает: «Скорее, скорее!» Пусть операция будет уже в прошлом. Пусть явится еще одна возможность думать о будущем и стремиться к нему с обновленными грозою силами.

Люди разделяются на два типа в отношении восприятий грозовых явлений. Одни тупо боятся и молнии, и грома. Они готовы нелепо спрятаться, зарыться в подушки, заткнуть уши, лишь бы не слышать этих прекрасных грозовых разрядов. Другие же, наоборот, восторженно воспламеняются духом, когда грохочет гром и сверкает молния. И в этот момент они менее всего думают лишь о себе. В них нет мысли: ударит ли в них молния или нет. Но те, которые зарываются в подушки от космических явлений, они-то, наверное, где-то думали о себе, о своей «драгоценной жизни».

Представьте людей такого типа в бою, и, наверное, вы увидите такую же растерянность и уклончивость. Они прикроются многими соображениями. Они скажут, что не идут вперед потому, что не имели времени обсудить, действительно ли им нужно подвергать себя опасности. Они не поспеют вовремя, ибо найдут многие причины, почему им пришлось опоздать. Они очень находчиво изложат причины, почему они уклонились от действия, от подвига. Вероятно, в сердце своем они будут негодовать на те обстоятельства, которые призывали их к подвигу. Извилисты пути всяких уклонений от добра. При этом не будут пощажены

самые священные, великие основы. Если безумец может быть чрезвычайно находчивым и выносливым, если лунатик невредимо пройдет по узкому карнизу над бездной, то и безумие страха своеобразно преисполняет людей к такой же находчивости.

Но одно восклицание не будет у этих людей на устах. Они не скажут: «Скорее, скорее». Наоборот, они найдут всевозможные причины, чтобы промедлить. Конечно, по характеру своему они никогда не признаются в истинных своих побуждениях. Какие сказки и россказни будут придуманы, чтобы не только оправдаться, но даже и очернить все, что не боится молнии и смело зовет: «Скорее». Этот тип людей или по природе своей, по далекому бывшему, уже привел себя в такое состояние. Но иногда оно является подражанием тому, что безвольные люди видели с малых лет в окружающем быту.

Может быть, мать, или бабушка, или дед боялись грозы. Или всякого передвижения. Может быть, ребенок видел, как кто-то от ужаса зарывался в перины или считал величайшим несчастьем переезд в новый дом. Сызмальства могли влезать в тайники духа эти безобразия ужаса. Если же не было обратных примеров яркого мужества, достоинства и справедливости, то нередко дух слабый подпадал всем отрицательным явлениям. Просто складывались дурные привычки.

Во всех просветительных делах прежде всего нужно всеми разумными мерами отучать от дурных привычек. Часто кажущаяся маленькая дурная привычка имеет в основе своей глубокое заблуждение. Такие привычки, такие заблуждения прежде всего излечиваются личным примером. Если заболевший организм еще излечим, то каждодневным примером можно изъять из него опасные микробы разложения.

Пушкин даже в зрелых годах благодарно вспоминал свою старую няню, которая рассказала ему многие прекрасные, зовущие вдаль сказки. А разве каждая сказка не имеет в основе своей быль, но такую чудесную, что она уже кажется за пределами возможности?

Когда говорится: «Не делать жалобных выводов из-за промедления», – это будет значить, что промедления и не было и оно было лишь кажущимся для нетерпеливого духа. Ничего худого нет в том, что дух к добру нетерпелив. Наоборот, это очень хорошо. Также хорошо сознавать, что кто-то не одинок в тягостях житейских, сознавать постоянную заботливость, это уже будет тою радостью, которою поистине должны быть наполнены сумерки быта.

Когда кто-то вопиет в ясном предвидении: «Скорее, скорее», – он уже знает, что, несмотря на всю суровость грядущего, оно проявит себя к добру, ко благу человечества. В таком «скорее» не будет безнадежности овцы, видящей нож над собою; наоборот, будет львиное устремление вперед, к подвигу, который как в земном, так и в надземном будет звучать тем же отважным торжественным призывом. Песнь песней. Песнь сердца! Именно в сердце рождается устремленный глас: «Скорее, скорее».

8 июня 1935 г.

Цаган Куре

Твердыня пламенная

В книге «Сердце» старая китайская сказка говорит о великане заоблачном и о карлике-пересмешнике. Уявлен великан, стоящий головою выше облаков, и карлик насмехается, что великан не видит мира земного. Но великан сносит все насмешки, говоря: «Если захочу, могу ползти по земле, но ты никогда не заглянешь за облака».

На одном университетском торжестве Крукс сделал известный доклад свой о мировоззрении с точки зрения великана и карлика. Ученый провел замечательные параллели преломления законов в возможностях антиподов. Также антиподные суждения образуются и около понятия творчества в личном преломлении. Но, как и во всем, лишь наибольшие меры соответствуют вершинному понятию жизни. Мысля о творчестве, надо признать наибольшее, наисветлейшее и наисвязующее.

Субстанция есть чувство. Также и творчество есть выражение сердечной энергии. Как прекрасно, когда эта могущественная энергия осознана, воспитана и приведена в действие. Сколько неосознанных и непримененных возможностей расплескивается в бездну хаоса. Не часто люди отдают себе отчет, что творчество выражается не только в механических проявлениях, но гораздо больше, могущественное вечное мысленно изливается во благо мира. Стрелы благие и прекрасные часто понимаются лишь как какой-то древний символ! О значении и мощи мысли начали думать так недавно! О сердце и излучениях наука лишь начинает мыслить!

«Дети, любите друг друга» – так заповедуют Высшие и Лучшие. Для любви надо открыть и воспитать сердце. Но где же доступ, кроме ключа Прекрасного? Духовность, религиозность, подвиг, героизм, доброжелательство, мужество, терпение и все прочие огни сердца – разве не расцветают они в Саду Прекрасном?

Не для слез и отчаяния, но для радости духа созданы красоты Вселенские. Но радость должна быть осознана, а без языка сердца где же раскинет радость светоносный шатер свой? Где же, как не в сердце, твердыня радости?

Осознавший область сердца неминуемо пристает к берегам творчества. Как бы этот путник духа ни выражал свое творительство, оно будет в основе своей тем же единым самоцветным камнем, о котором поют все лучшие сказания человеческие. Благочестивый мейстерзингер Вольфрам фон Эшенбах поет о том же драгоценном камне, о котором говорит и незапамятная мудрость Дао.

Ведь неизбежно нужно где-то и как-то встретиться! Ведь когда-то нужно покинуть звериные привычки. Ведь сердце-то тоскует по Храму Прекрасному, по Иерусалиму Небесному, по Светлому Китежу и по всем горним Обителям Духа.

Каждое отвращение от Прекрасного, от Культуры приносит разрушение и разложение. Наоборот, каждое обращение к культурному строительству создавало все блестящие эпохи Ренессанса.

«Повторять об одном и том же мне не тягостно, а для вас полезно», – пишет Апостол Павел. И звучит эта черта знания духа человеческого не как гробовой укор, но как улыбка мудрости. Именно до рисунка на мозгу нужно твердить о насущности Культуры. Нужно твердить во всех возрастах, во всех положениях, во всех народах.

Пока Культура лишь роскошь, лишь пирог праздничный, она еще не перестроит жизнь. Может ли сознание среди каждодневности обойтись без книг, без творений красоты, без всего многообразного Музейона – Дома Муз?

Культура должна войти в ближайший, каждодневный обиход как хижины, так и дворца. В этом очищенном мышлении понятно станет, где оно самое нужное, неизбежное и где лишь наносы преходящих волн. Как благостно касание крыла Культуры, благословляющего

колыбель на подвиг и несущего отходящего путника в просветленном сознании. В несказуемых, неизреченных мерах облагораживается он касанием Культуры. Не смутный, туманный оккультизм и мистицизм, но Свет Великой Реальности сияет там, где произросло просвещение Культуры.

С песнею входит друг. Художник являет качество духа своего в картине. Взаимно убеждаемся и радуемся на всех проявлениях творчества.

Если даже звери преклоняются перед звучанием, то насколько же оно нужно сердцу людей и в звуке, и в цвете, и в форме.

Не может человечество продолжать низвергаться по пути расчленения и ненависти, иначе говоря, спешить к одичанию. Стойте, стойте, уже и пропасть близка!

Соберемся вокруг понятия Культуры, вокруг Великого Служения Свету. Познавая единость Высшего Света, найдем и способность не укорять, не унижать, не злословить, но славословить Красоте Всевышней.

Разрушительная критика дошла до пределов. Словарь зла, и поношения, и унижения возрос до непереносимости. Но дух человеческий и в темнице своей взыскует о радости, о строении, о творении.

Помню, как Пюви де Шаванн находил искреннее, благое слово для самых различных произведений. Но не забуду, как известный художник Р. обходил выставку лишь с пеною поношения. Однажды бросилось в глаза, что Р. останавливается гораздо дольше около поносимых им произведений. По часам я заметил, что три четверти часа ушло на ругательство и всего одна четверть на радость. Провожая художника, я заметил:

«Знаю, чем задержать вас дольше! Лишь ненавистными для вас вещами». При этом ругательства Р. были весьма изысканны, а похвалы очень бедны и сухи. Конечно, в творчестве Пюви де Шаванн был несравненно выше Р. Не из благодати ли творческой исходила благость суждений Пювиса?

Зачем разделяться и злодействовать там, где заповедан общий восторг, общая радость творчества.

Бесчисленны от незапамятных времен заповеди о Прекрасном. Целые государства, целые цивилизации складывались этим великим Заветом.

Украсить, улучшить, вознести жизнь – значит пребывать в добре. Всепонимание, и всепрощение, и любовь, и самоотвержение создаются в подвиге творчества.

И разве не должны стремиться к творчеству все молодые сердца? Они и стремятся. Нужно много пепла пошлости, чтобы засыпать этот священный пламень. Сколько раз одним зовом «Творите, творите!» можно открыть новые врата к Прекрасному.

Сколько дряхлости сказывалось в леденящей программе: сперва научусь рисовать, потом перейду к краскам, а уже затем дерзну на сочинение. Бессчетно успевал потухать пламень сердца, прежде чем ученик доходил до запретной двери творчества!

Но зато сколько радости, смелости и бодрости развивалось в сознании с малых лет дерзнувших творить. Как заманчиво увлекательны бывают детские сочинения, пока глаз и сердце еще не поддались всепожирающим условиям стандарта.

Где же условия творчества? В непосредственности, в повелительном трепете сердца, позвавшего к созиданию. Земные условия безразличны для призванного творца. Ни время, ни место, ни материал не могут ограничить порыв творчества. «Хоть в тюрьму посади, а все же художник художником станет», – говаривал мой учитель Куинджи. Но зато он же восклицал: «Если вас под стеклянным колпаком держать нужно, то и пропадайте скорей! Жизнь в недотрогах не нуждается!» Он-то понимал значение жизненной битвы, борьбы Света со тьмою.

Пришел к учителю с этюдами служащий; художник похвалил его работы, но пришедший стал жаловаться: «Семья, служба мешают искусству».

«Сколько вы часов на службе?» – спрашивает художник. «От десяти утра до пяти вечера». – «А что вы делаете от четырех до десяти?» – «То есть как от четырех?» – «Именно от четырех утра». – «Но я сплю». – «Значит, вы проспите всю жизнь. Когда я служил ретушером в фотографии, работа продолжалась от десяти до шести, но зато все утро от четырех до девяти было в моем распоряжении. А чтобы стать художником, довольно и четырех часов каждый день».

Так сказал маститый мастер Куинджи, который, начав от подпаска стада, трудом и развитием таланта занял почетное место в искусстве России. Не суровость, но знание жизни давало в нем ответы, полные сознания своей ответственности, полные осознания труда и творчества.

Главное, избегать всего отвлеченного. Ведь, в сущности, оно и не существует, так же как и нет пустоты. Каждое воспоминание о Куинджи, о его учительстве как в искусстве живописи, так и в искусстве жизни, вызывает незабываемые подробности. Как нужны эти вехи опытности, когда они свидетельствуют об испытанном мужестве и реальном созидательстве.

Помню, как после окончания Академии художеств Общество поощрения художеств пригласило меня помощником редактора журнала. Мои товарищи возмутились возможностью такого совмещения и прочили конец искусству. Но Куинджи твердо указал принять назначение, говоря: «Занятый человек все успеет, зрячий все увидит, а слепому все равно картин не писать». Помню также, как однажды Куинджи раскритиковал мою картину «Поход». Но полчаса спустя он, сильно запыхавшись, вновь поднялся в мастерскую: «Вы не должны огорчаться, пути искусства бесчисленны, лишь бы песнь шла от сердца», – улыбаясь говорил он.

И другой мой учитель, Пюви де Шаванн, полный благожелательства и неистощимого творчества, мудро звал всегда к самоуглублению, к труду и к радости сердца. Не погасла в нем любовь к человечеству и радость творения; а ведь первые шаги его не были поощрены. Одиннадцать лет его картины не были принимаемы в Салон. Это был достаточный пробный камень величия сердца!

И третий мой учитель, Кормон, всячески поощрял меня к самостоятельной работе, говорил: «Мы становимся художниками, когда остаемся одни».

Благословенны Учители, когда ведут они благою, опытною рукою к широтам горизонта. Сладостно, когда можем вспоминать Учителей своих со всем трепетом сердечной любви.

Учительство старой Индии, углубленное понятие Гуру – Учителя особенно и трогательно, и вдохновительно. Именно вдохновительно видеть, что свободное, осознанное почитание Учителя существует и до сего дня. Истинно, оно составляет одну из основных красот Индии. Без сомнения, то же понятие жило и среди старых мастеров Италии и Нидерландов, и среди русских иконописцев. Но там сейчас оно уже в прошлом, тогда как в Индии оно еще живет и не умрет, надеюсь.

Всякое духовное обнищание стыдно. Из тонкого мира печально смотрят великие мастера, жалея о неразумно затрудненных возможностях. В «Духовных ценностях», в «Переоценке», в «Огне Претворяющем» мы достаточно говорили обо всем том, что не должно быть утеряно на перепутьях и перекрестках. Но не могу не вспомнить покойного друга моего, поэта Блока, и его глубокие слова о Несказуемом. Блок прекратил посещение религиозно-философского общества, ибо: «Там говорят о Несказуемом». Именно, есть предел слов, но нет границы чувств и вместимости сердца. Всюду прекрасное. Все путники добра, все искатели искренние приставали к этому берегу. Как бы ни ссорились, как бы ни озверели люди, они все же объединенно замолкают при звуках мощной симфонии и прекращают препирательства в музее или под сводами Парижской Богоматери.

Та же любовь сердца вспыхивает, когда мы читаем о молниях красоты во всех заветах.

Трогателен персидский апокриф о Христе. «Когда проходил Христос с учениками, на пути оказался труп собаки. Отшатнулись ученики от тления. Но Учитель и здесь нашел красоту и указал на белизну зубов животного».

В час отхождения вспоминает Будда:

«Как прекрасна Раджагриха и скала Коршуна! Прекрасны долины и горы. Вейсали, какая это красота!»

Каждый Бодхисаттва среди прочих своих выявлений должен быть совершенен и в художестве.

Говорит рабби Гамалиель: «Изучение закона есть благородное дело, если оно соединяется с каким-либо искусством. Занятие ими отвлекает нас от греха. Всякое же занятие, не сопровожденное художеством, ни к чему не приводит». А рабби Иегуда добавляет: «Не учащий сына своего художеству готовит из него грабителя на большой дороге». Спиноза, достигнув значительного совершенства в искусстве, поистине отвечал завету гармонизации и облагораживания духа.

Конечно, и высокие заветы Индии утверждают то же основное значение творческого искусства. «В древней Индии искусство, религия, наука были синонимами Видья, или Культуры». «Сатьям, Шивам и Сундарам, или Вечное Троичное выявление Божественности в человеке, Непреложное, Благостное и Прекрасное».

Вспомним Музейон – дом Муз – Пифагора, Платона и всех тех великих, которые понимали краеугольные камни основ жизни. Плотин – о Прекрасном!

Из глубин тяжких переживаний Достоевский взывает: «Красота спасет мир!» Ему вторит Рескин, одухотворяющий камни прошлого. Знаменитый Иерарх, смотря на картину, восклицает: «Молитва земли небу!»

Старый друг всех творящих искателей Леонардо да Винчи говорит:

«Тот, кто презирает живопись, презирает философское и утонченное созерцание мира, ибо живопись есть законная дочь или, лучше сказать, внучка природы. Все, что есть, родилось от природы, и родило, в свою очередь, науку о живописи. Вот почему говорю я, что живопись внучка природы и родственница Бога. Кто хулит живопись, тот хулит природу.

Живописец должен быть всеобъемлющ. О художник, твое разнообразие да будет столь же бесконечно, как явление природы. Продолжая то, что начал Бог, стремись умножить не дела рук человеческих, но вечные создания Бога. Никому никогда не подражай. Пусть будет каждое твое произведение как бы новым явлением природы».

«Упрямая суровость» Леонардо, разве не была она укреплена ясною радостью о дальних мирах, непоколебимою молитвою сердца в Беспредельности?!

Сколько лучших людей утверждало о молитве сердца, о молении красотою, о красоте творчества, о победах Света! Со всех земель, от всех веков все заповедует о значении творчества как ведущего начала жизни. Древние памятники сохранили славные лики Египта, Индии, Ассирии, майев, Китая; все сокровища Греции, Италии, Франции, Бельгии, Германии разве не являются живыми свидетелями о значении высокого творчества!

Как чудесно, что и сейчас, среди всяких духовных и материальных кризисов, мы можем утверждать царство Прекрасного. Притом можем это не как отвлеченные идеалисты, но именно вооруженные опытом жизни, укрепленные всеми историческими примерами и духовными заветами.

Вспомнив о значении творчества, человечество должно вспомнить и о языке сердца.

Разве не этим языком созданы Притчи Соломона, и псалмы, и Бхагавад-Гита, и все пламенные заветы отшельников Синаитских?

Прекрасно сознавать, что все заветы ведут не к разделению, не к ограничению, не к одичанию, но к восхождению, и укреплению, и очищению духа!

Д-р Бритон напомнил мне, что, отъезжая из Америки в 1930 году, я сказал ему: «Берегитесь варваров». С тех пор многие варвары ворвались в области Культуры. Под знаком финансовой подавленности совершались многие неисправимые злодеяния.

Списки темных подавителей, как скрижали стыда, неизгладимо запечатлелись на хартиях образования и просвещения. Некультурные ретрограды бросились урезать и искоренять многое в области образования, науки, искусства!

Стыд, стыд. В Чикаго будто бы нечем заплатить городским учителям. В Нью-Йорке церковь продана с аукциона. В Канзас-Сити продан с торгов Капитолий. А сколько музеев и школ закрыто! А сколько тружеников науки и искусства выброшено за борт! Но все-таки на скачки приехало пятьдесят тысяч человек! Стыд, стыд!

Камни древних памятников могут возопить против всех отступников от культуры, которая была истоком всего благословенного и драгоценного. Попиратели Культуры, разве не попирают они свое собственное благосостояние? Даже слепые видят больше этих затемненных служителей тьмы.

«Берегитесь варваров!»

Все же не на изменчивом денежном знаке можем сойтись. Все-таки можем соединиться лишь на ступенях Культуры, во имя всего вдохновенного, творческого, прекрасного. Все же благим и благородным делом будет поддержание всего творческого и просвещенного. Всходя на эти ступени, мы и сами просвещаемся.

Собираясь вокруг знака Культуры, вспомним, как мы обращались к Женщине: «Когда в доме трудно, тогда обращаются к женщине. Когда более не помогают расчеты и вычисления, когда вражда и взаимное разрушение достигают пределов, тогда приходят к женщине. Когда злые силы одолевают, тогда призывают женщину. Когда расчетливый разум оказывается бессильным, тогда вспоминают о женском сердце…»

И теперь трудно во всемирном доме Культуры. И опять надеемся, что сердце женщины поймет боль о творчестве, о культуре. Поймет она боль о духовных сокровищах и придет на помощь во всех областях Прекрасного.

Молодежь не должна воспитываться на воплях отчаяния. Когда мы писали о сужденных садах прекрасных, мы вовсе не завлекали в призрачные области. Наоборот, мы звали в твердыни, утвержденные жизнью.

Особенно в дни трудные мы должны твердить молитву сердца о прекрасном. Мы должны помнить об общедоступности этого прекрасного.

Стать из пастушонка почитаемым мастером, как Куинджи, или из захолустного крестьянина светилом науки, как Ломоносов, ведь было не легко. Ничто не помогало, казалось бы! Наоборот, все были против, и тем не менее «Свет победил тьму».

В детстве мы любили книгу Гастона Тиссандье «Мученики науки». Должны бы быть изданы и книги «Мученики духа», «Мученики искусства», «Мученики творчества».

Жизненные драмы Ван-Гога, Гогена, Райдера, Врубеля, Мареса и множества мучеников за Прекрасное составили бы еще один незабываемый завет, ведущий юношество.

Когда перелистываю книгу «Строители Америки», сколько прекрасных, убедительных примеров встает навсегда в памяти. Эдисон, Белл, Форд, Армор, Карнеги, Истман, Шифф, Хаммонд – целое воинство самоделов и самоцветов. Сколько земных потрясений прошли они, лишь утверждая истину непобедимости труда и творчества. Раскрывая историю искусства Америки, разве не умилимся сильным характерам Райдера, Сарджента, Уистлера, Тера, Беллоуза, Рокуэлла Кента, Джайлса, Дэвиса, Мельчерса и всех тех, кто своим творческим достижением складывал стены Капитолия Славы Америки.

«Признательность есть добродетель больших сердец». Не только вспомним славные имена с благодарностью, но вооружимся всем их опытом для противостояния всем разрушительным силам тьмы.

Опыт творчества кует те непобедимые «оружия Света», о которых говорит Апостол.

Сейчас именно час спешный, когда нужно запастись всем бывшим опытом, чтобы не отступить от твердынь Культуры.

Сейчас время осознать все духовное сокровище творчества, чтобы этим «оружием Света» отразить темные силы невежества и двигаться безбоязненно.

Разве не радость, что мы можем, не стесняясь фракциями, обращаться к каждой искренней художественной группе с сердечным приветом, говоря:

«Все-таки теперь, после всевозможных разъединений, дух человеческий опять оборачивается к положительному построению, в котором ценно каждое искреннее сотрудничество. Разве не растут на весеннем лугу цветы всевозможные, великолепные своим разнообразием? Это творческое разнообразие в аромате своем разве не являет Праздник Весны, почитаемый всеми народами от времен незапамятных!

Ничто не заменит Божественного разнообразия. Также и в земном отражении Божественности, в искусстве, разнообразие означает щедрость народного духа. Среди смятений человечества тем яснее ощущаем ценность творчества.

Пусть звучит строительство и прекрасное желание Блага, иначе говоря, то именно, что должно лечь в основу всех действий культурного человечества. Каждому мыслящему тесно в условиях разделенных, страшных в ничтожестве своем, душно от смрада невежества, от яда некультурности, которые разлагают и отравляют все сущее.

Все, кому дорого достоинство человеческое, все, кто стремится к поистине сужденным совершенствованиям, естественно, должны работать вместе, отбросив, как постыдную ветошь, словарь злобы и лжи и памятуя, что в словаре Блага много не отвлеченных, но действительно жизненно применимых понятий. И как неотложно должны прилагаться понятия в жизни, чтобы слово перестало быть звуком пустым, но являлось бы действенным укрепителем творческой мысли.

Каждый стремящийся ко Благу знает, насколько ценны и все так называемые препятствия, которые являются для мужественного духа силомерами и в нагнетении вырабатывают лишь новую и преображенную энергию.

Ведь не вчерашний день утверждается. Можно утверждать лишь осязательность Будущего. Покуда сами мы, в сердце своем, не убедимся в этом светлом, созидательном Будущем, до тех пор оно будет оставаться в туманной отвлеченности. Для Будущего насаждались деревья при путях и ставились путевые вехи. Не стал бы строитель пути складывать памятные столбы, если бы в сердце своем не знал, куда должен вести путь этот.

Говорим – путь поведет к знанию, к Прекрасному, но ведь знание это будет освобожденным от предрассудков, будет нестесненно преследовать цели Блага. Говорим – путь этот поведет к красоте; и не роскошь, не прихоть, но надобность ежедневную, воздух сердца составят стремление и осуществление Прекрасного на всех путях. Не убоимся понятия действительности. Устремившиеся мужественно знают все условия пути.

Как говорят Мудрые, перед отходом не произносят дурных слов. Слабые скажут: истомилось сердце, но не истомится и не переполнится то, что живет в Беспредельности любви, в ведущем познании, в дисциплине духа и во всей красоте. Нагнетением, нагружением сердца умножаем опыт. Будем напутствовать себя словами прекрасной Мудрости Востока:

«Утомляйте Меня ныне, нагружайте лучше, подав тягость Мира, но умножу силы.

Слышишь ли: тягость расцветет розами и трава облечется радугою утра.

Потому утомляйте Меня. Когда иду в Сад Прекрасный, не боюсь тягости».

В Мудрости все реально – и утро реально, и Сад Прекрасный реален, и нагружение и тягость Мира, и преображенный подвиг тоже действительны.

Нельзя лучше заключить настроение о творчестве, как словами обращения гр. А. Толстого «К Художнику»:

Слух же духовный сильней напрягай и духовное зренье.
И как над пламенем грамоты тайной
Неясные строки вдруг выступают,
Так выступят вдруг пред тобою картины.
Станут все ярче цвета, осязательней краски,
Стройные слов сочетанья в ясном сплетутся значенье.
Ты ж в этот миг и смотри и внимай, притаивши дыханье,
И созидая потом, мимолетное помни виденье!

24 июля 1932 года.
Гималаи

Силомеры

Риши Нарада принял на себя тяжкую миссию великого спорщика, вызывателя обмена мнений, тем противоположно выявляя силу благого подвига. Многократно история древности в разнообразных проявлениях дает нам значение противодействующей силы добру, как сознательное вызывание напряжения энергии для роста творчества. Кузнец нуждается в наковальне, чтобы выковать меч, который послужит оружием подвига. Тягота наковальни, напрягающей благие удары, так же значительна, как и тягость гигантов, поддерживающих ношу мира.

Было бы неосмотрительно относить эти явления сознательного противоположения добру лишь в область зла. Зло, как таковое, может быть обеспокоено этими проявлениями не меньше, нежели проявлениями Абсолютного Блага. Ведь зло понимает значение подосновы добра; эта подоснова входит как ближайший инструмент строительства, тогда как злобное начало имеет в виду лишь разложение для умножения хаоса. Если добро из себя представляет высшее искусство для искусства строения, то и сознательное зло тоже в не меньшей мере желает разложить и разрушить во имя самого разложения, ибо разложение сопровождается тлением. Тьма питается тлением.

Когда мы говорим о врагах, и не только говорим, но и чувствуем все натиски их, осмотрим же их пристально, чтобы не ошибиться, где именно наковальня, а где тление и разложение. Во многих внешних приемах эти два понятия могут быть довольно сходны, но по своему внутреннему значению они, как показывает всегда ближайший срок, совершенно различны.

Так называемая подоснова добра усиливает искры ковки меча и затем сама, как таковая, исчезает часто бесследно, претворяясь в объеме порожденного строительного блага. Но сознательно злая сила не претворяется, оставаясь самой в себе злодействующей постоянно, оставляя несомненнейшие следы яда разложения, порождая в конце концов хаотичность и инертность.

Что же нужно порождать злу? Ведь не твердыни подвига, но смрадное тление; ему нужно превращать дух человеческий в червей пресмыкающихся, своею кишащею слизкою бесформенностью засасывающих то, что уже начинало оформляться из хаоса. Конечно, каждому ясно, как трудна и длительна в процессе своем задача оформления хаоса; и как сравнительно скоро совершается постыдный процесс инволюции в первобесформие.

Приложим все сказанное к нашим обстоятельствам. Не нужно думать, что я стал бы хотя в какой-либо мере сопоставлять задачу Риши Нарады с вымогательными действиями сеятелей тьмы. Но пусть эти невежды окажутся тем «туркой» на ярмарке, который стоит, предлагая попробовать о него силу удара. Пусть это будут просто «силомеры» и по-своему послужат утверждению благих начал.

Поистине разнообразны пробные камни и строительные материалы. Какие только трубы и какой щебень и мусор находят себе применение в стенах здания с ведома строителя! При этом не начнем радоваться количеству представившихся нам силомеров. Ведь на ярмарках только прохожие кичатся тем, что их удар заставил «турку» высунуть язык. Строителям нет дела до того, какие именно судороги пробегут по лицам невежд. Даже судорога лишний раз заставит их подумать о чем-то таком, что иначе, может быть, и не пришло бы на ум. Строителям же нужно спешить дальше, чтобы зимние дожди и ураганы не заставали постройку без покрытия.

Одно дело попытки силомеров, но совершенно другое дело чье-либо небрежение, оставившее на ночь врата постройки незапертыми. Пусть Водящая Воля посылает столько силомеров, сколько нужно для утверждения дел, но не будем покушаться на трату чьей-то энергии лишь вследствие какой-либо забывчивости или легкомысленности.

Большая и прекрасная ответственность заключается в том, чтобы, мудро использовав силомеры, не допустить со своей стороны небрежность и неуважение к тому, что мы сами считаем в пределах желанной Культуры. Если мы возьмем историю целых государств, что же мы увидим: терпели ли они ущерб лишь от внешних врагов или же, прежде всего, содействовали умалению и разрушению своими собственными внутренними мерами? «Ищите ближе» – так сказано самыми Мудрыми. Зачем возлагать столько надежд и обвинений на силомеров, нет ли в доме у самого очага каких-то способствующих затруднениям обстоятельств?

Когда древние заповедовали: «Держите очаг чистым, держите его священным», ведь это не было только кухонное соображение! Ведь это было одно из мудрых указаний о значении всего внутреннего, которое многими наслоениями, часто в отдельности почти незаметными, ведет к несмываемым и часто суровым последствиям.

Итак, прежде всего, ищите ближе! Если же кто-либо вместо того, чтобы заставить «турку» высунуть язык, безрезультатно разобьет о него свой кулак, пусть пеняет не на силомер, а на неправильность или на недостаточность удара своего; даже на ярмарках более опытные прохожие, прежде нанесения удара, присматриваются, чтобы соизмерить и не сделаться посмешищем гуляк. Когда воины обучаются рубке меча на глиняных чурбанах, сколько раз можно видеть, как неопытный рубака ломал оружие свое о мягкую глину без всякого результата. При этом опытный наблюдатель замечал: «Эх ты, простак, чего рубишь, как дровосек, не в силе дело, но в ее искусном приложении». А сломавший оружие новичок долго недоумевает, как это могло случиться, чтобы его отточенный клинок преломился о такое мягкое вещество? Но скоро он узнает, насколько труднее рубить гнущиеся прутья, нежели сухую дубовую ветку. Итак, в мирных настроениях памятуйте и военные примеры. Ведь стратегия была изобретена из жизни, а вовсе не извне. И, в конце концов, опять – ищите ближе. А в особенности тогда, когда хотите посмотреть вдаль.

Благо – не бесформенность, не мягкотелость, не день вчерашний. Благо – устремленность, построение, но не мозговое только, а сердечное, во всей сердечной Беспредельности. И в этой Беспредельности столько находит себе новые места. Именно сердце в широком понимании оценит, где неоспоримое строение и творчество.

Агни насыщает сердце! Искра – от удара! Удары – двигатели!

Окончим из книги «Мир Огненный»:

«Зерно духа как бы нуждается в ударах укрепляющих. Мертвенное благополучие и прожигание бесцельное жизни – действо, противное природе. Люди не могут постигать целительного свойства подвигающих ударов, как бы разрядов двигателей. Вспышки энергии двигают человечество. Нужно познать, насколько начинает действовать Агни лишь при движении энергии. Можно наблюдать много примеров в природе, но люди предпочитают изъять себя из закона единства. Правда, что без понимания будущего удары-двигатели непонятны. Они могут порождать сетования и уныние. Потому так нужно постижение основ самоусовершенствования для великого будущего. Устремление к будущему уже будет означать проявление Агни. Не думайте, что излишне твердить об Агни и о будущем. Нужно примирить младенца с его первой болью. Явление сетования уже значит непонимание задачи жизни. При ударах-двигателях особенно трудно познать их истинное значение. Но начало подвига есть уже признание ударов-двигателей. Пусть не забудем формулу ударов-двигателей».

1932 г.

Гималаи

Терпимость

Надпись царя Ашоки гласит: «Не унижение других верований, не беспричинное обесценивание других, но надлежит воздание почитания всем верованиям за все, что в них достойно почитания». Великий Акбар с мудрой Джод-бай, создавая храм Единой Религии, мыслили о том же великом вмещении, преисполняясь терпимости.

Когда Бхагаван Рамакришна принимал участие во всех религиях и выполнял работы всех каст, он делал это для того же великого чувства уважения ко всему сущему, во имя великой терпимости, которая открывает Врата к светлым построениям Будущего. И Преподобный Сергий, предлагая великому князю прежде военных действий истощить весь запас мирных предложений и дружественной находчивости, делал это во имя того же великого Завета. Разве не оставляет во всех нас одно и то же тягостное чувство всякое проявление тупой нетерпимости? Разве не довольно всех бесчисленных примеров истории, когда величайшие наследия разрушались невежественной нетерпимостью? Ведь это темное порождение можно связывать мысленно лишь с невежественностью, дочерью тьмы.

«Агни-Йога» в отделе «Сердце» говорит: «Нетерпимость есть признак низости духа. В нетерпимости заключаются задатки самых дурных действий. Нет места явлению роста духа, где гнездится нетерпимость. Сердце неограниченно, значит, какое же скудное сердце должно быть, чтобы лишить себя беспредельности! Нужно искоренять каждый признак, который может вести к идолу нетерпимости. Человечество изобрело разные преграды к восхождению. Темные силы всячески пытаются ограничить эволюцию. Конечно, первым натиском будет действие против Иерархии.

Слышали все о силе Благословения, но по невежеству превратили это благодатное действие в суеверие. Между тем сила магнита и есть усиление Благословением. Много говорят о сотрудничестве, но при каждом созидании нужно утвердить сознание. И что же непосредственнее укрепляет мощь, нежели луч Иерархии!»

Действительно, поучительно видеть, против чего прежде всего устремляется тупая нетерпимость. Прежде всего ненавидит она сотрудничество и Иерархию. В ее низком понятии мощное слияние сотрудничества с Иерархией делается совершенно несовместимым, между тем на чем же ином можем мы строить преуспеяние? Особенно странно видеть, как преисполненные нетерпимости, сами того не замечая, они устанавливают свою Иерархию. Если даже она будет Иерархией разрушения, то все же она останется как таковая. Иерархия темных есть тирания, тогда как Иерархия Света прежде всего основана на сознательном сотрудничестве. Тирания – насилие, страх, ужас, рабство. В истинной Иерархии созидательство, в котором каждая положительная способность находит свое применение и растет в постоянном совершенствовании.

Не подумает ли кто, что и мы допускаем нетерпи-… [В 1-м и во 2-м изданиях данной книги дальше ошибочно следовала вторая строчка следующего абзаца. Как в действительности заканчивалось предложение, пока установить не удалось. (*Прим. ред.*)] …мечено является основою разложения, становится вратами к хаосу. Кроме того, терпимость вовсе не означает терпимость зла и преступности, но, конечно, будет распространяться по всем бесчисленным отраслям созидания.

И не будем относить понятия терпимости или нетерпимости в какие-то высшие, абстрактные сферы. Не будем сопричислять их и к чему-то громадному, великому, за пределами обыденности. Зачем так далеко, когда оба свойства выражаются именно в обиходе каждодневности. В малых обыкновенных действиях следует искать выражения нашей сущности.

«На это сказал Иисус: «Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставивши его едва живым.

По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо.

Так же и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо.

Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился, и подошед, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе.

Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?

Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же» (Евангелие от Св. Луки, 10, 30 – 37).

Не с престола возливал милосердный самаритянин свой целебный бальзам в раны неизвестного путника. Нет, библейский пример дан в окружении обычности. Пустынная дорога, погибающий одинокий раненый. Немало людей обошли раненого и поспешили скрыться. Ведь кто знает, кто он таков? Может быть, не нашего вероисповедания? Может быть, помощь ему вовлечет в неприятную историю? Один из служителей церкви признался, что не мог помочь больной, ибо не знал, к какой вере принадлежит она. Но самаритянин своим примером укорил всех ханжей нетерпимости. Да и Святой Мартин, когда отдал плащ свой нагому нищему, вряд ли предварительно учинил допрос о вере и общественном положении.

Примеры всех Заветов говорят о высшей, прекраснейшей терпимости.

Нетерпимый человек, прежде всего, и не милосерден, значит, и не великодушен и не знает доверия. Всякий зачаток нетерпимости должен быть искореняем с детства, с первых дней пробуждения сознания. Опытный воспитатель должен подмечать, в чем проявится первое отрицание, и немедля заменить его действенным вмещением. Какое множество предрассудков и суеверий будет изъято из жизни! Сколько новых приветливых взглядов и сердечных сочувствий будет создано! Сколько домашних драм будет разрешено благостными заветами всевмещения!

В каждой школе, по любой специальности, с первого же дня терпеливо и заботливо будет вводиться просвещенное всевнимание и вмещение. Безысходность, исчадье нетерпимости, заменится беспредельностью познавания и созидания. Темное «нельзя» заменится светлым «можно», облагороженным истинным просвещением.

Стары напоминания о нетерпимости, как первые страницы Заветов, но невнимание к ним делает их новыми, точно бы сложенными на день завтрашний. Как немного усилий требуется, чтобы это завтра оказалось сияющим многими достижениями, возможными при сердечном сотрудничестве.

Даже и в наше нетерпимое время возможны такие объединительные учреждения, как всемирный Почтовый союз или Красный Крест. Никто из самых нетерпимых ханжей не протестует против этих учреждений. Значит, какой же незначительный сдвиг сознания требуется, чтобы достичь и всего прочего доверия и сотрудничества. И разве это так трудно?

Псалмы и песни народные издревле воспевают самые объединительные чувства человеческие, самые лучшие подвиги. Молодые очи, разве не сияют они от слова о подвиге прекраснейшем? И никакою машиною, никаким стандартом не задавить священный трепет сердца перед прекрасною беспредельностью. Пусть в школах еще больше говорят о подвиге, о великодушии, о творчестве мысленном и действенном. Маленький сдвиг покажет из-за тени сияние света. И превратится сдвиг в подвиг.

Вспомним поучительный пример китайской легенды о художниках. «Знаменитый художник был приглашен ко двору императора, чтобы написать возможно лучшую картину

свою. Велики были затраты на оплату и на издержки приезда художника, но Покровитель Искусства император хотел иметь его лучшее произведение и предоставить все лучшие условия. Художник назначил срок в течение одного года. В отведенном ему помещении художник проводил день за днем в сосредоточенном обдумывании, так что наконец придворные обеспокоились, когда же, наконец, начнется сама картина. Все материалы были давно приготовлены, но художник, видимо, и не думал приступать к заполнению холста. Наконец спросили художника, ввиду приближения окончания срока, им назначенного, но он сказал: «Не мешайте». И за два дня до окончания года он встал и, быстро принявшись за кисти, закончил лучшее свое произведение, сказав после: «Сделать не долго, но нужно раньше увидеть то, что сделаешь».

Казалось бы, уже достаточно много времени прошло, чтобы человечество могло увидеть всю непрактичность, низость и ничтожество нетерпимости. Будем надеяться, что многие века уже научили увидеть и осознать этот вред, взаимно непрестанно наносимый. Будем думать, что, по Завету мудрого китайского художника, – «увидеть долго, но сделать быстро». И так сдвиг опять может превратиться в подвиг.

А чтобы не огорчаться на пути к подвигу, можно вспомнить известное многоопытное изречение Благословенного. Когда Ананда спросил, зачем тратить дыхание перед собранием, которое не желает понять поучение, Благословенный сказал: «Зима приходит. Если кто и не думает о ней, она, тем не менее, придет. Ничто не мешает мне посвящать себя проповеди истины, даже если кто-то не нуждается в том, что я говорю».

1932 г.

Гималаи

Оружие Света

Воистину, слеп тот, кто не хочет видеть.

Среди практических занятий по римскому праву наш старый профессор как-то дал задание о преследовании клеветы. Обсуждая этот предмет, мы пришли к заключению, что клевета и диффамация в существе своем карались сравнительно мало. При этом мы спросили профессора – почему ни в одном законодательстве не карался произнесенный ложный факт. Помню, как добродушный профессор улыбнулся, воздел руки кверху и сказал: «Тогда пришлось бы посадить в тюрьму девять десятых всего мира».

Эти мечты студентов об ограждении человечества от ложных фактов рано или поздно опять вспоминаются. Само нагромождение разрушительных для человечества обстоятельств точно бы указывает, насколько следует обратить внимание на глубочайшие целые океаны ложных измышлений, в большинстве сознательно направленных ко злу.

Никакие современные законодательства, если бы даже и пытались иногда преграждать вредоносную клевету, не в силах бороться с шептанием лжи. Кто-то скажет, что это та же клевета, но очень многие подобные злошептания не подойдут под статью о клевете и, тем не менее, будут рассадником, в высшей степени вредоносным. Даже если мы постараемся не обращать внимания на всякую ложь, которую, как птицы, щебечут люди, вообще не давая себе отчета, какие страшные приговоры иногда заключаются в веселом щебетании гостиных, то тем вред не уменьшится. Но, кроме этих безответственных щебетаний, в мире разрослось множество заведомо ложных измышлений, имеющих единственную и вполне осознанную цель – определенного вреда разложения и опустошения.

Если бы начать перечислять встреченные каждым из нас факты такой заведомой вредоносности, то составилась бы огромная книга зла; также на сцене иногда показывают делание слепков замка для поддельных ключей, чем внушают слабовольным зрителям разные вредные идеи. Перечислять вредоносные измышления было бы само по себе уже вредно, но нужно дать себе труд, хотя иногда, подумать, сколько заведомой лжи шествует в жизни, разрушая на своем пути самые ценные, а часто и незаменимые возможности.

Из храма люди стали выходить обновленными для новой клеветы. Звуками песнопений стала поощряться душа к злословию. Лучший героизм драмы стал побуждать к подозрениям. И молитва не становится ли угрозою? Так ли? Хорошо ли?

Для смертельности яда змее не нужен гигантский рост; мала ехидна и змейка коралловая. Пагубен яд даже малого скорпиона.

Об обмане думает обманщик. О предательстве предусматривает предатель. Об ужасах терзается трус. Каждый по-своему. Скажи, о чем думаешь, и я скажу, кто ты есть.

Конечно, если законы должны ограждать безопасность граждан, то ясно, что и законы против клеветы и лжи должны быть постепенно усиливаемы. Если человечество видит, что поток зла очень изобретательно увеличивается, то странно было бы бороться с ним средствами древнего римского права, Кодекса Юстиниана или даже Кодекса Наполеона, которому частично подражали многие последующие законодатели.

Если зло создало свои новые формулы, то ведь и противодействие должно быть постоянно обновляемо.

«Воспитанные» дети должны ничего не желать, ни к чему не стремиться и притупить все свои творческие устремления, слепо следуя стандарту воспитателей, которых, в свою очередь, никто никогда не учил ничему благому и творящему.

Пыльны серые одежды, в которые мы закутали Этику и всякое светлое творчество! Они нашли себе ярких заместителей в виде осуждений, злоречий и распространения ложных измышлений. Странно наблюдать, насколько оживляются лица при одном приближе-

нии ложного измышления. Как обогащается словарь, и самый молчаливый гость становится чуть ли не оратором. При этом не тогда, когда он сам введен в заблуждение, но именно тогда, когда он отлично понимает, что он лжет.

Изобретателен лжец и в заподозриваниях; судя по себе самому, он, вступая в эту область, чувствует себя как рыба в воде. Его злобная опытность ободряет, что выходки его останутся безнаказанны. Конечно, если вы напомните ему слова Писания: «В юже меру мерите, возмерится и вам», он только самодовольно махнет рукою, говоря: «После нас – хоть потоп!»

Его злобное сознание подскажет ему, что его собственное самосохранение лежит лишь во зле и без этого зла он, как рыба без воды, теряет свою жизнеспособность. В этой основной злобности, в этой подозрительности, в этом желании очернения всех сказывается и глубочайший атеизм.

Перед лжецом не встает никакого Высокого Облика, перед которым он мог бы устыдиться. Его скудное воображение не рисует ему никаких перспектив его собственной будущности, когда он должен будет дать отчет в действиях своих или, вернее, когда он должен поставить себя на место, заслуженное им самим.

Мудро сказано: «Поступайте так, как хотели бы, чтобы и с вами поступили». Если каждый лжец будет сознавать внутри себя, что он произносит не только крылатое воробьиное слово, но и делает при этом нечто, предусмотренное уголовным законодательством, то он лишний раз подумает – не слишком ли дорого обойдется ему так полюбившееся злоречие.

Вполне естественно, что усилившиеся своекорыстные угрозы и похищение детей в Америке вызвало усиление противодействующего закона. Конечно, вероятно, в эти дни Линдберг горько улыбается, сознавая, что этот усиленный закон пока ему ни в чем не помог. Даже наоборот, именно после введения закона получилось какое-то новое вымогательство, как бы глумление. Это глумление не показывает ли, насколько зло, как таковое, разрослось и меры против него уже запаздывают?

Не становится ли это похоже на гангрену, за которой тщетно старается поспеть нож хирурга? Не приходим ли мы опять к тому же самому решению, какое было прилагаемо и в других жизненных областях? То есть не время ли без промедления вводить в школы, с самых низших классов, основы практической Этики?

К сожалению, этот предмет попал в число отвлеченностей, о которых не всегда даже принято говорить, ибо это будет сочтено чем-то несовременным, невоспитанным и вызовет жестокий глум и противодействие союзников сознательного зла. Но если само древнее слово «Этика» ни в чем не виновато, то не виноваты ли мы сами, которые сделали беседу обо всем хорошем недопустимою в гостиных наших?

Не мы ли виноваты, если облекли животные основы Этики в скучнейшие серые тоги и предоставили злошептателям самые выразительные страницы словаря? Ведь энтузиазм, этот светлый огонь сердца, считается неприличным в «почтенном» обществе. Похвала и восторг, эти цветы Сада Прекрасного, считаются почти знаком невоспитанности. И похвала, вместо ее взаимновдохновляющего значения, принимает вид какого-то условного лицемерия, которое так и допущено.

Но для этого нужно иметь хоть какое-нибудь воображение. Для того нужно воспитывать это воображение, чтобы оно могло вывести за пределы сегодняшнего дня. Люди очень боятся болезней, нищеты и всяких несчастий. Самые наглые лжецы и клеветники иногда оказываются грубыми фетишистами. Они знают о каких-то несчастливых знаках, но не хотят знать лишь того, что обратная сторона есть просто возвращенный их собственный бумеранг. Карма!

Каждому, наблюдавшему метание бумеранга, вспоминается, как иногда неопытный и неосмотрительный метальщик потом с воплем пытается отскочить от собственного же

орудия, которое неумолимо настигало его и било с математической точностью силы самой посылки. При этом опытные метальщики называли пострадавшего прежде всего глупцом. Поистине никакого другого наименования невеждам злобы и нельзя придумать.

Как все невежды, злошептатели прежде всего глупцы! Какие бы мишурно блестящие слова ни изобретали они в своих злошептаниях, как бы ни старались они развеселить наивное общество отвратительною выдумкою, они останутся прежде всего глупцами! Каждая их ложь с абсолютною точностью аккумулируется и в нежданный ими момент поразит их тем сильнее, ибо каждый сад растет, как темный, так и светлый.

Странно, что земля должна была существовать несказуемые цифры лет для того, чтобы сейчас назрела такая необходимость вопиять против количества зла, порожденного ложью! Но стоит взять любую газету, и события одного только дня покажут, какого страшного предела достигло человечество, желая вредить друг другу.

Хотелось бы, как детям, сказать: «Во время игры не деритесь!», так же сказать и взрослым: «Попробуйте прожить один день, не вредя друг другу!»

Кажется, что в такой день, который бы человечество прожило без вреда, совершилось бы какое-то величайшее чудо, какие-то прекраснейшие, целительные возможности снизошли бы так же просто, как иногда снисходит добрая улыбка сердца или плодоносный ливень на иссохшую землю.

Однажды женщина сказала священнослужителю: «Когда я молилась, то священное Изображение улыбнулось мне». А мудрый священнослужитель ответил: «Сердце твое улыбнулось, и ответила ему улыбка Спасителя». Неужели же невозможна эта спасительная улыбка правды, улыбка благостного даяния и самоотвержения? Неужели же действительно, эгоизм, этот один из ближайших родственников лжи, уже стал победителем?

Не может это быть там, где из глубокой древности уже даны мудрейшие Заветы. Не в скуке, обезображенной непониманием Этики, но в радости Этики, преображенной огнем сердца, всеми лучшими заветами от юношества, от младенчества пусть идут дети новым путем великого сотрудничества с Благом творящим!

История дает нам изумительные примеры, как часто не только детский, еще не испорченный, мозг преображался мышлением, но и самые, казалось бы, закоренелые преступники просветлялись. Примеры этих просветленных преступников всегда указываются Великими Заветами; значит, ничто не потеряно. Значит, по счастью, не одною угрозою законов, но именно просветлением сознания можно достигать самых лучших следствий.

Один ученый говорил мне: «У нас не осталось формул». Ах, какая неправда! Все прекрасные формулы не только сохранены во всей живости, но и не великое мужество требуется, чтобы опять обратиться к формулам прекрасным и благостным. «Сердцеведение» называется этот предмет очищающий. Конечно, это благовествование пусть облечется в одежды Света; как сказал Апостол Павел: «Облечемся в оружия Света».

В этих светлых одеждах, в доспехе, блистающем среди сияющих факелов сердца, нетрудно будет бодрствовать всю долгую ночь и дождаться Утреннего Света. Никто не сказал, что праздники не нужны. Наоборот – Праздник Сознания, Праздник Труда, Правды, как он глубоко вдохновителен! А главное, как он возможен от любой хижины и до дворца!

Будем же все, хотя бы самое темное, хотя бы самое злое, покрывать творческим созиданием, тем, которое даст Праздник Души человеческой. На том и сойдемся!

1 мая 1932.

Гималаи

Качество

«Если хочешь опередить свою тень, обратись лицом к солнцу. Брат, делай все лучше, трудись радостнее».

В известный период синтеза деятельность должна сконцентрировать качество выявления. Количество, как известные массовые вестники, может быть иногда допускаемо, но движение Культуры никогда не запечатлевалось ни количеством, ни большинством.

Высокое качество и изысканное меньшинство всегда были двигателями настоящих достижений Культуры. Очень часто даже в хороших речах и писаниях о Культуре проскальзывает, что Культура начинается там, где люди знают, как использовать досуги свои. Это может быть верно лишь постольку, поскольку мы условимся в понятии досуга. Если под досугом мы поймем все время вне нашей рутинной работы, как мы иногда называли ее – временем труда – пранаямы, тогда так называемый досуг явится лишь средоточением на изыскании высокого качества всей нашей деятельности. Сконцентрированные качественные удары собранной энергии; прекрасно звучат они в пространстве и пробуждают звучанием своим сердца народов.

Качественность пробуждает и другую столь необходимую в эволюционных процессах особенность: она пробуждает действительную ответственность за все исходящее, хотя бы в одном утверждении или предупреждении, хотя бы оно являлось новою фазою утончения чего-то, казалось бы, уже известного. Величайшая драма часто скрывается в этом будто бы уже известном. Это «известное» попадает в тот разряд общепринятости, о котором люди более и не помышляют, иначе говоря, не только не утончают, но и не возвышают более эти понятия.

Устремление к качественности обратит нас ко многим аксиомам жизни, которые придется опять вернуть к проблемам, настолько они требуют утончения, обострения и устремления с новых точек нашего бытия. «Non multa, sed multum», этот мудрый совет давался тоже в известные периоды деятельности. Нельзя начинать знаменование Культуры с молчания. Молчальники-отшельники уходили от мира лишь после известной деятельности, когда само их молчание являлось уже громовым духовным зовом и целением немощей.

Как прекрасно сосредоточенное ответственное движение резца ваятеля, который после грубого оформления подходит к выявлению тончайших покровов, причем малейшее отступление верности руки наносит непоправимое искажение. Пока ваятель находится в сфере первобытных оформлений, рука его может позволить себе иногда или слишком углубленный, или поверхностный извилистый удар резца. Но когда он подходит к окончательному выражению, преступить которое значило бы вернуться к хаосу, то творческий энтузиазм его возвышается и великою ответственностью за каждое движение его руки. В это время ваятель, может быть, еще чаще отойдет от своего произведения, чаще взглянет на него с разных углов зрения, чтобы, приблизившись, запечатлеть неповторяемое прикосновение. Там, где в первые дни работы ваятель мог и словесно выражать свои намерения, там при завершительных ударах он больше молчит, углубляется, зная, что он ответит за все им завершенное.

Качественность, воздвигнутая всем комплексом обстоятельств, вносит в дело строения особую духовную радость. Переходящий горный поток не может позволить себе ни единого неверного движения. Так же, следуя по струне через бездну, мы как бы даже теряем часть нашего физического веса и, сердечно прикрепленные к духовным нитям, почти перелетаем гибельные пропасти.

Назовете ли это энтузиазмом, или возвышением духа, или совершенством качества всех движений и помыслов, или высочайшею торжественностью всех чувств наших, безраз-

личны эти наименования. Тот, кто не поймет торжественности в любви, торжества качества, тому и все прочие наименования будут лишь камнями, грохочущими в горном потоке.

Не в грохотании звонких слов лежит суждение о высоком качестве. В собранной торжественности сердца решается это судбище вечности. Если мы дерзаем произносить слово Культура, значит, прежде всего мы ответственны за качество. Корень слова Культура есть высшее служение совершенствованию, но это и есть наше обязательство по отношению к бытию.

В накоплении качества ничто не будет не предусмотрено, ничто не будет забыто и, конечно, ничто не будет своекорыстно извращено. Крупное ли, мелкое ли своекорыстие так внедрено в жизнь человечества целыми веками извращений и отрицаний, что своекорыстие является одним из главных врагов всего, совершенного поверх личного качества.

Как-то рассуждалось в печати о том, не было ли в подвигах, запечатленных человечеством, какого-то своекорыстия? Вопрошалось – не было ли в действиях пастушки Жанны д'Арк какого-либо движения самости, когда она утвердилась на мысли о спасении целого народа? Эти соображения могут приходить в голову лишь людям, в существе своем своекорыстным. По их мнению, не только подвиги, но даже и дела повседневного благотворения, конечно, вызваны лишь разными степенями самости и своекорыстия.

Таков закон людей бессердечных, которые, судя по себе, полагают, что все доброе творится или для своекорыстия, или для каких-то земных личных возвышений, забывая, что эти земные цветы однодневны, как и пышные цветы кактуса. Бросая всему обвинение в своекорыстии, прирожденные своекорыстники начинают безумствовать и над Культурою. Они говорят: «Нам недоступны пути святости», точно бы обязанности перед Культурою уже были какими-то святыми достижениями.

Кощунственники всегда будут ненавистную им реальность забрасывать за облака недосягаемости, чтобы тем легче навсегда отвязаться от нее. Они же охотно будут покровительствовать кулачным боям, бою быков, состязанию на скорость, доведенную до бесцельности. Они выдвинут все физические грубейшие выявления, лишь бы хотя отчасти стереть значение всего изысканного творящего. Они готовы передать Храм в руки торгашей, надеясь, что, по нашим временам, некому будет изгнать их из Святилища и поддержать то, чем жив дух человеческий.

По счастью, пути совершенствования и высокого качества в существе своем лежат вне рук торгашествующих. О качестве мыслит меньшинство. О качестве может мыслить молодое сердце, пока не загрязнено. По каким бы закоулкам ни вздумало бродить человечество, процесс качества все-таки будет совершаться! Все-таки совершится, ибо подвижничество живет в сердце утонченного духа. Вне опубликованных законов находятся накопления утончения.

Но не будем входить в сферы несказуемые. Сейчас нужно твердить именно о вполне сказуемом понятии качества во всех действиях, во всей производительности. Не устремленные к качеству пусть лучше и не говорят о Культуре.

Культура вовсе не модное, стильно фешенебельное понятие. Она есть глубочайший устой жизни, скрепленный высшими серебряными нитями с Иерархией Эволюции. Потому-то осознавшие стремление к качеству не боятся насмешек и повторяют словами Апостола Павла: «Когда вы думаете, что мы мертвы, мы все-таки живы». И не только живы, но каждый, устремленный к Культуре, иначе говоря, к качеству, находит в себе неиссякаемый источник сил и противостояние всему злобному и разрушительному. Он-то может повторять мудрое изречение: «Благословенны препятствия, ими растем». Для него каждое выявление препятствия есть лишь возможность возвышения качества.

Чем же будет преоборена грубейшая форма, как не излучением духа, сказавшимся во всем качестве, в качестве каждого действия, каждого дня, каждого помысла. Итак, стремясь

к высшим формам цивилизации, дерзая мыслить даже о Культуре, не забудем, что жизненность стремления создается из высокого качества всех действий.

Не мечтать во снах, но выявлять в жизни обязывает нас ответственность перед Культурою. И эта ответственность поистине распространяется не на какие-то заоблачные мечты редких праздничных дней, но должна быть запечатлена во всей каждодневности. Качество, красота, торжественность в любви во всей неудержимости и беспредельности ткут несломимые крылья духа. Качество, качество, качество! Во всем и всегда!

Конечно, всегда найдутся и сатанинские твари, которые на все духовное, на все прекрасное прошипят: «К черту Культуру, деньги на стол». Но не завидна мрачная участь таких сатанистов. По счастью, «Свет побеждает тьму».

Но какие же сердечные выражения привета послать тем, кто бескорыстно, самоотверженно борется за Культуру! Как не приветствовать тех, кто благородною борьбою своею помогает государству вписывать незабываемые страницы лучших достижений! Ведь эта борьба, как борьба с самою сгущенною темнотою, необычайно трудна, но зато она и составляет тот истинный подвиг, который запечатлевается навеки и составляет лучшие путеводные вехи молодым поколениям.

Благородное стремление создает и неиссякаемость сил и растит тот светлый энтузиазм, о котором горят глаза и звучит сердце человеческое. Во имя бездонной Красоты сердца человеческого и сойдемся, и укрепимся в светлой победе Культуры.

1932.

Гималаи

Туман

Сколько людей приезжает полюбоваться величественным видом Гималаев, неделями живут в Дарджилинге. Нередко за все время видят перед собою лишь серый беспросветный туман и уезжают в полном разочаровании. Местные снимки с гор их не только не удовлетворяют, но, вероятно, им кажутся какими-то поддельными. Ведь они сами не видели горного величия. Они остаются в пределах очевидности. А случайная очевидность им уделила лишь серый туман. Трудно людям отделять очевидность от действительности. Серый подавляющий туман так часто скрывает прекрасную действительность. И не образовано воображение. Коротки мысли для того, чтобы огненно представить себе скрытое туманом.

«Но не известно будущее, и стоит оно пред человеком, подобно осеннему туману, поднявшемуся из болот: безумно летают в нем вверх и вниз, черкая крыльями, птицы, не распознавая в очи друг друга, голубка – не видя ястреба, ястреб – не видя голубки, и никто не знает, как далеко летает он от своей погибели…»

Сколько непоправимых горестей соделано в тумане. Сколько непоправимого происходит в туманах гнева, раздражения, смятения и страха. Все туманы разноцветные, но всегда отягченные серыми и алыми насыщениями. И черные туманы бывают. В Лондоне при черных туманах люди не могут найти даже свой собственный дом. Блуждают беспомощно, выходят из себя, теряют терпение. Только подумайте, если зримый туман может называться черным туманом, а сколько этой чернейшей тьмы обуревает, искажает сознание человеческое.

Газета рассказывает следующий «роковой случай»:

«Несколько дней тому назад в Харбине в Модягоу произошла потрясающая трагедия, повлекшая за собой смерть 8-летнего мальчика. Знакомые подарили мальчику щенка. Мальчик кормил собачку из своих рук, играл с ней целыми днями и даже брал ее с собой спать в свою кровать. Между ребенком и собакой установилась самая нежная дружба.

Отец по утрам открывал клетку с канарейкой и выпускал ее летать по комнатам. Щенок подкараулил канарейку, ударил ее лапой и придушил. Отец схватил щенка за задние лапы и на глазах своего сына ударил щенка головой об стену и убил его. Ребенок был страшно потрясен этой картиной жестокой расправы со своим любимцем. Спустя несколько времени мальчик стал жаловаться на сильную головную боль, указывая, что, очевидно, так же болела голова у его щенка, когда отец убивал его, ударив о стену.

На следующий день у ребенка поднялась температура. Вызвали врача, который высказал подозрение на нервную горячку и потребовал, чтобы родители перевезли ребенка в больницу. На третий день болезни врачи, по характерным признакам заваливания головы назад, определили у мальчика заболевание менингитом. Причиной заболевания, возможно, послужило то потрясение, которое ребенок пережил, наблюдая картину убийства отцом его любимой собачки. На пятый день мальчик умер. Его смерть явилась большим ударом для родителей.

Отец и мать переживают сейчас большую трагедию. Мало того, что оба убиты свалившимся на них горем, между ними происходят ежеминутные ссоры. Мать умершего мальчика упрекает мужа, называя его виновником гибели ребенка. Отец посетил несколько врачей и справлялся у них, может ли случиться заболевание менингитом от такого потрясения, какое пережил мальчик.

Врачи ответили утвердительно».

Действительно страшная драма, непоправимая, порожденная уродливым бытом. А сколько таких драм и ужасов происходит, не попадая на газетные листы. В молчании и неизвестности эти ужасы остаются неявленными и не предупреждают многих, уже готовых к

совершению страшного дела. Страшные дела бывают разные. Топором рубят головы, удушают и не однажды, а трижды… Мало ли какие ужасные изобретения существовали, а может быть, и еще существуют.

Но еще гораздо больше страшных дел творится и без топоров, и без шнурков-удушителей. В тесном быту, при закрытых дверях и окнах, калечатся жизни. Какие-то люди берут на себя ответственность за извращение чужой жизни. Иногда, подобно средневековой инквизиции, они думают исправительствовать, но чаще всего действуют просто в тумане, в алом и черном тумане. В таком тумане, в котором они уже не распознают своего собственного очага, в котором они готовы разрушить ими же сложенный дом, лишь бы произвести акт безумия. Конечно, это несомненно безумные действия. Но от того, что они безумные, на земле не легче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.